Женщины времен июльской монархии

Истории любви в истории Франции - 9

Ги Бретон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С незапамятных времен известно, что миром правит любовь. Французский писатель и историк Ги Бретон решил доказать, что ради коротенького «да» любимой женщины государственные мужи объявляли войны, запрещали религии, принимали абсурдные законы, то есть вершили историю под влиянием страсти к даме сердца. Такой взгляд на историю спорный, но удивительно увлекательный.

- Ги Бретон
  -
  - ПООЩРЯЕМЫЙ ГОСПОЖОЙ ДОН, ГОСПОДИН ТЬЕР ПОМЫШЛЯЕТ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЕ
  - ПРИНЦ КОНДЕ ПАЛ ЖЕРТВОЙ СТРАННЫХ ЗАБАВ ЭРОТОМАНА
  - ПОЛИТИКО-ЛЮБОВНАЯ АВАНТЮРА ГЕРЦОГИНИ БЕРРИЙСКОЙ
  - ГЕРЦОГИНЯ БЕРРИИСКАЯ РОЖАЕТ В ТЮРЬМЕ
  - ГОСПОДИН ТЬЕР ЖЕНИТСЯ НА ЭЛИЗЕ ДОН, ДОЧЕРИ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ
  - БЫЛА ЛИ ФАННИ ЭЛЬСЛЕР ЛЮБОВНИЦЕЙ ОРЛЕНКА?
  - МАРИЯ-ЛУИЗА ВЕДЕТ В ПАРМЕ БЕСПУТНУЮ ЖИЗНЬ
  - ПАРИЖ ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ЛЮБОВНИЦУ ФИЕСКИ
  - Г-ЖА ДОН ХОЧЕТ ЗАТЕЯТЬ «СВОЮ» ВОИНУ
  - ПАЛАТА ПЭРОВ ОБРЕКЛА ЛУИ-НАПОЛЕОНА НА ЦЕЛОМУДРИЕ
  - ЛУИ-НАПОЛЕОН ПЕРЕОДЕВАЕТСЯ В ЖЕНСКОЕ ПЛАТЬЕ, ЧТОБЫ ПОУХАЖИВАТЬ ЗА ПРЕКРАСНОЙ ФЛОРЕНТИНКОЙ
  - ПОДГОТАВЛИВАЯ ПЕРЕВОРОТ В СТРАСБУРГЕ, ЛУИ-НАПОЛЕОН РАССЧИТЫВАЛ НА ПОМОЩЬ ПЕВИЦЫ, ГОСПОЖИ ГОРДОН
  - В АМЕРИКЕ ЛУИ-НАПОЛЕОН ПУСКАЕТСЯ В РАЗГУЛЬНУЮ ЖИЗНЬ
  - В ФОРТЕ АМ ЛУИ-НАПОЛЕОН СТАНОВИТСЯ ОТЦОМ
  - ГРАФ Д'ОРСЕ СТАНОВИТСЯ ЛЮБОВНИКОМ ЛЕДИ БЛЕССИНГТОН, ДРУГОМ ЛОРДА БЛЕССИНГТОНА И МУЖЕМ МИСС БЛЕССИНГТОН
  - ТРОН ЛУИ-ФИЛИППА ЗАБРЫЗГАН ГРЯЗЬЮ СКАНДАЛОВ
  - ОХ УЖ ЭТИ ПОЛИТИКИ 1848 ГОДА, КОТОРЫХ

ЖЕНЩИНАМ ПРЕДСТОЯЛО ЛЮБИТЬ…

- ПЫЛКИЕ ВЕЗУВИАНКИ ОТОЖДЕСТВЛЯЛИ СЕБЯ С РЕВОЛЮЦИЕЙ
- КАК Г-Н ЛАМАРТИН БЫЛ ПРИНЯТ ЗА ЖЕНЩИНУ ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ
- ЛУИ-НАПОЛЕОН ИЗБРАН БЛАГОДАРЯ МИСС ГОВАРД
- ГРИВУАЗНОЕ ЧТИВО ЛУИ-НАПОЛЕОНА
- РАШЕЛЬ ВЛАСТВУЕТ В ЕЛИСЕЙСКОМ ДВОРЦЕ
- КОГДА Г-Н МОРНИ ЖИЛ «В КОНУРЕ ДЛЯ ВЕРНОГО ПСА»
- ЛЮБЯЩАЯ МИСС ГОВАРД ФИНАНСИРУЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ
- СТЕНДАЛЬ ВЛЮБЛЕН В ЮНУЮ ЕВГЕНИЮ МОНТИХО
- ЛУИ-НАПОЛЕОН ВСТРЕЧАЕТ ЕВГЕНИЮ У СВОЕЙ БЫВШЕЙ НЕВЕСТЫ
- НАПОЛЕОН III ВОЗЛАГАЕТ ВЕНОК ИЗ ФИАЛОК НА ГОЛОВУ ЕВГЕНИИ
- МИСС ГОВАРД СТАНОВИТСЯ ЗНАТНОЙ ДАМОЙ

Ги Бретон
Женщины времен июльской монархии

Посвящается Франсуа Перье

Что до меня, я предпочитаю жизнь во всех ее проявлениях.

Наполеон III

Есть некоторый риск в попытке доказать, что в основе всех значительных событий находится женщина и, разумеется, любовная история, зачастую достаточно легкомысленная. Некоторых строгих или лицемерных критиков это раздражает, и они со всей резкостью выражают свое возмущение автору, который вознамерился отождествить кулисы истории с будуаром фавориток…

Они, например, пишут:

«Он слишком большое внимание уделяет сексуальным отношениям; слишком много намеков на мало серьезные факты; это насмешливый фавн, заглядывающий через плечо Клио в попытке увидеть ее грудь…» Или вот еще: «Он просто не способен прикоснуться к женщине без того, чтобы не стащить с нее юбку через голову».

Я не знаю, что думаете вы по поводу этих двух фраз. Меня же они оставляют совершенно равнодушным.

Даже притом, что первая была написана Сент-Бевом, а вторая принадлежит Жорж Санд и что обе касаются историка Мишле…

ПООЩРЯЕМЫЙ ГОСПОЖОЙ ДОН, ГОСПОДИН ТЬЕР ПОМЫШЛЯЕТ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЕ

Сколь счастлива жизнь, начавшаяся с любви и закончившаяся блестящей карьерой.

Стендаль

12 сентября 1822 года в 8 часов утра на монмартрском лугу в присутствии двух секундантов сошлись два человека с пистолетами в руках.

Один из них, бывший наполеоновский солдат, лет пятидесяти, рослый, могучий, краснолицый, по имени Бонафу.

Другой — лет двадцати пяти, маленький, щуплый, в больших очках, скрывавших половину лица. Звали его Адольф Тьер.

Причиной их ссоры была, разумеется, женщина. В Эксе, где он, молодой студент, изучал право, Адольф Тьер влюбился в м-ль Бонафу и пообещал на ней жениться. По окончании учебы он приехал в Париж в надежде добиться там успеха, познакомился с молодыми женщинами, чье положение в обществе могло помочь ему в его честолюбивых замыслах, и поспешил забыть свою маленькую провинциалочку. Тогда г-н Бонафу сел в дилижанс и отправился в столицу, с тем чтобы потребовать от молодого Растиньяка выполнить свои обязательства.

Адольф объяснил, что положение редактора газеты «Конститюсьоннель» не позволяет ему в данный момент обзавестись женой. Услышав это, старый служака вызвал его на дуэль.

Вот почему эти два человека, чуть было не ставшие тестем и зятем, оказались однажды утром на лугу.

По сигналу, данному одним из секундантов, г-н Бонафу выстрелил, но промахнулся. Тьер как настоящий игрок сделал выстрел в воздух. Дуэль была окончена.

Дуэлянты разошлись, не помирившись, и по ухабистой дороге порознь направились в Париж.

Сидя в глубине кареты, Адольф Тьер ехал в задумчивости и печали. Он думал о том, что этим выстрелом в небо Монмартра он поставил последнюю точку в своей жизни молодого провансальца.

За овальными стеклами очков поблескивали его кошачьи

глаза:

— Теперь, друзья мои, — произнес он, — надо завоевывать Париж…

Ради достижения своей цели маленький марселец, чьи родичи были греками , был вполне готов воспользоваться любыми средствами, в том числе и услугами дам . Впрочем, поначалу, его все же удерживала некоторая робость. Его любовный опыт был невелик, и он боялся показаться новичком в глазах прекрасных аристократок, покровительства которых надеялся добиться. Педантичный в отношениях с женщинами, как некогда в учебе, а впоследствии и в политике, он решил взять несколько уроков в объятиях опытных женщин. Теперь его видели едва ли не каждый вечер в компании девиц, не обремененных чрезмерной добродетелью. Эти доблестные особы, сами того не подозревая, умелой рукой доводили до блеска то оружие, которое маленький журналист очень скоро использует для завоевания парижских салонов.

Шарль Помаре. Истинный глава государства, господин Тьер.

Человек упорный и умный, Адольф Тьер очень быстро достиг уровня своих учителей. Он сам ставил перед собой смелые задачи и решал их с редкостным искусством и ловкостью, которые могли бы привести в восхищение самих авторов Кама Сутры.

И только после этого он осмелился начать ухаживать за женщиной из высшего света.

Торопясь к финишу, он сразу же начал метить высоко и повел наступление на Доротею Курляндскую, герцогиню де Дино, племянницу и непостоянную любовницу г-на Талейрана.

«Она была, — пишет Андре Жермен, — на несколько лет старше него; для дебютанта в журналистике и политике связь с подобной женщиной можно считать блистательным началом».

Разумеется, навыки, приобретенные Адольфом в постели дам Пале-Рояля, привели очаровательную герцогиню в восторг. Как-то утром, после одной особенно удачной ночи, она отправилась к своему дядюшке и принялась нахваливать ум маленького провансальца, его эрудицию, уверенность в суждениях и глубину политических взглядов.

Старый лис, конечно, сразу понял, какими скрытыми достоинствами подогрет энтузиазм Доротеи. Однако, почуяв в этом честолюбивом и не слишком щепетильном журналисте нечто, позволяющее сделать из него универсальный инструмент для завоевания власти, Талейран заставил замолчать свою ревность.

К тому времени — речь идет о 1826 годе — Талейран тайно трудился над свержением Карла X. Науськивая оппозиционную

прессу, возбуждая ненависть к власти, усиливая всеобщее недовольство, он очень надеялся снова изгнать Бурбонов из Франции.

Маленький Тьер, владевший такой трибуной, как газета «Конститюсьоннель», мог оказаться бесценным подспорьем. Талейран встретился с ним, без особого труда соблазнил и сказал, улыбаясь:

— Однажды, господин Тьер, вы станете министром… Но для этого требуется, чтобы Пале-Рояль переместился в Тюильри…

В Пале-Рояле жил Луи-Филипп Орлеанский, сын Филиппа Эгалите. Со своей женой Марией-Амелией и двумя детьми Луи-Филипп вел вполне буржуазный образ жизни. Так что намек бывшего епископа Отенского был совершенно прозрачен. Для осуществления честолюбивых замыслов Адольфа Тьера следовало убрать Карла X и посадить на трон герцога Орлеанского…

Молодой журналист отлично понял, что ему следует делать, и чего от него ждут. С этого момента с присущими ему эмоциональностью, остротой и, надо признать, умом он начинает подвергать нападкам все решения, принимаемые сменявшимися один за другим премьер-министрами Карла X. Журналиста узнала читающая публика, двери салонов открылись перед ним, он стал популярным полемистом.

В 1829 году, угадав, что в годы царствования монарха, приход которого он подготавливает, буржуазия будет играть главенствующую роль и мало-помалу займет место аристократии, Адольф Тьер подумал, что было бы разумно заранее обеспечить себе поддержку среди представителей этого недоверчивого класса.

И он стал любовником мадам Дон, жены крупного биржевого маклера, разбогатевшего на спекуляциях земельными участками.

Вот так, прикрывшись справа и по центру двумя очаровательными женщинами, к тому же весьма неглупыми, Тьер не чувствовал ни малейшей необходимости искать себе половину…

Мадам Дон приумножила состояние своего мужа, укладываясь на кушетку чуть ли не со всеми банкирами того времени.

Это была женщина, что называется, с головой. Как достойная представительница своего класса, здравомыслящая и педантичная, она вносила в свою записную книжку имена всех любовников и ежемесячно подводила итог того, чего ей удалось добиться. Те из них, кто не проявил себя достаточно полезными и результативными, в дальнейшем лишались права на обладание

«безделушкой Софи», как это принято было называть в кругу близких ей людей.

Молодая женщина давно уже мечтала о собственном политическом салоне и о возможности принимать в нем государственных деятелей, дипломатов, журналистов. Все это, думала она, ей мог бы обеспечить маленький Тьер

После чего оба, мокрые, точно мыши, принимались обсуждать будущее монархии.

— Вот увидите, она сделает из него министра, — сказал однажды Луи-Филипп Гизо.

— Как, этого вульгарного коротышку? — возмутился тот. — Никогда этому не бывать!

— Да, да, и вы это увидите! Народ любит таких распутников…

И король всех французов расхохотался. А вскоре новый скандал отвлек его на некоторое время от обожаемых им альковных сплетен.

ПРИНЦ КОНДЕ ПАЛ ЖЕРТВОЙ СТРАННЫХ ЗАБАВ ЭРОТОМАНА

Поиски наслаждения доставляют часто множество хлопот…

Жан Шуке

27 августа 1830 года в ранние утренние часы замок Сен-Ле, в котором проживал Его Высочество герцог Бурбонский, последний принц Конде, был погружен в безмолвие.

Хозяин дома еще не оповестил челядь о своем августейшем пробуждении. Баронесса де Фешер, его любовница, спала, и жандармский унтер-офицер, достоинствами которого эта дама втайне наслаждалась, вернулся из замка в деревню после ночи, которую, как хотелось надеяться мелкой обслуге, бывшей в курсе всех замковых интриг, он провел с удовольствием.

Около восьми часов лакей Леконт постучал в дверь своего хозяина. Лишенный всяких претензий, он хотел лишь войти в комнату.

Однако в действительности он вошел прямо в Историю…

Не услышав на свой стук никакого ответа, Леконт подумал, что г-жа де Фешер очень утомила Его Высочество, которому было шестьдесят три, и тихо удалился.

В девять часов он снова подошел к двери и постучал. Результат, увы, был тот же. Разбираемый любопытством, он хотел осторожно повернуть дверную ручку. Напрасно. Дверь была заперта на задвижку.

На сей раз Леконт встревожился. Никогда до этого герцог Бурбонский не запирался в своей комнате. Лакей повернулся к доктору Бони, который каждый день в это время приходил, чтобы оказать необходимую помощь старику.

— Что вы об этом думаете?

Врач не скрывал своего беспокойства.

— Я опасаюсь худшего, — сказал он. — Надо пойти предупредить г-жу де Фешер.

Почти бегом оба спустились на первый этаж, где находились апартаменты баронессы. Баронесса еще не вставала. Через дверь они поделились с ней своей тревогой.

— Я сейчас поднимусь, — крикнула она им. — Когда он услышит мой голос, он ответит!

Она вышла полуодетая, в шлепанцах на босу ногу и поднялась по лестнице, приговаривая при этом:

— Если принц не ответит, надо высадить дверь. Может быть, у него сердечный приступ… Небольшое кровопускание ему поможет!

У двери любовника она крикнула:

— Монсеньер!.. Откройте, монсеньер!.. Откройте же!.. Это я, монсеньер!..

Но так как ответа не было, она сказала Леконту:

— Скорее, скорее! Надо выломать дверь. Идите за Маноби и скажите ему, чтобы принес какой-нибудь инструмент…

Вскоре офицер домашней охраны с помощью железной кувалды вышиб створки двери.

Баронесса и трое мужчин вошли в комнату. При свете догоравшей около кровати свечи они заметили герцога, прислонившегося к внутренним ставням, совершенно неподвижного и в позе человека, который к чему-то прислушивается. Доктор Бони устремился к нему и вскрикнул: герцог Бурбонский, отец герцога Энгиенского, последний из Конде, был подвешен к оконному шпингалету при помощи двух платков…

Преступление или самоубийство?

На первый взгляд все заставляло думать о самоубийстве: запертая изнутри дверь в комнату, ничем не нарушенный порядок в комнате, отсутствие на теле каких бы то ни было следов жестокости.

И, тем не менее, с точки зрения доктора Бонн, версия самоубийства неприемлема по многим причинам. Как гласит поговорка, «чтобы повеситься, надо набросить себе на шею петлю». А между тем именно этого герцог сделать никак не мог. Сломанная ключица не позволила бы ему поднять левую руку; к тому же после битвы при Беристене в 1795 году, где он потерял три пальца, ему нелегко было пользоваться правой рукой. Таким образом, трудно представить, как он мог сам сделать из платков достаточно замысловатый узел?

И, наконец, герцог Бурбонский считал самоубийство не только грехом, но и преступлением. За две недели до своей смерти он сказал своему дантисту, г-ну Остену:

— Только трус может наложить на себя руки!

Но тогда кто?

Пока доктор Бони размышлял, г-жа де Фешер в отчаянии опустилась в кресло. С ее обостренным чувством приличий она довольно красиво заламывала руки и издавала горестные возгласы. Неожиданно, после одного, чуть более пронзительного,

чем все предыдущие, вопля она сказала:

— О, какое счастье, что принц умер именно так. Умри он в собственной постели, все тут же стали бы говорить, что я его отравила!..

Эта фраза буквально поразила доктора. Но он ничего не сказал и продолжал осматривать тело Его Высочества, которое продолжало висеть. Одна странная деталь бросилась в глаза: ноги покойного были лишь частично оторваны от пола; носки касались ковра…

Любопытный повешенный!

К 11 часам утра королю сообщили о том, что обнаружили доктор Бонн и Леконт. Крайне взволнованный, он направил в Сен-Ле барона Паскье, председателя палаты пэров.

После полудня барон провел собственное расследование и отправил Луи-Филиппу конфиденциальную записку, в которой, в частности, говорилось:

«Обстоятельства смерти столь необычны, что требуют более глубокого изучения, и, по моему мнению, было бы полезно, чтобы король срочно прислал двух врачей, таких, как доктора Марк и Маржолен, у которых есть навыки проверок, необходимых при таком фатальном событии».

Что касается полковника де Рюминьи, начальника особой королевской полиции, последовавшего за бароном Паскье, то он, в свою очередь, писал Луи-Филиппу:

«Пока ни на кого конкретно подозрения не падают; но Бог его знает, какую информацию

мы еще получим; я должен сказать, что эта смерть не оставляет впечатления самоубийства. Важно то, что никого пока невозможно обвинить и что завещание не дает оснований для подозрений».

Несмотря ни на что — и вопреки возражениям доктора Бони, который не уставал напоминать о физических недостатках покойного, — 7 сентября совещательная палата суда в Понтуазе издала ордонанс следующего содержания:

«Поскольку, как со всей очевидностью следует из полученной информации, смерть принца Конде была добровольной и явилась результатом самоубийства, преследование преступления не нуждается в дополнительных сведениях, никому не предъявлено обвинение, производство по делу закрывается, и суд объявляет, что нет необходимости его продолжать…»

Выводы правосудия поразили простых людей, которые тут же начали перешептываться, что «кого-то явно хотят прикрыть»… Никто не был назван, но нетрудно было догадаться, что все думали о г-же де Фешер.

Неожиданно 15 сентября появилась анонимная брошюра под довольно агрессивным названием: «Призыв к общественному мнению по поводу смерти Луи-Анри-Жозефа де Бурбона, принца Конде». В ней баронесса вполне определенно обвинялась в убийстве своего любовника; более того, некоторые фразы позволяли думать, что покровительствовал ей сам король…

Эта брошюра вызвала волну эмоций, и народ сгорал от любопытства узнать, кто такая г-жа де Фешер…

Вскоре выяснилось, что она весьма своеобразная особа…

Эта элегантная женщина, на тридцать два года моложе своего любовника, была англичанкой с богатым прошлым, в котором она вела далеко не монастырскую жизнь.

Дочь рыбака с острова Уайт, она тогда звалась Софи Доуз. В пятнадцать лет она приехала в Лондон с мечтой стать комедианткой. После нескольких неудачных попыток на сцене Ковент-Гардена она решила отдаться житейским соблазнам и насладиться ухаживаньем мужчин.

Герцог Бурбонский встретил ее впервые в Лондоне в 1811 году, как раз тогда, когда она, как говорят, «особенно нещадно эксплуатировала прелести, которыми Провидению угодно было ее наградить»…

Надо сказать, что Его Высочество посещал исключительно аристократические лондонские салоны. «Каждый вечер, — пишет доктор Лебопен, — после обеда в скромном „Shop House“ он отправлялся в театр, который покидал по окончании спектакля в компании одной или двух низкопробных девиц. Он вел их ужинать в какое-нибудь прокуренное заведение, совмещая, таким образом, свою склонность к примитивному распутству с врожденной скупостью».

Его Высочество познакомился с Софи Доуз в доме свиданий на Пикадилли. Соблазненный «ее бесстыдно глядящими голубыми глазами, пылкостью, смелостью и пристрастием к деталям», Луи де Бурбон поселил ее в своем лондонском особняке.

Очень скоро молодая женщина превратилась в «организатора удовольствий принца Конде». При активном содействии некоторых из ее прежних подруг по сералю она поставила целую серию дивертисментов, отличавшихся крайним эротизмом и имевших каждый свое название. Например, в дивертисменте «Любящий пес» совершенно голый принц Конде перед шестью обнаженными женщинами должен был «изобразить все проявления радости пса, который нашел свою хозяйку». В дивертисменте «Гасильщицы свечей» Софи и ее подруги делали вид, что гасят пламя свечи принца, используя один из самых

галантных способов. В дивертисменте «Милосердие, пожалуйста!» принц должен был бросить монетку в «копилку для пожертвований», открытую и поднесенную ему каждой из юных приглашенных. Наконец, назовем дивертисмент «Пчелки, собирающие мед», где принц, лежа голым в постели, очень мило исполнял роль розового бутона, а шесть восхитительных гетер, обладающих богатейшим опытом и наделенных ярким темпераментом, изображали пчелок, собирающих мед. В ритме менуэта, звучавшего из музыкальной шкатулки, они постепенно сбрасывали с себя одежду, танцуя вокруг ложа, где их ждал принц Конде. С последним звуком менуэта они устремлялись на свою добычу и «заставляли ее испытать тысячу всевозможных наслаждений».

Софи, знавшая не только самые злачные места Лондона, но и некоторые специализированные книжные магазины, снабдила Его Высочество целой коллекцией книг и гравюр редкостной непристойности. После этого вечера стали еще более веселыми…

Принц Конде всегда имел несколько таких шедевров у себя в Сен-Ле, как об этом свидетельствует канцлер Паскье, который во время обыска обнаружил «два или три маленьких тома, названия которых лучше не произносить». Кретино-Жоли в своей «Истории трех последних принцев из дома Конде» менее сдержан: «Сколько постыдных книг, непристойных гравюр, отвратительных картин было найдено в личных покоях умершего принца! — пишет он… — Эти непристойные книги, эти непотребные гравюры сберегались не только для тайных радостей принца. Г-жа де Фешер, разумеется, тоже получала свою часть на этом печальном празднике для пресыщенных глаз и сердец».

В годы Реставрации, рассчитывая с легкостью прекратить свои отношения с Софи, принц Конде тайком покинул Лондон и вернулся во Францию. Через две недели после его отъезда молодая женщина появилась в Париже.

Принц, чрезвычайно расстроенный, вынужден был принять ее. После нескольких нежных слов он перешел «на лицемерный язык в стиле предместья Сен-Жермен».

— Мне бы хотелось удержать вас при себе. Но ваше присутствие здесь может вызвать скандал… Англичанка улыбнулась:

— А если вы выдадите меня за свою внебрачную дочь?

Принц Конде со времени своего отъезда из Лондона испытывал ностальгию по восхитительному телу Софи.

При мысли о том, что безумные ночи могут возобновиться, он стал пунцовым:

— Какая прекрасная идея! Но чтобы ни у кого не было повода для сплетен, вы должны выйти замуж.

Его Высочество сразу стал подыскивать подходящего Софи мужа и нашел Адриана де Фешера, командира батальона в королевской гвардии, которого услужливый Людовик XVIII поспешил сделать бароном.

Бракосочетание состоялось 6 августа 1818 года в Лондоне, после чего новобрачные поселились в Пале-Бурбон, владении принца Конде.

Спустя несколько недель принц проявил к супругам деликатное внимание: он назначил Фешера служить при своей особе.

— Вот теперь он сможет жить поблизости от своей жены, — восклицали знающие люди, подмигивая, друг другу.

Как-то вечером одна добрая душа поведала Фешеру о том, как ему не повезло. Придя в неистовство оттого, что его так провели, несчастный решил пожаловаться принцу. Его Высочество пожал плечами:

— Не верьте ничему, мой дорогой Фешер. Это обыкновенное злословие… Такова плата за то, чем вы владеете. Вам завидуют, потому что вы мой друг!

Будучи скептиком, Фешер предпочел покинуть свою супругу. Баронесса сразу стала жить с принцем, который в свои шестьдесят пять лет все еще не растратил жара души. Любовные поединки, и прежде приводившие в восторг прислугу, теперь стали повседневным явлением. Признательный Людовик Бурбонский в 1824 году составил завещание, по которому Софи получала богатейшие владения Сен-Ле и Буасси…

И с этого момента, уверяют злые языки, г-жа де Фешер жила «в гнусном ожидании смерти Его Высочества». Но так как смерть заставляла себя ждать, то в ночь с 26 на 27 августа г-жа Фешер решила ускорить события, привязав принца к шпингалету окна в его собственной комнате.

Получалось, таким образом, что преступление было следствием простого нетерпения.

Такова была первая версия.

Вскоре, однако, выяснилось, что дело было далеко не таким простым и что Луи-Филипп оказался замешан в грязном преступлении. Каким же образом бывшая лондонская уличная девка могла войти в контакт с королемфранцузов и сделать из него своего сообщника? Именно об этом поведает оторопевшей публике специальная брошюра, опубликованная в 1848 году…

А в 1827 году баронесса де Фешер очень боялась, как бы завещание, сделанное в ее пользу, не оказалось однажды

опротестовано законными наследниками принца Конде, и потому искала влиятельного сообщника. Выбор ее остановился на герцоге Орлеанском, чья любовь к деньгам была ей хорошо известна.

План ее был прост и в то же время свидетельствовал о редкостном чувстве политической интриги: она решила уговорить принца Конде, одного из самых богатых людей Франции, завещать все свое имущество герцогу Омальскому, сыну герцога Орлеанского, с тем чтобы последний в знак благодарности согласился признать законным все то, что было завещано ей.

Ее доля наследства становилась, таким образом, чем-то вроде комиссионных за ту великолепную сделку, которую она позволила осуществить герцогам Орлеанским.

О своих планах она рассказала Талейрану. Экс-министр иностранных дел был, разумеется, в восторге от макиавеллического плана баронессы. Он пообещал ей свое содействие.

— Заходите ко мне в пятницу, — пригласил он. — Вы встретитесь с герцогом Орлеанским. Могу вас заверить, вы очень скоро станете одной из его подруг.

Талейран не ошибся. Вне себя от радости при мысли, что громадное состояние принца Конде может попасть в руки его сына, будущий король Луи-Филипп повел себя чрезвычайно галантно по отношению к г-же.де Фешер и пригласил ее в Пале-Рояль.

Бывшая лондонская проститутка тут же вошла в круг ближайших друзей герцогов Орлеанских.

Ее обласкали, угощали конфетами, делали комплименты ее туалетам, а Мария-Амелия писала ей письма, о тоне которых можно судить по следующему отрывку:

«Я очень тронута, моя дорогая, всем, что вы рассказали о ваших хлопотах для нас… Поверьте, я никогда этого не забуду. Всегда и во всех обстоятельствах вы найдете в нас и для себя, и для ваших близких поддержку, за которой вы ко мне обратились, и порукой тому будет служить благодарность матери».

Когда баронесса бывала чем-нибудь расстроена, всех в Пале-Рояле охватывало ужасное беспокойство, а будущий король французов с растрепавшейся прической и обвисшими бакенбардами торопился в Пале-Бурбон. Однажды при подобных же обстоятельствах с ним произошла удивительная история. Вот что об этом рассказывает граф Вильмюр:

«В момент прибытия герцога Орлеанского г-жа де Фешер принимала ванну, причем принимала ее в сидячей купальне, одном из хитроумных механических устройств знаменитого Лесажа. Баронесса быстро вышла из воды, но, торопясь забраться

в постель, забыла откинуть доску, скрывавшую купальню и служившую сиденьем в ванне. Такого рода мебель, бывшая в те времена в большой моде, стояла рядом с кроватью баронессы. Луи-Филипп, довольный тем, что Софи Доуз согласилась его принять, устремился к креслу, которое, казалось, специально дожидалось его, и в тот же миг, к своему большому удивлению, провалился в купальню.

И как он ни старался, как ни барахтался, ему не удавалось выбраться из этой водяной ловушки!

Зрелище было столь нелепым, что г-жа де Фешер, позабыв о всяком почтении к Его Королевскому Высочеству, разразилась неудержимым смехом. Но в конце концов, она прониклась сочувствием к горестному положению своего гостя и предложила вызвать кого-нибудь из его людей, чтобы помочь ему вылезти. Она пыталась втолковать герцогу, что без помощи он не выберется из купальни, учитывая несколько тяжеловатую нижнюю часть его тела.

Луи-Филипп умолял ее никого не звать, опасаясь, что приглашенный на помощь выездной лакей разболтает о случившейся с ним неприятности всем слугам в Пале-Бурбон, а те, в свою очередь, разнесут это по всему городу, и уж тогда все кому не лень начнут потешаться над ним.

Поэтому он возобновил свои попытки и опять неудачно, потом еще и еще, но обрести свободу не удавалось;

бесконечные барахтанья нарушили симметрию его прически, и это еще больше развеселило баронессу. Наконец она предложила позвонить и вызвать свою камеристку — девушку, по ее словам, на удивление скромную и неболтливую.

Луи-Филипп согласился. М-ль Роза тут же явилась и очень ловко помогла снять осаду, которая без ее помощи могла бы продолжаться неизвестно сколько времени и закончиться для Его Высочества столь же бесславно, как осада испанского города Лерида, предпринятая в 1707 году его предком, регентом Луи-Филиппом Орлеанским.

Пока обитатели Пале-Рояля пребывали в состоянии транса, г-жа де Фешер пыталась уговорить своего любовника оставить завещание в пользу герцога Омальского. Но принц Конде, ненавидевший потомков Филиппа Эгалите, упрямо отказывался это сделать. Тогда баронесса сменила тактику. Если до сих пор она была нежна, предупредительна, вкрадчива, то теперь стала позволять себе грубый тон, угрозы и тем самым превратила жизнь несчастного старика в настоящий кошмар. Когда у него появлялось желание зайти к ней в комнату, выразить свои чувства или просто поцеловать, в ответ слышалось:

— Сначала подпишите!

Иногда она даже била его. В иные вечера лакей Лебон слышал, стоя за дверью, как хозяин плакал у себя в комнате, повторяя сквозь слезы:

— Неблагодарная стерва!

Однажды барон де Сюрваль навестил его без предварительной договоренности. Лицо принца было опухшим и в крови.

— Вот, взгляните, что она со мной сделала! — воскликнул он.

Барон посоветовал ему решительно отказаться подписывать завещание. Принц опустил голову:

— Она грозит, что уйдет от меня!

— Ну и прекрасно! Пусть уходит!

При этих словах у последнего Конде появились слезы на глазах:

— Я не могу этого сделать, — прошептал он. — Вы не знаете, как велика сила многолетней привычки и душевной привязанности, которой я не в силах противиться…

Скандальные сцены между баронессой и ее любовником длились неделями. Наконец принц Конде уступил. Герцог Омальский был признан единственным наследником всего имущества, за исключением двенадцати миллионов, отказанных по завещанию Софи.

В этот день в Пале-Рояле был настоящий праздник.

Прошло несколько месяцев, и герцог Орлеанский взошел на престол. Принц Конде тут же втайне подготовился к отъезду в Швейцарию, чтобы присоединиться к Карлу X, жившему в изгнании. Он уже запросил заграничный паспорт и получил у своего управляющего миллион франков в банкнотах.

Софи прослышала о его приготовлениях и в ужасе помчалась в Тюильри. Узнав, что принц намерен покинуть Францию, Луи-Филипп побледнел:

— Я знаю, — сказал он, — что принц получил письмо от Карла X, в котором тот умолял его изменить завещание в пользу маленького герцога Бордосского. Если принц уедет, он ускользнет из-под вашего влияния, и мой сын лишится наследства. Надо любой ценой помешать ему уехать!

Этот разговор состоялся 25 августа 1830 года.

27 августа принца Конде нашли повешенным на оконном шпингалете. Через несколько дней после этого мэтр де ла Юпуа, судебный следователь, признавший смерть принца насильственной, был официально отправлен на пенсию…

В народе шептались, что принц Конде был убит г-жой де

Фешер по просьбе короля Луи-Филиппа.

Такова была вторая версия.

А вскоре появилось и третье, весьма забавное кстати, объяснение загадочной смерти последнего из Конде…

Однажды по Парижу пронесся слух, что кое-кто из слуг в Сен-Ле сделал сенсационные признания по поводу драмы 27 августа.

Вслед за этим дамы из Сен-Жерменского предместья стали вполголоса, краснея, рассказывать такое, от чего слушавшие их приятельницы буквально кудахтали от удовольствия, так, что, по словам барона де Тьеля, «можно было подумать, будто их кто-то щекочет в самом приятном месте…».

Что же такое могли рассказать слуги принца Конде?

Надо признать, сообщенные ими подробности поражали. Если верить этим людям, принц умер, оказавшись жертвой собственной похоти. Вот их рассказ:

«Последние месяцы нашему хозяину не удавалось продемонстрировать жар своего сердца г-же де Фешер, которая без конца прибегала к всевозможным уловкам, хорошо известным не особенно порядочным девицам.

К сожалению, возбуждающий эффект ее ласк со временем притупился, и баронессе пришлось искать иные способы возбуждения Его Высочества.

Г-жа де Фешер вспомнила, что в ее стране, где повешение является официальным видом казни, ходило много не особенно серьезных рассказов о последних моментах жизни осужденных. Некоторые клиенты публичных домов, в которых она работала, рассказывали ей, что удушение вызывает особые физиологические реакции, позволяющие повешенным проявить необычную мужскую силу и познать сладостное «утешение», перед тем как отдать Богу душу…

И она решила использовать это средство, чтобы пробудить угасшие чувства своего любовника.

Каждую ночь она приходила к нему в комнату, очень даже мило подвешивала его, но всего на несколько мгновений. Как только результаты этой маленькой пытки давали о себе знать, она быстро вытаскивала принца из петли и с присущей ей энергией оделяла его необходимой порцией удовольствий…»

Но, увы, в ночь на 27 августа г-жа де Фешер вынула принца из петли на несколько секунд позже…

Придя в ужас от случившегося, она вернулась к себе в комнату, в которой находился ее молодой любовник, жандармский офицер, и вдвоем они устроили мизансцену, позволявшую предположить самоубийство.

После этого она потребовала от Луи-Филиппа распорядиться таким образом, «чтобы правосудие не особенно вникало». Монарх, стольким обязанный баронессе, подчинился ее требованию…

Эти разоблачения, поразившие простых людей, подтвердились спустя восемнадцать лет, после февральских дней 1848 года, когда была опубликована небольшая брошюра под названием «Революционные профили». Автор брошюры, Виктор Бутон, писал в ней:

«Герцог Бурбонский был повешен: его стариковские склонности облегчили это преступление; г-же де Фешер немногое потребовалось для его осуществления. Герцог питал слабость к удовольствиям, весьма странным, с точки зрения морали просто извращенным, а на взгляд шестидесятилетнего человека вполне естественным. Искусство, с которым баронесса удовлетворяла его похоть, и было причиной их старой, длительной связи. Мне бы хотелось объяснить это с помощью метафоры, но не поворачивается язык. Однако я должен все же прояснить ситуацию. Я уже говорил, что герцог имел обыкновение симулировать повешение на очень небольшом расстоянии от табурета, которого он касался кончиками своих ног. Когда он оказывался в этом положении, г-жа де Фешер заставляла его испытывать вожделение.

Однажды баронесса совсем ненадолго вынула из-под его ног табурет, и герцог и вправду оказался повешен. Это объясняет, почему все обошлось без шума, без присутствия слуг, ну и так далее. В политическом плане проблема сводится к обстоятельствам завещания. Здесь я могу сказать, что возможность открыто находиться при дворе была той побудительной причиной, которая могла заставить баронессу убрать табурет: ведь при жизни герцога у нее не было никаких официальных отношений с придворной знатью; со смертью герцога она становилась баронессой де Фешер. Отпадали все возражения против нее. Но возможно ли предположение, что Луи-Филипп был посвящен баронессой в то, что она собиралась сделать, и они сообща обрекли жертву именно на такой вид смерти? Нет, это совершенно исключено!»

Чуть позже, в другом труде, озаглавленном «Оконный шпингалет в Сен-Ле», тот же Виктор Бутон дает следующие уточнения:

«Я получил от г-на Жиске, бывшего префекта полиции, объяснение этой жестокой и… сладостной смерти и считаю своим долгом сообщить здесь детали, дабы соблюсти права Истории.

Впрочем, неблагодарность Луи-Филиппа в отношении г-на

Жиске избавляет меня от необходимости умалчивать об этом деле и продолжать прятать его под спудом.

Да, принц Конде был повешен, задушен особым образом, убит, одним словом, баронессой де Фешер.

Страсть старика, его склонность к похоти создали почву для этого преступления, сделали его легко осуществимым, и при этом баронесса отнюдь не выглядела человеком, задумавшим и осуществившим это дело. Ей, в сущности, немного требовалось, чтобы совершить его.

Все знали, что никакие соображения семейных интересов не могли заставить принца расстаться с этой женщиной, которая многие годы была его общепризнанной любовницей, так что собственный муж ее покинул, и которая, когда возраст лишил принца возможности сексуального наслаждения, сумела обеспечить ему единственное наслаждение, хорошо известное профессиональным жрицам любви и вполне объясняемое психологами. Искусство, с которым баронесса удовлетворяла его похоть, как раз и было основной причиной их долгой и устойчивой связи.

Баронесса де Фешер заходила утром в определенные дни и часы в спальню принца, потянув за шнурок дверную задвижку. После нескольких прикосновений принц поднимался с постели и должен был занять место у середины оконной рамы, встав на маленький табурет. Шейный платок, привязанный к шпингалету и петлей наброшенный на шею, слегка удерживал его. В этом вытянутом и несколько напряженном положении баронесса его… (несколько слов пропущено нами) до тех пор, пока бедный старик не оказывался на седьмом небе от удовольствия.

Именно это и происходит обычно с повешенными: в этой позе они получают свое последнее удовольствие…

Так что баронессе де Фешер, желавшей избавиться от принца, надо было для этого лишь выбрать день. В одно прекрасное утро, когда герцог находился в привычной для него позе, и в тот самый момент, когда испытывал миг наслаждения, баронесса как бы нечаянно, легким ударом ноги совсем чуть-чуть отодвинула табурет, и герцог оказался теперь уже и вправду повешенным. В момент наступившего спазма у него не было ни воли, ни сил сопротивляться. Он умер спокойно, как блаженный.

Когда прибыл мировой судья и констатировал смерть герцога, им был составлен протокол, в котором в качестве позитивного факта отметил то обстоятельство, что у ног умершего еще сохраняются следы сиятельного сладострастья. Этот протокол был, если можно так выразиться, обойден молчанием во время дебатов в судебном процессе, и, однако, он

был напечатан.

После того как баронесса де Фешер легонько толкнула ногой табурет, она спокойно удалилась к себе».

Дальше автор объясняет, как удалось г-же де Фешер запереть изнутри дверь в комнату принца: она сложила бечевку вдвое и получившуюся петлю набросила на ручку дверного замка, потом закрыла дверь и потянула бечевку, оба конца которой были у нее в руках; с помощью бечевки ей удалось подвинуть задвижку. А дальше оставалось только выдернуть бечевку…

«Когда баронесса вышла из комнаты, — продолжает Виктор Бутон, — никто не слышал никакого шума, ни тем более звука взламываемой двери, и никакие показания слуг так и не смогли прояснить, повесился ли принц? Маленький табурет так и стоял около ног трупа, чей безмятежный вид невозможно было объяснить.

Эта альковная тайна так и не была разглашена, но все ее подробности я нашел в архивах полицейской префектуры».

Сегодня это объяснение драмы устраивает всех историков.

И все-таки один вопрос по-прежнему остается без ответа.

Отодвинула ли г-жа де Фешер ударом ноги табурет или, по оплошности, оставила висеть несчастного принца слишком долго?

Этого мы не узнаем никогда .

Впоследствии замок Сен-Ле был снесен по распоряжению унаследовавшей его баронессы. Однако муниципалитет возвел мраморную колонну в том месте, где принц Конде был повешен.

Люди злоязычные — а таких хватает в любую эпоху — расценили возведение монумента как достаточно символичное событие…

Как бы там ни было, но баронесса обрела в Луи-Филиппе понятливого покровителя, который очень быстро замял дело…

ПОЛИТИКО-ЛЮБОВНАЯ АВАНТЮРА ГЕРЦОГИНИ БЕРРИЙСКОЙ

Кондотьер в юбке, она обожала авантюру и приключения…

Жан-Роже Благ.

В конце августа 1830 года Тьер стал членом Государственного совета.

— А теперь, — сказала ему г-жа Дон, — надо, чтобы ты стал депутатом!

Как раз в октябре одно место от департамента Буш-дю-Рон оказалось вакантным по причине отставки занимавшего его г-на де Боссе. Адольф решил воспользоваться этим случаем. «Но, — пишет Морис Реклю, — тогда действовал в соответствии с законом о выборах от 1819 года избирательный ценз, и Тьер, которого ни журналистские заработки, ни жалованье государственного советника, ни большой успех изданной им „Истории Революции“ не обогатили, не был достаточно состоятельным налогоплательщиком, чтобы заплатить налоговую „квоту“, составляющую избирательный ценз. Что же делать? Как за один день превратиться в капиталиста или крупного собственника?

У Адольфа тут же появилась идея. Он прибежал к Софи и объяснил, какая у него проблема.

Уже на второй фразе она с нежностью оборвала его:

— Г-н Дон заплатит, — сказала она.

И верно, 18 октября «Гражданское товарищество землевладельцев Руджиери и Сен-Жорж», контроль которого осуществлял муж Софи, уступило Адольфу недавно построенный дом (№ 3 по улице Нев-Сен-Жорж). Стоимость дома составляла сто тысяч франков.

У г-на Тьера такой суммы не было. Он подписал переводной вексель, предъявление которого г-н Дон и друзья его жены, проявляя истинное рыцарство, постоянно откладывали.

Став собственником, молодой государственный советник отправился в Экс, где выставил свою кандидатуру на выборах и был избран 21 октября.

2 ноября он уже был товарищем министра…

Г-жа Дон, вне себя от радости, собственными руками любовно приготовила ему сочное телячье рагу…

23 ноября 1830 года Адольф Тьер, не устававший разглагольствовать в светских гостиных и перед зеркалом в спальне г-жи Дон, впервые поднялся на депутатскую трибуну.

Его тщеславное многословие неприятно поразило Национальное собрание.

Морис Реклю сообщает мнение трех участников того заседания.

— Он похож, — говорил один из них, — на тех провинциальных цирюльников, которые в наших южных провинциях ходят от дома к дому и предлагают всем свои услуги…

— А вы, собственно, видели его? — спрашивал другой. — Мрамор трибуны скрывает его фигуру до самых плеч, а огромные очки прячут все остальное. Бедняга Лаффит, желая казаться значительным человеком, для наглядности обзавелся заместителем, которого не увидишь невооруженным глазом…

— Это, конечно, верно, что его почти не видно, — с плохо скрываемым сарказмом говорил третий, — но зато его слышно. Что за акцент! Маленький Адольф говорит о финансах так, как какая-нибудь торговка рыбой о своем родном городе…

Эти критические высказывания возмутили г-жу Дон.

Она усадила маленького Адольфа к себе на колени и постаралась утешить его.

— С сегодняшнего дня, — сказала она ему, — при поддержке моего мужа я собираюсь создать у себя нечто вроде маленького двора. Я сделаю все, от меня зависящее, чтобы эти люди обожали меня, подчинялись мне и слепо следовали за мной. Чтобы доставить мне удовольствие, они помогут тебе. И когда я скажу: «Он прекрасно выступил», — все начнут аплодировать тебе. Когда скажу: «Он очень умен», — все станут кричать, что ты гений. Короче, из поклонения мне они станут угодничать перед тобой…

Приободрившись, маленький Тьер осушил слезы, и так как у него было доброе сердце, он увлек свою любовницу на диван и лучшим из способов выразил ей свою признательность…

В июле 1831 года Тьер вторично поднялся на трибуну. На этот раз друзья г-жи Дон успели подготовить Национальное собрание, и оратор имел большой успех. Софи, расточая то тут, то там двусмысленные улыбки, не скупясь на обещания одним и позволяя некоторые вольности другим, добилась того, что в конце концов, навязала всем своего маленького человечка.

Завоевав трибуну, Тьер практически никогда больше ее не покидал. На каждом заседании он карабкался, точно гномик, просил слова, цитировал Вергилия, Тацита, Руссо, Вольтера, упивался собственными фразами и, наконец, совершенно

оглушил своим марсельским краснобайством самую недоброжелательную часть депутатов.

В конце июля 1832 года, стремясь вознаградить его за все огорчения, г-жа Дон решила повезти Тьера на месяц в Тун, где вместе с мужем и дочерьми собиралась провести курортный сезон.

Через несколько недель вся компания была уже в Венсене и играла перед соседями убедительный спектакль милого доброго семейства.

Тьер никогда не был так счастлив, как в дни своего волшебного отпуска. Каждый день они совершали долгую прогулку, и тогда все удовольствия сливались для Адольфа в одно целое. Одной рукой он ласкал Софи, а другой, если можно так сказать, говорил о политике с г-жой Дон.

Этому идиллическому существованию неожиданно наступил конец, после того как от короля однажды пришло послание. Луи-Филипп, срочно нуждавшийся в человеке, не обремененном чрезмерной щепетильностью, для эффективной борьбы с министром Дюпеном, чья значительность начинала мешать, призывал к себе Тьера. Последний, поняв, что ему улыбнулась удача, обнял г-жу Дон, вскочил в карету и, весь взмыленный, примчался в Тюильри.

— Только вы можете помочь мне сформировать правительство, — сказал ему Луи-Филипп. — Тьер пожалел, что рядом не было Софи: ей было бы приятно услышать это, и спросил, чем он может быть полезен монарху.

— Спасите меня от Дюпена, который мечтает о президентстве. Убедите Сульта, подберите подходящих людей, и вы получите портфель министра.

Ровно через неделю кабинет был составлен, и Тьер стал министром внутренних дел.

Как только он уселся в министерское кресло, любовнику г-жи Дон пришлось заняться крайне деликатным делом: речь шла о необходимости арестовать одну из самых известных женщин Франции. Осуществленный публично, на глазах у большого количества свидетелей, этот арест, без сомнения, обеспечил бы министру благорасположение короля и безграничные его милости. Женщиной, против которой ему предстояло бросить все полицейские силы королевства, была герцогиня Беррийская, мать герцога Бордосского, ставшего Генрихом V после отречения Карла X…

Надо признать, что обаятельнейшая герцогиня с некоторых пор вызывала массу беспокойства у Луи-Филиппа. После Июльской революции она последовала за королевской семьей в

Англию и сразу установила прочные контакты с бесстрашными легитимистами, целью которых было свергнуть Июльскую монархию и возвести на престол ее сына.

21 января 1831 года, оповещенная об этих планах, она торжественно объявила о своем согласии принять титул регентши королевства «по прибытии во Францию».

Герцогиня покинула Англию 17 июня, высадилась в Роттердаме, пересекла Германию, Тироль, Ломбардию, Пьемонт и прибыла в Геную под именем графини де Сагана 8 июля.

По просьбе Луи-Филиппа король Сардинии Карл-Альберт отказал ей в пристанище, и

изящная заговорщица поселилась в провинциальной гостинице в Масса. Там она провела зиму, принимая у себя вандейцев, легитимистов, бывших офицеров Карла X, готовых принять участие в заговоре против узурпатора, а также сотни тайных агентов. Всем и каждому она обещала в будущем оказать доверие:

— Мы непременно добьемся успеха, потому что мы боремся за самую прекрасную и самую благородную цель нашей жизни! Кому во Франции хватит смелости встать на пути матери, требующей вернуть сыну наследство от имени шестидесяти королей и восьми веков славы?.. А между тем, чтобы вернуть престол Генриху V, достаточно, как уверяет господин Шатобриан, опрокинуть горшок с монархией домашнего приготовления…

Надо помнить, что в жилах этой тридцатичетырехлетней женщины бурлила неаполитанская кровь. В обстановке бесконечных разговоров о политике в кругу участников своего маленького двора в Масса она приметила одного молодого адвоката из Нанта по имени Гибург. Внешность его была так привлекательна, что вскоре она сделала молодого человека своим обычным любовником.

Это позволило ей немного успокоить свои нервы накануне затеянной ею грандиозной авантюры.

Наконец 24 апреля 1832 года она отплыла во Францию в сопровождении небольшой кучки своих приверженцев. 30 апреля в 3 часа утра корабль высадил ее на пустынный берег поблизости от Марселя. Несколько легитимистов уже ждали ее, спрятавшись в прибрежном сосняке. Увидя ее, они бросились ей навстречу.

— Мы опрокинем горшок! — сказала она спокойно, без пафоса.

Остаток ночи она провела она уединенном хуторе, оставив марсельцев, которые не читали Шатобриана, в явном замешательстве и слегка обеспокоенными…

На следующее утро герцог д'Эскар, уже получивший от нее

титул верховного управителя южных провинций, принес герцогине довольно огорчительную новость: легитимисты Марселя в своей попытке поднять мятеж провалились.

— Полиция Луи-Филиппа теперь знает, что вы, Ваше Высочество, находитесь во Франции, — добавил он. — Это значит, что нас могут схватить раньше, чем мы начнем действовать.

Потом, не умея скрыть то, что таилось в глубине души, сказал со вздохом:

— К тому же корабль, который нас привез, уже ушел.

Мари-Каролин взглянула ему в глаза:

— Но, месье, о возвращении в Италию не может быть и речи. Вы говорите, что Юг не идет за нами? Очень хорошо. Мы отправляемся в Вандею…

И, надев широкополую соломенную шляпу, она пешком направилась по дороге в Нант.

Ее путешествие через весь Лангедок было невероятным. Проводя ночь то, завернувшись в одеяло, у подножия какого-нибудь дерева, то в замке друзей, она добралась из Марселя в Плассак, используя все возможные способы передвижения. Ее видели верхом, в коляске, на корабле, в карете и даже на осле. Конной жандармерии понадобилось продемонстрировать воистину всю свою редкостную глупость, чтобы не заметить ничего подозрительного в экипаже путешественницы, которая разъезжала с двумя пистолетами и кинжалом за поясом…

Кое-какие предосторожности все-таки были приняты. В Эксе маркиз де Вильнев выправил себе паспорт для поездки в Нормандию, мотивируя это тем, что вместе с женой должен явиться к изголовью тяжело больного родственника. Роль г-жи де Вильнев играла герцогиня. Играла настолько хорошо, что неосведомленные люди с легкостью дали себя провести. Ну и ничего удивительного, если учесть, что со времени отъезда из Экса она была любовницей маркиза.

Это, между прочим, очень помогало…

Мари-Каролин никогда не упускала возможности совместить полезное с приятным, политику с любовью, авантюру с приключениями… «Принадлежа к высшей знати, она считала, — пишет Артур Брюи, — что ее ранг дает ей право на такие вольности, которые были бы предосудительны у любой обыкновенной женщины, а у нее должны восприниматься лишь как свидетельство ее прекрасного здоровья и знатного происхождения…»

На протяжении всего путешествия герцогиня, таким образом, выступала в роли пылкой маркизы.

Наконец 7 мая, избежав множества опасностей и находясь постоянно на грани катастрофы, она прибыла в десять часов вечера в замок Плассак, где ее с почтением ожидал маркиз де Дампьер.

Ее первая цель была достигнута: она находилась в Вандее.

Ее первым делом было немедленно собрать совет:

— Мы должны объединить военные силы Шаретта, Катлино, Отишана, Кадудаля, а также армию г-жи Рошжаклен. Все вместе мы прогоним герцога Орлеанского, который незаконно занял престол Франции, и коронуем нашего короля, моего сына…

Окружавшие ее легитимисты с сомнением покачивали головами. Имевшиеся у них сведения о мерах, предпринимаемых полицией во всей Вандее, и о прибытии многочисленных королевских полкой настраивали на пессимистический лад. Некоторые сделали даже попытку открыть на это глаза Мари-Каролин. Но она заставила их умолкнуть:

— 24 мая мы возьмем в руки оружие.

Через несколько дней под именем Пти-Пьера она покинула замок Плассак, переодевшись в вандейского пастуха, отправилась в Фонтене-ле-Конт, Бурбон-Ван-де, Монтэгю и там, несмотря на присутствие десяти полков, имевших предписание на ее арест, стала переходить от фермы к ферме, пытаясь взбунтовать крестьян. Эта экспедиция превратилась в бесконечную череду забавных инцидентов.

Послушаем, что рассказывает Марк-Андре Фабр.

«Как-то утром, после долгого и утомительного перехода, она появляется, падая от усталости, на одной из ферм, где для нее приготовлена постель. Только она начала засыпать, как из соседней комнаты до нее донеслись чужие голоса. Один офицер объявляет, что того, кто выдаст герцогиню живой или мертвой, ждет награда пятьсот тысяч франков. Неожиданно дверь в ее комнату распахивается, и Мари-Каролин уже думает, что ее выдали.

— Ах ты, ленивец, — кричит фермер, — уже семь часов, а у тебя коровы еще в хлеву. Ну-ка, быстро вставай, или тебе придется иметь дело со мной!

И хозяин бросает на кровать принцессы рваную одежду пастуха!

В другой раз Пти-Пьера, проходившего мимо солдат, окликнули:

— Эй, маленький разбойник, что-то ты странно выглядишь. Иди-ка, выпей с нами стаканчик.

Не моргнув глазом, мать Генриха V опорожнила кружку сидра вместе с защитниками Июльской монархии…

Как-то ночью хижина, в которой она нашла пристанище, была окружена солдатами. Она едва успела броситься в болото с ледяной водой, в котором отсиживалась до утра.

Наконец 21 мая Мари-Каролин добралась до глав вандейской оппозиции, которые собрались в Мелье. Здесь ее ждало большое разочарование.

— Созывайте ваши пятнадцать тысяч человек на 24-е число, — сказала она.

На лицах шуанов появилось смущенное выражение.

— Нам удалось собрать лишь около сотни крестьян. Вандея устала от гражданской войны. Теперь не 93-й год. Каждый мечтает лишь о том, чтобы жить в мире…

Но Мари-Каролин не признала себя побежденной.

— Хорошо, — сказала она спокойно. — Я поеду собирать войска в Бретань.

И чтобы убедить себя в бодром состоянии духа и в своей вере в будущее, она провела ослепительную ночь с маркизом де Вильнев.

Пока герцогиня Беррийская продолжала пребывать в грезах, в Париже возглавляемый Шатобрианом, Фиц-Джеймсом и Идом де Невилем Комитет легитимистов находился в очень трудном положении. Безумная авантюра Мари-Каролин грозила поставить Бурбонов в смешное положение.

Было просто необходимо, чтобы Мари-Каролин отказалась от своего намерения поднять восстание и как можно быстрее вернулась в Англию. Адвокату Берийе поручили встретиться с ней и сообщить ей решение Комитета.

Знаменитый адвокат прибыл в Мелье 21 мая. Крайне взволнованный, он протянул герцогине письмо от Шатобриана.

Немного обеспокоенная, она сорвала печать и прочла:

«Гражданская война. — событие всегда пагубное и достойное сожаления, — сегодня просто невозможна. Она приведет к бесполезному пролитию французской крови и оттолкнет от дела короля всех, кто желал бы в нем принять участие».

— И он тоже! — вздохнула Мари-Каролин.

— Прислушайтесь к голосу разума, мадам, — сказал Берийе, — умоляю вас. Вот паспорт, который позволит вам уехать в Англию!

— Нет, месье! Теперь уже нельзя отступать. Что тогда подумают обо мне?

На протяжении шести часов Берийе продолжал настаивать, используя все свое красноречие. В 3 часа утра он отправился обратно, полагая, что выиграл партию.

Но как только он уехал в Париж, Мари-Каролина бросила клич к мятежу и назначила точную его дату — на 3 или 4 июня.

На этот раз тысячи вандейцев, увлеченных бойкой принцессой, приготовились к сражению. И когда зазвучал набат в Клиссоне, Лору, Вале, Эгрефее, банды крестьян, орущие роялистские песни и потрясающие косами и ружьями, пошли впереди войск узурпатора. Их было три тысячи с одной стороны и пятьдесят тысяч — с другой.

И сразу же началось одно из самых страшных побоищ. Побоище, длившееся шесть дней.

Безумная авантюра завершилась полным провалом. 9 июня перепуганная герцогиня Беррийская, переодевшись в крестьянское платье, направилась в Нант вместе со своей подругой м-ль де Керсабек, которая предложила ей убежище.

В тот же вечер она была спрятана в мансарде дома № 3 по улице От-дю-Шато.

Спокойствие вернулось к ней очень быстро. Настолько быстро, что на следующий день она уже принимала мэтра Гибурга, того молодого нантского адвоката, чьей любовницей она была в Масса и в крепких объятиях которого сразу позабыла все треволнения своей политической жизни…

Дом, приютивший герцогиню Беррийскую, находился в очень спокойном квартале, далеко от центра. Вскоре у Мари-Каролин появились определенные привычки. Сидя за маленьким столиком из белого дерева, установленным между походной кроватью и камином, она проводила свои «аудиенции».

Разумеется, чтобы проникнуть в мансарду, где проживала «регентша королевства», требовалось предъявить белую петличку. Все тут было продумано, чтобы избежать возможного обыска. За камином находился тайник, в который можно было проникнуть, отодвинув чугунную плиту, укрепленную на петлях, как дверь. Мари-Каролин испытала это свое последнее прибежище. И выяснилось, что она могла уместиться там вполне удобно с еще тремя сообщниками.

Каждое утро «посланцы» отправлялись с улицы От-дю-Шато в Англию, Италию, Россию, Испанию, Португалию, Голландию, увозя с собой шифрованные послания, продиктованные Мари-Каролин. Из глубины своей мансарды она пыталась привлечь внимание Европы к своему делу и добиться финансовой поддержки для свержения Луи-Филиппа.

Одного из эмиссаров звали Симон Дейц. Мари-Каролин познакомилась с ним в Масса. Еврей, выходец из Кельна, он перешел в католичество и сумел добиться расположения Ватикана. В июле герцогиня послала его к Дону Мигелю

Португальскому с просьбой одолжить сорок миллионов. Посланец вернулся с обнадеживающими обещаниями и надеялся, что герцогиня, в которую он был влюблен, согласится в знак признательности подарить ему в уголке походной кровати то, что когда-то раздаривала из каприза в кустах Лангедока…

Он позволил себе слегка, очень почтительно, намекнуть ей об этом.

Герцогиня кинула на него ледяной взгляд:

— Довольствуйтесь той ролью, которую вы играете в моих делах, — сказала она.

И тут же дала ему новое поручение.

Дейц, в душе которого в ту же минуту «родилось чувство ненависти», поклонился и отбыл, оставив Мари-Каролин в уверенности, что очень скоро она сможет втащить своего сына на престол Франции с помощью сорока миллионов Португалии.

Наивная и одновременно высокомерная вера, которая, как пишет анонимный автор тех лет, позволяла ей «жеманничать и принимать ухаживания господина Гибурга, своего любовника, не забивая себе голову внешними заботами, которые, как известно, очень мешают радостям естества.

В то время как в Нанте, в своей мансарде, герцогиня Беррийская занималась заговорщической деятельностью, в Париже Луи-Филипп начал проявлять беспокойство:

— Пока она не будет арестована и выслана из Франции, — говорил он, — никакое правительство не будет прочным.

11 октября маршал Сульт сформировал новый кабинет и по требованию короля отдал портфель министра внутренних дел г-ну Тьеру.

Маленький Адольф тут же занялся герцогиней. Он послал в Нант Мориса Дюваля, весьма энергичного префекта, которому приказал тщательнейшим образом обыскать всю Бретань.

Это поручение было выполнено с лихвой…

Однажды утром Тьер получил от неизвестного странное письмо. В нем незнакомец назначал ему свидание в 9 часов вечера на Елисейских полях, «чтобы сделать сообщение огромной важности».

Озадаченный, он показал письмо префекту полиции, реакция которого была определенной:

— Ни в коем случае не ходите. Это — ловушка.

Адольф Тьер кивнул, но как только префект покинул его кабинет, он запасся двумя пистолетами и в казанный час подъехал в карете к месту свидания. Какой-то человек ждал под деревьями. Сунув обе руки в карманы, министр подошел к нему:

— Вы желаете поговорить со мной, месье? Я перед вами. Но

сначала поднимитесь в мою карету, там нам будет удобнее.

Тип отступил на шаг, будто собирался сбежать.

— Нет смысла бежать, — сказал Тьер. — Если вы не сядете в мою карету, мои люди вас схватят.

— Останемся здесь, — предложил незнакомец.

— Нет, поедем в министерство, и не вынуждайте меня прибегать к насилию.

Человек сел в карету.

В министерстве он представился.

Это был Симон Дейц, явившийся, чтобы отомстить за отказ, который получил две недели назад в Нанте…

Он объяснил Тьеру, что входит в число секретных агентов Мари-Каролин и что знает, где она скрывается.

— Я должен через несколько дней передать герцогине важные документы. Это значит, что мне удастся проникнуть к ней. Желаете ли вы, чтобы я ее выдал?

— Сколько? — спросил министр.

— Пятьсот тысяч франков.

— Вы их получите!

24 октября Дейц прибыл в Нант в сопровождении комиссара полиции Жоли. Он сразу же отправился на улицу От-дю-Шато, чтобы убедиться, что герцогиня все еще там.

Происшедшая вслед за этим сцена лишний раз подтвердила, что судьба — лучший на свете драматург.

Дейц вручил Мари-Каролин два письма: одно от Берийе, другое от банкира Жожа.

Герцогиня взяла письма, увидела, что они написаны симпатическими чернилами, посыпала их специальным порошком и прочла. Закончив чтение второго, она сказала спокойно:

— Банкир просит меня проявить осторожность, потому что некий человек, которому я доверяю, продал меня г-ну Тьеру за миллион…

И добавила, улыбаясь:

— Возможно, это вы!

Дейц, сильно смутившись, вяло запротестовал.

Через десять минут он откланялся. Спустившись с мансарды, он прошел мимо гостиной и увидел стол, накрытый на семь персон. Зная, что хозяйки дома, сестры Гини, жили одни, он понял, что герцогиня собиралась обедать с кем-то из своих близких.

Дейц побежал к Жоли:.

— Вы можете действовать. Только поторопитесь. Она знает, что ее предали!

По приказу Жоли тысяча двести солдат под командованием

генерала Дермонкура * окружили квартал, в котором жила Мари-Каролин.

Держа на всякий случай доносчика в поле зрения, генерал приступил к операции.

Послушаем, как сам генерал Дермонкур описывает начало операции:

«Было около шести часов вечера; погода была прекрасная. Из окон своей квартиры герцогиня видела, как на спокойном небе вставала луна и как в ее свете вырисовывался силуэт темных массивных башен старого замка; но тут подошедший к ней г-н Гибург увидел, как сверкнули штыки и к дому устремилась колонна, ведомая полковником Симоном Лорьером. В то же мгновение Гибург отпрянул назад с криком:

— Спасайтесь! Мадам, спасайтесь!

Мадам тут же бросилась на лестницу… Поднявшись в мансарду, герцогиня устремилась вместе с тремя близкими ей людьми — Менаром, юной Стилит де Керсабек и, конечно, бесценным Гибургом за камин, откинула чугунную плиту и вместе с друзьями на четвереньках пробралась в тайное убежище.

Вот как рассказывает Гибург продолжение этого поистине шутовского приключения.

«Едва за нами закрылась плита, как в дом ворвались солдаты; возглавлявший их комиссар поднялся прямо в мансарду, которую сразу узнал по описанию доносчика.

— Это та самая приемная гостиная, — воскликнул он.

По всем комнатам были расставлены часовые; выходы на прилегающие улицы перекрыты, все имеющиеся в доме шкафы распахнуты, доски полов и стены подвергнуты шумному простукиванию; во всех каминах зажгли огонь, включая и тот, за которым находился тайник. Хозяйки дома сохраняли присутствие духа и спокойно уселись за стол; кухарка отказалась давать полицейским какие бы то ни было сведения. После шести или семи часов бесплодных поисков префект отдал приказ об отходе, оставив по несколько человек во всех комнатах.

Два жандарма устроились в мансарде. Два веселых малых, которые, чтобы убить время, принялись рассказывать друг другу фривольные байки, к величайшей радости Мари-Каролин.

— Никогда я ничего подобного не слышала! — прошептала она, смеясь.

Но потом ей пришлось подумать о вещах более серьезных. Ночью было очень сыро, и четверо замурованных вскоре начали дрожать от холода в своем тайном убежище. Тесно прижавшись, друг к другу, они грызли кусочки сахара, которые Менар догадался сунуть себе в карман.

К десяти вечера жандармы, также закоченевшие, решили зажечь огонь в камине.

Услышав их приготовления, Мари-Каролин обрадовалась:

— Теперь мы согреемся!

К несчастью, тайник очень скоро стал заполняться густым дымом, к тому же в нем стало нестерпимо жарко. Чувствуя, что начинают задыхаться, Мари-Каролин и ее друзья попытались изменить положение и перевернулись «с невероятным трудом», сообщает Гибург.

Закрывавшая помещение плита раскалилась докрасна, и неожиданно на герцогине загорелась одежда. Все перепугались.

— Не волнуйтесь, я сама справлюсь, — сказала Мари-Каролин.

И она спокойно погасила огонь, сделав пи-пи на свое платье.

Около одиннадцати ночи жандармы уснули, огонь в камине постепенно затух, и положение замурованных снова улучшилось. Прошла ночь.

— Может быть, на рассвете они совсем уйдут, — сказала Мари-Каролин.

Но с наступлением дня жандармы пробудились и снова разожгли огонь. И сразу еще более густой дым, чем накануне, проник в убежище».

На этот раз, сообщает Гибург, «никакой надежды не осталось, и герцогиня смирилась».

Толкнув плиту, которая сразу открылась, она крикнула:

— Погасите огонь, мы сдаемся!

С черным от дыма лицом, с покрасневшими глазами, со сгоревшим наполовину платьем, она выползла из укрытия на четвереньках по горячему пеплу. Оказавшись в комнате, она встала и сказала обоим изумленным жандармам:

— Я — герцогиня Беррийская; вы оба французы и военные, я вверяю себя вашей чести!..

Через несколько дней Дейц явился в министерство внутренних дел и потребовал причитающиеся ему пятьсот тысяч франков.

Тьер выложил ему все до одного, франк за франком. С помощью пинцета…

ГЕРЦОГИНЯ БЕРРИИСКАЯ РОЖАЕТ В ТЮРЬМЕ

В любых обстоятельствах она рожала ребенка…
Анри д'Альмера

Через несколько дней после ареста Мари-Каролин была доставлена по морю в цитадель Бле, куда и была заключена.

В начале ноября полковник Шуссери, лично ответственный за свою знаменитую пленницу, сообщил маршалу Сульту, что герцогиня «очень нездорова и столь же впечатлительна».

В цитадель прибыл врач Жентрак и прослушал Мари-Каролин. Сделав это, он ограничился тем, что прописал успокоительное питье и ножные ванны.

На другой день, немного успокоенный полковник Шуссери сообщил в военное министерство, что у принцессы лишь легкое недомогание. Впрочем, он счел нужным добавить:

«Такое впечатление, что живот ее несколько округлился, что, однако, не было отмечено врачом, хотя многие это видели».

Действительно, в тот же день лейтенант Фердинанд Птипьер, адъютант полковника Шуссери, записывал в своем дневнике:

«У мадам походка и живот беременной женщины, со сроком пять-шесть месяцев. В то же время я бы не сказал, что со дня приезда ее комплекция постепенно увеличивалась. А ведь я видел ее каждый день. Беременна ли она?»

Вскоре этот вопрос уже задавали себе буквально все. Все, но не д-р Жентрак, который продолжал приписывать затрудненное дыхание Мари-Каролин сырому и холодному воздуху, которым она дышала в цитадели.

Шуссери попросил его еще раз, теперь уже полностью, осмотреть герцогиню и рассеять все сомнения. Последовавшую за этим сцену описывает Птипьер:

«Доктор собрался было решительно приступить к выяснению главного вопроса. Но она не дала ему это сделать. Едва только он произнес первые слова, она воскликнула:

— Я вижу, к чему вы клоните! Ведь я беременна, верно? Ну и что, это уже в четвертый раз.

С этими словами она встала со стула:

— Смотрите, господин Жентрак, убедитесь сами, — сказала она, распахивая одежду. — Ощупайте мой живот!

И, после того как г-н Жентрак сквозь нижнее белье сделал

самые общие наблюдения, она обхватила обеими руками свой живот и сильно нажала на него.

— Вот, — сказала она с горечью, — как я беременна! Вы оказали бы мне куда большую услугу, если бы избавили меня от этой болезни».

Обманутый в который уже раз дерзостью Мари-Каролин, д-р Жентрак вернулся к полковнику Шуссери и заявил ему важным тоном:

— Я не думаю, что герцогиня беременна. Если ее живот и увеличен, то это вследствие расширения селезенки.

Он прописал ей ванны с последующим растиранием и удалился.

Полковник, все более озадаченный, решил попросить военного министра прислать парижских врачей. Сульт назначил д-ра Орфила, декана медицинского факультета, и д-ра Овити, который когда-то лечил Мари-Каролин. Оба специалиста прибыли в Бле 24 января. Увидев их входящими в комнату, герцогиня, казалось, испугалась. Потом взяла себя в руки и сказала, что готова дать себя осмотреть.

Орфила и Овити, скинув сюртуки, со всем тщанием ощупали сиятельный живот, покачали головами, вновь ~ облачились в свои сюртуки и вернулись в Париж.

— Ну что? — спросил их Сульт. Ответ оказался гораздо менее категоричным, чем ожидал маршал:

— Живот показался нам несколько увеличенным по сравнению с обычным состоянием.

— Так она беременна?

Орфила сделал неопределенный жест:

— У нее как будто есть симптомы этого.

— Очень хорошо, — сказал Сульт, — значит, она нуждается в постоянном наблюдении. Я назначу в Бле человека энергичного и проницательного…

Спустя неделю, 31 января, полковника Шуссери сменил маршал Бюжо.

— Прямо в день своего приезда он отправился в цитадель, чтобы взглянуть на молодую женщину опытным взором военного и послать Сульту донесение о своих собственных впечатлениях.

«Было бы затруднительно, — писал он глубокомысленно, — объяснить при ее хорошем здоровье вздутие живота водянкой или засорением кишечника и желудка».

Заметим, что к этому времени герцогиня была уже на пятом месяце беременности…

Вскоре на голову Бюжо свалилась еще одна проблема. Несмотря на все более заметное округление живота, Мари-

Каролин не проявляла ни малейшего беспокойства по поводу скандала, который неизбежно должен был разразиться в связи с этим.

11 февраля маршал написал Сульту:

«Мадам герцогиня очень весела и с удовольствием играет со своими попугайчиками и маленькой собачкой Бевис. И у нас в сознании не укладывается, как это возможно в том состоянии, которое производит впечатление беременности большого срока. Если то, что мы предполагаем, верно, ей необходимо найти какой-то способ защитить свою честь. И таким способом может быть только замужество, подлинное или фиктивное».

Доблестный вояка как в воду глядел. Мари-Каролин нисколько не беспокоило ее состояние. Как писала графиня де Буань, «это была далеко не первая ее подпольная беременность. Она полагала, что в этом отношении принцессы стоят вне норм общественной морали, и ни в коей мере не считала, что данный инцидент должен серьезно отразиться на ее политическом существовании». К тому же в последние дни верные друзья подыскали ей «мужа», который соглашался взвалить на себя это странным образом приобретенное бремя отцовства…

22 февраля Бюжо, который боялся, как бы его не постигла участь Шуссери, упросил Мари-Каролин сказать ему правду.

— Правительство будет вам очень признательно за искренность, мадам. Вы ждете ребенка?

Герцогиня подумала, что признание может принести ей свободу. Она разрыдалась, бросилась в объятия маршала и призналась ему, что тайно обвенчана и что она на шестом месяце беременности.

Бюжо с облегчением вздохнул.

— Мне необходимо ваше письменное заявление, — сказал он.

Мари-Каролин взяла лист бумаги и написала:

«Ввиду того, что меня торопят обстоятельства и в силу правительственных предписаний, а также имея серьезные причины для сохранения своего брака в тайне, считаю своим долгом признаться как себе, так и моим детям в том, что тайно вышла замуж во время моего пребывания в Италии.

Мари-Каролин».

Эта записка была немедленно отправлена Сульту, а тот опубликовал ее текст в газете «Монитор» за 26 февраля.

Узнав, что герцогиня Беррийская, этот «незапятнанный ангел реставрации Бурбонов», «вандейская Мария Стюарт», находясь в заточении, ждет ребенка, легитимисты были точно громом поражены. Большинство утверждало, что это гнусная выдумка правительства с целью дискредитировать «регентшу».

Орлеанисты же задавали себе только один вопрос: кто отец будущего ребенка?

Не Гибург ли? А может быть, Розамбо, который был в числе ближайших друзей во время изгнания и вандейской эпопеи? Шарет? Бурмон? Или даже Дейц, как это полагал Бюжо? Назывались самые невероятные имена.

Наконец 10 февраля герцогиня родила малышку, которую назвали Анн-Мари-Розали. Доктор Дене немедленно взял слово:

«Я только что принял роды у мадам герцогини Беррийской, являющейся женой в законном браке графа Гектора Люкези-Палли, князя де Кампо-Франко, офицера, служащего при короле Обеих Сицилий, проживающего в Палермо».

Когда имя отца было опубликовано, вся орлеанистская Франция разразилась хохотом:

— Ну и муженька нашла себе герцогиня! — говорили все. — Более грубого фарса и вообразить нельзя! Когда же это они поженились? И каким образом этот итальянец мог встретить Мари-Каролин в августе 1832 года, если она в то время скрывалась в нантской мансарде?

Легитимисты, вынужденные смириться с фактами, возражали:

— Что ж, пусть она родила, но ее муж хорошо известен и принадлежит к знатной фамилии. Семейство Кампо-Франко ведет свое начало от одного из двенадцати нормандских баронов, которые вместе с Танкредом завоевали Сицилию на обратном пути из Святой земли. Герцогиня заключила тайный брак с графом Гектором в 1831 году, и так же тайно он приезжал из Голландии в Нант, чтобы повидаться с ней. Все это выглядело совершенно невероятно. На деле никто ничего точно не знал. И вся Франция задавалась одним вопросом: кто же все-таки отец маленькой Анн-Мари-Розали?..

Для легитимистов, разумеется, отцом мог быть только Люкези-Палли. Тем не менее, признание Мари-Каролин привело их в некоторое замешательство. Они боялись, как бы орлеанисты не узнали от жителей Гааги, что в августе 1832 года граф ни на один день не покидал Голландию…

И потому они решили дать другое объяснение встрече двух «супругов»:

— Под впечатлением эмоций, вызванных материнством, — заявили они, — принцесса перепутала события, и мы поняли так, что ее муж приезжал в Нант. В действительности все было иначе. Это она, переодевшись в вандейскую крестьянку, приезжала в августе в Голландию. Вполне естественно, ее путешествие

держалось в большой тайне, и никто в Гааге не знал об этом. Впрочем, она пробыла там с графом Люкези всего несколько дней и так же негласно вернулась в свою мансарду.

Сразу оговоримся, что сегодня это объяснение отвергается всеми историками. Послушаем, что говорит Марк-Андре Фабр:

«Легитимистам хотелось, чтобы Анн-Мари-Розали была ребенком, зачатым в Голландии, куда Мари-Каролин, покинув на несколько дней свое убежище, ездила, переодевшись в крестьянское платье, чтобы повидаться с графом Люкези-Палли, а затем вернулась к своим нантским друзьям. В подтверждение этой смелой версии они произвели на свет два письма, якобы обнаруженных виконтом де Резе под „грудой старых бумаг“ после смерти герцогини. Одно из них от графа Люкези. Он пишет: „Ваш стремительный приезд, подвергший вас стольким опасностям, был еще одним поводом для моего волнения, хотя ему же я обязан счастьем снова увидеть вас“. Другое от герцогини. Оно заканчивается следующими словами: „Последствия моего поспешного приезда вынуждают меня вскоре открыть наш союз“.

Однако письма эти, датированные временем ее пребывания в Бле, были явно написаны в соответствии с возникшей необходимостью, точно так же, как в те же дни составленный и задним числом помеченный акт о брачной церемонии, совершенной П. Розаваном. Среди бумаг, найденных в мансарде нантского дома и переданных в

национальный архив, фигурирует подробный перечень писем, полученных и отправленных герцогиней с 23 июня по 18 сентября. В нем помечены почти все дни этого периода за исключением, может быть, двух-трех в разное время. Но в эти дни Мари-Каролин не покидала нантское убежище».

Чтобы объяснить существование найденных бумаг, легитимисты утверждали, что «перед отъездом в Голландию герцогиня оставила верным ей людям письма, помеченные задним числом, с тем чтобы если ее укрытие будет обнаружено, ничто не указывало бы на ее поездку, которая могла послужить поводом для неблагоприятных толкований и повредить интересам Генриха V.

Как пишет один из биографов Мари-Каролин: «У врагов власти ответ находился буквально на все, и эпизоды, точно из какого-нибудь романа, достойного пера Ксавье де Монтепена, сочинялись лишь для того, чтобы спасти репутацию герцогини…».

Орлеанисты, само собой разумеется, не верили ни единому слову из объяснений, предлагаемых легитимистами. Они поручили нескольким своим людям, внедрившимся в стан своих

политических противников, провести специальное расследование и смогли собрать все необходимые данные, позволявшие выстроить версию, принимаемую сегодня почти всеми историками. Вот эта версия в изложении Ж. Люка-Дюбретона:

«К началу 1833 года появление мужа стало настоятельной необходимостью. Карлисты принялись за поиски. Возглавила их г-жа де Кейла, бывшая фаворитка Людовика XVIII, которая, помимо остатков былой красоты, обладала подлинным гением интриги. В Гааге, где она жила, она начала с атаки на г-на де Руффо, неаполитанского посла, который оказался там проездом; но посол, как только понял, о чем идет речь, перепугался и сбежал.

Тогда сна обратила свой взор на Гектора Люкези, который, в свою очередь, сделал вид, что не слышит, что ему говорят. Тогда Рошешуар, неисправимый легитимист, присоединил свои усилия к усилиям почтенной дамы и предложил Люкези «жениться на герцогине ради спасения ее чести»; граф не отозвался на эти призывы. А между тем время уходило; пленница не могла ждать бесконечно, чтобы ей нашли мужа. И тогда появился банкир Уврар с его неотразимыми аргументами. Сколько получил Люкези? Сто тысяч экю? Миллион? Мы не знаем. Но он согласился взвалить на себя честь отцовства, и тут же, без промедления, в маленькой итальянской деревушке было сфабриковано брачное свидетельство, датированное июлем 1831 года».

Версия орлеанистов впоследствии была частично подтверждена доктором Меньером, который после возвращения Мари-Каролин в Палермо написал из Италии министру внутренних дел следующее письмо от 30 июля 1833 года:

«Никогда не существовало никакой интимной связи между молодым Гектором и г-жой герцогиней Беррийской. Графу не больше двадцати восьми лет; он честолюбив, взбалмошен, но человек чести и неспособен уступить материальным соображениям. Он предан партии легитимистов и, не колеблясь, пожертвует собой ради главного дела. В Масса у него было немало встреч с герцогиней, которая посылала его в Париж с депешами к главе партии сторонников Генриха V, но он не ездил в Вандею, равно как и герцогиня не ездила в Гаагу, хотя после своего возвращения из Голландии граф неоднократно пытался распустить такой слух.

Меня здесь убедили в ложности этих двух историй, слишком уж явно сочиненных после происшедшего события. Именно находясь в Голландии, молодой человек получил уведомление о том, какие имеются на него виды. Ему пришлось одолжить шесть тысяч франков, чтобы совершить поездку; и только в Италии он

получил окончательные инструкции… Граф находился здесь инкогнито, и те несколько человек, которые с ним встречались, отметили, что он был очень опечален. И, после того как он появился в Палермо, все отметили то же самое. Молодому графу не хватило сил сыграть свою роль до конца; отцовство было ему в тягость, и герцогиня даже решила удалить от себя ребенка. Я был дважды приглашен к принцессе и нашел ее сильно изменившейся. Она демонстрирует веселость, которая мне показалась неестественной. И если никто не верит в их брак, то еще меньше верят в отцовство графа Гектора, но все считают, что, как человек преданный и романтичный, он просто согласился прикрыть своим именем происшествие, так некстати случившееся. Полагают, что, будучи к тому же человеком честолюбивым и легковерным, он не слишком оскорблен в глубине души тем, что оказался в такой тесной связи с состоянием принцессы, которое, судя по ее замыслам, предназначено для обеспечения новой Реставрации».

Наконец, существует главный документ, который окончательно разбивает версию о тайном браке. Это копия письма, сделанная рукой г-жи де Кейла, которое написала Мари-Каролин из Бле на имя Оливье Бурмона, прибывшего в Гаагу 12 апреля 1833 года, то есть за два месяца до родов. Это письмо, бывшее, по-видимому, шифрованным, содержит следующее:

«Я всю жизнь останусь вам признательна, мой дорогой Оливье, за то, что вы так убедительно поведали мне о чувствах графа Гектора; я и сама ему написала, чтобы поблагодарить и выразить ему, как я тронута его предложением, которое принимаю с живейшей благодарностью; моей главной целью станет составить его счастье.

Мне кажется, очень важно, чтобы он со всей осторожностью, но при этом как можно быстрее и тайно, приехал в Неаполь для регистрации брачного свидетельства и подождал меня там. Разумеется, я беру на себя обязательства обеспечить будущее Эктора специальным контрактом, когда окажусь в Италии и ознакомлюсь детально с моими собственными делами. Я воспользуюсь разрешением назвать его имя, столь деликатно мне предоставленным, если в этом возникнет срочная надобность. Я отвечаю, что ни с чьей стороны не будет никакой претензии. Мое письмо графу Л… свидетельствует о моем полном согласии взять его в мужья. Я через вас прошу его только об одном, об абсолютной тайне, за исключением его отца, если граф сам сочтет это необходимым. Само собой разумеется, для короля Неаполитанского, семьи графа и моей семьи брак заключен во время моего пребывания в Италии; однако, если это возможно, все они должны об этом узнать только после того, как я выйду на

свободу.

Если будет сочтено полезным договориться о моем кратком приезде в Голландию, то он может состояться лишь в период между 15 августа и 15 сентября. Мне нет необходимости убеждать вас в моей искренней дружбе и в том, как я тронута этим новым доказательством вашей преданности» .

Выходит, что граф Люкези-Палли был всего лишь подставным лицом? Но кто же тогда был отцом Анн-Мари-Розали?

Уже современники герцогини отказались, и довольно быстро, от поисков.

— Герцогиня, — говорили они в растерянности, — это была далеко не первая промашка. Вспомните ее прошлые внезапные отъезды в Рони, в Бат. Уже тогда они наводили на размышления. После ребенка из Англии ребенок из Вандее. Поистине эта неаполитанка не ставит целомудрие ни во что.

Итак?

Большинство современных историков полагает, что отцом «ребенка из Бле» был молодой и соблазнительный нантский адвокат Гибург, проводивший долгие вечера наедине с Мари-Каролин в мансарде на улице От-дю-Шато. Но это только предположение, не подтвержденное ни одним документом.

Поэтому из осторожности мы присоединяемся к мнению графини де Буань, которая пишет в своих «Мемуарах»:

«Я не знаю, останется ли имя подлинного отца тайной для истории, но лично мне оно не известно. И может быть, стоит согласиться с Шатобрианом, который однажды на мой вопрос по этому поводу ответил:

— Как вы можете ждать ответа от кого-то, если она сама этого не знает…» .

ГОСПОДИН ТЬЕР ЖЕНИТСЯ НА ЭЛИЗЕ ДОН, ДОЧЕРИ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ

Не любить, возможно, ли
Все, что приготовлено
Женщиной любимой?
Любовь и Кухня

(Песня XVIII века)

После ареста герцогини Берриской Адольф Тьер поспешил к г-же Дон и с радостью объявил ей о своей победе.

Едва он успел произнести первые слова, как жена финансового магната издала вздох облегчения и тут же стала раздеваться. Она была женщиной настолько эмоциональной, что ни одной приятной вести не могла воспринять без того, чтобы тут же не насладиться удовольствием физическим.

Торопливым жестом она увлекла Тьера в постель, с ловкостью лущильной машины раздела его и, по образному выражению хрониста тех лет, «пригласила его побороться у себя на лужайке»…

Маленький Адольф, которому успех придал прыти, сразу взялся за дело и позволил себе множество отчаянных проказ, которые наверняка позабавили бы публику, если бы подобного рода дела не совершались тайком, будто что-то предосудительное…

После того как сражение было окончено, г-жа Дон и ее маленький «великий человек» приступили к долгой и нежной беседе.

— Нельзя ни в коем случае упустить выгоду от этой победы, — сказала Софи. — Удача позволила тебе начать карьеру министра с таким блеском; этим надо воспользоваться так, чтобы правительство восхищалось тобой еще больше, и чтобы ты наконец вышел на широкий политический простор.

Утонувший в подушках и восстанавливающий свои силы, Тьер прошептал:

— И тогда я буду ждать, чтобы мне предложили пост министра поважнее?

— Ты меня совершенно правильно понял. Но вот тут обрати внимание, тебе нужен портфель министра торговли и министра общественных работ. От этого двойного портфеля зависят архивы

королевства, изящные искусства, театры и опера. В твоих руках окажутся все нити, открывающие двери Французской академии.

Адольф сразу понял, как надо потянуть за винтик, чтобы шпулька выпала. Он встал с постели и совершенно голый стал ходить туда и обратно по комнате, вслух набрасывая планы грандиозных работ, которые он обязательно осуществит:

— Я добьюсь завершения Триумфальной арки и восстановления парижских монументов, ставших ветхими и грязными: площадь Мадлен, Пантеон, Коллеж де Франс, Вандомская колонна, Музей изящных искусств, Музей естественной истории, Пале-Бурбон…

Г-жа Дон улыбнулась:

— И мой Адольф станет академиком…

Такая перспектива ослепила Адольфа Тьера. Ничего не сказав, он снова залез в постель и срочно отыскал местечко, куда можно было упрятать свое волнение.

Через несколько месяцев после этого разговора маленький марселе принялся пункт за пунктом осуществлять программу, начертанную его любовницей.

31 декабря 1832 года ему были вручены портфели министра торговли и министра общественных работ. Он сразу принимается скоблить все парижские памятники, хлопочет о возвращении на место обелиска и заказывает статую Наполеона.

Правда, эта последняя инициатива дала кое-кому повод для насмешек:

«Только, пожалуйста, не смейтесь, „Монитор“ нам совершенно официально объявляет, что уже отлита статуя Бонапарта, и не кто иной, как г-н Тьер, возглавил это интересное мероприятие. Вы представляете себе статую Наполеона, отлитую по инициативе правительственного карлика, который мог бы легко уместиться в одном из ее сапог? Для статуи самого г-на Тьера мы не знаем лучшего места, чем Вандомская колонна: он вполне уместится между ног Наполеона…»

Но «правительственный карлик» не обращал внимания на насмешки журналистов и продолжал осуществлять свой план. Весной 1833 года, после того как Тьер заказал Эксу, Рюду и Корто скульптурные группы для украшения Триумфальной арки, он выставил свою кандидатуру в Академию.

Несмотря на свой молодой возраст — ему было всего тридцать два года — он был избран семнадцатью голосами против шести, поданных за Шарля Нодье, и двух чистых бюллетеней…

На этот раз маленький марселец уверовал, что он и вправду

«нечто».

Теперь г-жа Дон усадила его к себе на колени и сказала:

— Адольф, теперь твоему честолюбию нет преград. Но ты должен изменить свою жизнь. Выдающийся политик не должен быть холостяком. Он должен устраивать приемы, праздники, балы. Ему нужна подруга. Ему нужна хозяйка дома. Ему нужна жена…

Тьер взял Софи за руку.

— Нет, — сказала ласково г-жа Дон, — я не могу покинуть г-на Дона. Но я хочу предложить тебе жену, которая не разлучит нас. Согласен ли ты жениться на Элизе?

Элиза была старшей дочерью г-жи Дон. Ей было всего пятнадцать лет, и Адольф видел в ней только ребенка. Г-жа де Дино (бывшая любовница Тьера) так описывает эту девочку: «У нее хороший цвет лица, красивые волосы, изящное телосложение, большие глаза, которые еще ни о чем не говорят, неприятная линия рта, недобрая улыбка, выпуклый лоб… Злое выражение лица и без тени предупредительности…»

Видя, что любовник колеблется. Софи стала настаивать:

— Она ласковая, послушная. Очень любит меня. Она будет гордиться тем, что стала твоей женой, а главное — даст нам возможность спокойно любить друг друга. Ты можешь не опасаться с ее стороны ни слез, ни семейных сцен. В наших отношениях ничего не изменится…

В конце концов Тьер согласился, и 6 ноября 1833 года в газете «Конститюсьоннель» было опубликовано следующее сообщение:

«Вчера м-ль Дон, дочь главного налогового сборщика города Лилля, достигла своего пятнадцатилетия, и вчера же состоялась церемония ее обручения с г-ном Тьером. М-ль Дон, говорят, очень маленькая, очень хорошенькая и, что особенно важно, очень богатая — поговаривают о двух миллионах» .

Эта новость произвела в Париже эффект разорвавшейся бомбы. Чтобы министр-академик осмелился жениться на дочери своей любовницы, такое наповал сразило даже наиболее далеких от добродетели

…тот толстяк завитой, чтоб семейные узы упрочить, за любовника жены выдал дочь.]. В Тюильри королева Мария-Амелия пришла просто в ужас.

— Это просто пятно на нашей репутации, — сказала она.

Луи-Филипп постарался ее успокоить:

— Г-н Тьер из тех честолюбцев, для которых все средства хороши, чтобы добиться желаемого. Пусть себе делает, что хочет. Его излишества выявят его возможности.

Бракосочетание, отмечавшееся скромно, состоялось 7 ноября в полночь в мэрии 11-го округа. Затем новобрачные отправились в церковь Сен-Жан на Монмартре, где их благословил кюре .

В час ночи Адольф и Элиза в сопровождении г-жи Дон, которая нежно расцеловала обоих, приехали ночевать в министерство.

Галантный Тьер вел себя с малышкой Дон точно добрая свекровь…

На другой день, узнав, что супруги венчались в церкви, королева успокоилась.

— Подумать только, — заметила она, — оказывается, этот г-н Тьер набожный человек.

Ей и в голову не могло прийти, что министр, зная нужды кюре из церкви Сен-Жан, обменял обогреватель на свидетельство об исповеди…

БЫЛА ЛИ ФАННИ ЭЛЬСЛЕР ЛЮБОВНИЦЕЙ ОРЛЕНКА?

Это было тело, трепещущее от волновавших его желаний и парившее в танце.

Грильпарцер

В июне 1834 года парижане, все еще взбудораженные кровавой резней на улице Транснонен , на время отвлеклись от политических страстей, и причиной тому оказался всеобщий интерес к танцовщице.

Этой танцовщицей была знаменитая Фанни Эльслер, которую д-р Верон, директор парижской Оперы пригласил во Францию, чтобы познакомить с нею столичную публику.

Маленькие газеты публиковали восторженные описания молодой женщины, и вскоре весь Париж узнал, что она является «обладательницей самых красивых в мире ножек, безупречных коленок, восхитительных рук, достойной богини груди и девичьей грации самой Дианы».

Такого букета достоинств было вполне достаточно, чтобы ввергнуть в мечтания буквально всех мужчин, начиная от маршала Сульта и кончая приказчиками в галантерейном магазине. Но парижанам, и без того чрезвычайно взволнованным, предстояло пережить новый шок, от которого потомки многих из них и по сей день еще не вполне оправились.

2 июня журналист по имени Шарль Морис, руководивший газетой «Театральный Курьер», опубликовал посвященную Фанни статью, которая заканчивалась следующими словами:

«Когда эта артистка танцевала в венском оперном театре, было много разговоров о том, что ею очень интересовался один принц, чье имя далеко не безразлично французской нации и чья жизнь оборвалась во цвете лет, к величайшему огорчению его современников. Обоснован он или нет, но слух этот вызывал доброжелательное отношение и пробуждал любопытство к м-ль Эльслер. Вполне возможно, она послужила лишь новым поводом для дорогих воспоминаний, для мысли о так жестоко разрушенных надеждах, для случая (впрочем, весьма косвенного) снова подтвердить неизменность своих чувств к бесценному праху людей, спасенных из вод забвения, и, может быть, потому все будут стремиться увидеть ее, аплодировать ей и погрузиться в

размышления».

Сразу после этой статьи в гостиных, служебных кабинетах, лавках все только и спрашивали друг у друга, возможно ли это? Была ли эта молодая женщина любовницей Орленка , умершего два года тому назад? Можно ли себе представить, что эти тонкие руки ласкали белокурые кудри сына императора?

Следующая статья, написанная Жюлем Жаненом и появившаяся спустя несколько дней в солидной газете «Журналь де Деба», убедила даже завзятых скептиков.

«Еще совсем недавно, — писал он, — вокруг королевского дворца в Вене существовал парк, куда по вечерам, незаметно, приходила молодая женщина, чьи шаги, однако, выглядывавший из окна герцог Рейхштадский слышал издалека.

Эта молодая женщина была первой и последней улыбкой сына императора.

Фанни Эльслер покинула Австрию. Ей там больше нечего было делать. Она не в силах была танцевать в Вене после того, как навек закрылись полные блеска и жизни глаза, смотревшие на нее с такой любовью. Теперь, когда ложа молодого принца пуста, Фанни нечего делать в Вене. Отныне она принадлежит прекрасному французскому королевству, преданным и восторженным поклонникам из славного города Парижа».

Танцовщица превратилась в настоящую властительницу, которую парижский народ, остававшийся в душе бонапартистом, готов был славить криками: «Да здравствует Император!» и «Долой Луи-Филиппа!»

Поэтому когда 15 сентября Фанни дебютировала на сцене Оперы в спектакле «Буря», публика устроила ей настоящий триумф. На протяжении многих месяцев тысячи зрителей из всех провинций Франции приезжали, чтобы поаплодировать «той, которая любила римского короля…».

К сожалению, в 1835 году бонапартистов и поклонников Фанни, по образному выражению одного мемуариста, «окатили ледяным душем». Редактор «Театральной газеты» опубликовал статью, решительно опровергавшую все то, что утверждали Шарль Морис и Жюль Жанен:

«Нам говорили и неоднократно повторяли, что молодой принц, родившийся на ступенях прекраснейшего трона Европы и похищенный у жизни тяжкой болезнью три года тому назад, был страстно влюблен в м-ль Фанни Эльслер и умирал с именем прекрасной немецкой танцовщицы на устах. Говорили и многое другое, чего я не стану тут повторять. Но существует истина, опровергающая домыслы историков, и от ее имени отвечу я. Мне известно от большого любителя венской Оперы, от преданного и

горячего поклонника сестер Эльслер, что сын Наполеона (раз уж приходится его назвать) никогда не видел ни в театре, ни где-нибудь в другом месте артистку, по отношению к которой ему приписывают столь нежные чувства. И пусть кто-нибудь опровергнет меня, если сможет. Мой венец находится здесь, рядом со мной, и в любую минуту готов поддержать опровержение, которого я являюсь лишь эхом».

Где же истина?

Вот ее мы и попытаемся отыскать.

Но сначала — кто такая Фанни Эльслер?

Молодая двадцатичетырехлетняя немка, отец которой, уроженец Силезии, был слугой у Гайдна. После художественного образования, полученного у хороших педагогов, она дебютировала в театре Кернтер-Тор, где публика восхищалась ее грацией и красотой. А вскоре богатый и могущественный шевалье де Генц, бывший на сорок четыре года старше ее, заметил Фанни и стал ее любовником.

Через него она познакомилась с Меттернихом и бывала у графа Прокеш-Остена, близкого и неразлучного друга Орленка…

После смерти покровителя, случившейся в 1832 году, Фанни стала любовницей одного берлинского танцора. С тех пор как она поселилась в Париже, она вела себя в высшей степени благоразумно, никогда не держа более трех любовников одновременно, что для танцовщицы в те времена было равносильно монашескому воздержанию.

Парижская Опера и правда имела тогда репутацию прибежища нераскаянных грешниц, потаскух и бесстыдных куртизанок.

Когда одна из них, Полин Дюверне, отказалась от ста тысяч франков, предложенных ей знатным русским господином, весь кордебалет был возмущен этим до глубины души.

— Ты никогда не станешь великой танцовщицей! — говорили они ей.

Но она сумела реабилитировать себя весьма необычным образом.

Когда некоторое время спустя после того разговора молодой секретарь посольства предложил ей свою жизнь, она лишь мягко заметила:

— Все это, месье, только слова. Не сомневаюсь, что попроси я у вас один из ваших зубов, вы мне откажете.

Молодой человек помчался к дантисту, вернулся с зубом и в доказательство того, что не купил его по случаю, дал заглянуть себе в рот.

— Ах, Боже мой! — воскликнула балерина. — Вы все

перепутали. Я просила вон тот, внизу.

С несчастным случился обморок.

Фанни Эльслер не относилась к этому типу танцовщиц. Она не была продажной. Более того, от своих подруг она отличалась целомудренной речью, вкус к которой приобрела в результате общения с шевалье де Генцем, а многие журналисты были к тому же удивлены ее обширными познаниями.

Она даже владела орфографией, что было просто поразительно для того времени, когда балерина писала своему любовнику эту ставшую знаменитой записку:

«Наш рибенок умир. Приходи скорее. Мне надо тибя видеть».

Нет, в самом деле, Фанни Эльслер была танцовщицей совсем не такой, как другие.

Но все-таки, была ли она любовницей Орленка?..

Историки, верящие в эту связь, прежде всего напоминают, что герцог Рейхштадский чувствовал себя в Шенбруннском дворце гораздо свободнее, чем это обычно считают. Они представляют его завсегдатаем балов и часто приводят текст, принадлежащий перу графа Прокеш-Остена, ближайшего друга герцога:

«Я как-то услышал от него, что накануне ночью он и граф Морис Эстергази, чье общество принц находил приятным, отправились на костюмированный бал, а оттуда последовали за графиней Х… к ней домой, где нашли многочисленное общество, вовсю предававшееся танцам. Оба они были в масках, и знала их только хозяйка; для остальных гостей они так и остались неизвестными. Герцог признался, что совершил там легкомысленный поступок, но сказал, что не смог воспротивиться желанию вытворить что-нибудь такое, на что при дворе его считают неспособным. К счастью, никто так и не узнал об этом, насколько я мог потом убедиться, хотя в то время огласка казалась мне почти неизбежной…» .

Эта свобода, позволявшая молодому герцогу с легкостью ускользать из дворца и шататься по притонам, может показаться странной. Некоторые историки видят в этом один из основных элементов задуманного Меттернихом макиавеллического замысла. Они полагают, что австрийский министр, зная о хрупком здоровье принца, подталкивал его к распутству, чтобы ускорить конец.

Существует свидетельство современника о разгульной жизни герцога:

«Он жадно искал шумных удовольствий балов, мог ночи напролет отдаваться вихрю вальса, более утомительного, нежели сладострастного, предпочитал немецким танцам скачки и прыжки английского галопа. Не без удивления было подмечено, что этот

некогда степенный молодой человек, склонный к спокойным занятиям, стал возвращаться под утро, бледный и измученный бурно проведенной ночью на каком-нибудь балу».

Видя, что загулы и бессонные ночи не приводят к достаточно скорым результатам, Меттерних толкнул Орленка на самое худшее из чувственных излишеств. Такие люди, как граф Эстергази и Густав Непперг, сын второго мужа императрицы Марии-Луизы, взяли на себя роль сводников и подыскивали герцогу молодых доступных женщин, безудержных в изнурительных любовных играх.

И вот тут Меттерних особенно преуспел, если верить автору «Истории Наполеона II»:

«Казалось, герцог готов был предаваться всем излишествам одновременно и держал убийственное пари против собственного существования. Он открыл свое сердце впечатлениям, которые могли бы стать источником сладостных и нежных утешений, а на деле были лишь следствием бурных страстей, неразличимых и бесцельных, ускорявших полное разрушение молодого, но уже изношенного физической и моральной усталостью тела, превышавшей человеческие силы».

И как бы ни была велика доля ответственности Меттерниха, следует признать, что у Орленка в Вене было несколько любовных историй. Помимо графини де Кауниц, известна его связь с эрцгерцогиней Фредерикой-Софией и даже с певицей м-ль Пеш.

Ну а если, говорят историки, Орленок мог стать любовником певицы, почему нельзя предположить, что он был любовником и балерины? Опираясь на тот факт, что Фанни Эльслер благодаря своему любовнику барону Генцу бывала на приемах у Меттерниха и что к тому же лучший друг молодого герцога, граф Прокеш-Остен, имел свою комнату у танцовщицы, историки заключают, что Фанни, выбранная австрийским правительством «в помощницы в деле избавления Европы от неудобного наследника», вполне могла быть любовницей Орленка….

Противники этого утверждения — антифаннисты — черпают свои аргументы отнюдь не из сплетен венских горничных. Они ограничиваются приведением двух вполне определенных и бесспорных свидетельств. Первое из них исходит от графа Прокеш-Остена. Когда однажды Наполеон III спросил у него, какова же правда в этом деле, молодой венец написал своему другу:

«Я доказал ему всю лживость утверждений о якобы существовавших отношениях герцога с Фанни Эльслер».

В своих «Мемуарах» он добавляет следующее:

«Поводом для подобных сплетен послужил тот факт, что

несколько раз герцогского егеря видели входящим в дом, где жила Фанни Эльслер; но егерь приходил туда, потому что у нас с г-ном Генцем была комната в доме танцовщицы. Эта комната служила нам рабочим кабинетом или читальней, и слуга, знавший, что чаще всего найдет меня именно там, приносил мне туда короткие послания герцога или передавал мне приглашение зайти к герцогу».

Второе свидетельство принадлежит г-ну де Мирбелю. В письме к своей кузине он пишет:

«М-ль Фанни Эльслер — знаменитая танцовщица и очень приятная особа, чей портрет м-м де Мирбель только что заказала. Про нее говорят, что в последние годы своей жизни в нее был влюблен сын Наполеона, но она уверяет, что все это неправда. Приходится верить…»

Сразу же возникает вопрос: почему Фанни Эльслер ждала так долго, прежде чем начать решительно отрицать свою связь с Орленком? В июне 1834 года она вполне могла послать опровержение Шарлю Морису и Жюлю Жанену и потребовать его опубликования в их газетах. Фанни, однако, этого не сделала. Более того, она продолжала оставаться в наилучших отношениях с одним из этих журналистов и даже написала ему очень дружескую записку, текст которой, вполне возможно, заключает в себе разрешение обсуждаемого дела:

«Очень просим вас, месье, продолжать оказывать нам покровительство, как вы это делали до сих пор. Вы так добры! Своей доброжелательностью вы делаете артистов счастливыми. Вы всегда найдете в нас двух преданнейших вам людей.

11 августа 1835 Фанни и Тереза Эльслер».

Что же сделал Шарль Морис, чтобы сестры Эльслер видели в нем «доброжелательного покровителя»? Что мог он написать, чтобы стать объектом такой любезности и признательности двух артисток? Не выдумал ли он сам роман Фанни с Орленком в рекламных целях в духе нашей сегодняшней скандальной прессы? Вещь очень вероятная, и то, что Жюль Жанен высмеял его, нимало не опровергает наше предположение. Мы ведь каждый день читаем газеты, которые тщатся произвести впечатление очень сведущих, набить цену информации, сочиненной каким-нибудь собратом по перу…

Так что связь Фанни с сыном Наполеона может быть легендой, выдуманной журналистом с богатым воображением.

Но легенда эта была слишком красивой, чтобы исчезнуть из-за какого-то опровержения. Простой народ всегда обожал сказки фей и потому продолжал верить в тайную и страстную любовь самой изысканной балерины той эпохи и прекраснейшего принца

всех времен.

Для самой Фанни легенда подтвердилась довольно странной историей.

Как-то раз к ней явился молодой англичанин и предложил ей чуть ли не состояние за согласие любить себя. Танцовщица, как мы уже отмечали, не была корыстной. Она отказалась. Англичанин утроил предлагаемую сумму. Общеизвестно, что после определенной цифры у женщин исчезает ощущение, что они продаются. Вместо этого появляется убежденность, что сумма служит выражением признания их красоты. Фанни согласилась одарить его своими милостями. Она разделась, легла в постель и стала ждать.

Англичанин, оставаясь одетым, неожиданно резким движением отдернул покрывало, вставил в глаз монокль и долго всматривался в изысканную наготу балерины.

Затем он снова прикрыл ее, вынул из глаза монокль и сказал:

— Благодарю! Теперь я увьидель могила герцог Рейхштадский!..

После чего покинул Фанни, не забыв оставить на камине туго набитый бумажник…

МАРИЯ-ЛУИЗА ВЕДЕТ В ПАРМЕ БЕСПУТНУЮ ЖИЗНЬ

Ее жизнь вынуждает биографа погружаться в подробности хроники, где скандалы доходили до крайней непристойности…

«Бумажник»
(Дипломатическое обозрение, 1848)

Однажды вечером 1821 года в посольстве Англии произошла забавная сцена. На пороге появился некий прелат в сопровождении двух молодых офицеров. К ним вышел секретарь:

— Как мне о вас доложить, монсеньер?

Ответ прозвучал четко:

— Епископ Амьенский и его сыновья.

Заметив, что лакеи, стоящие в ряд в вестибюле, таращат в беспокойстве глаза, а секретарь стал пунцовым» прелат с испугом подумал, не окажется ли он объектом какого-нибудь скандала. Улыбнувшись, он повторил еще раз:

— Доложите, что пришел епископ Амьенский и племянники его брата.

Что и было сделано к общему удовлетворению трех бесхитростных душ.

Этот полный рвения епископ, надо признать, не был церковником обычного типа. В свое время ему приходилось быть командиром мушкетеров во время Семилетней войны, капитаном гусар, послом Франции в Венеции и духовником герцогини Беррийской. Но самым необычным и славным должен был для него однажды стать титул «свекра экс-императрицы Марии-Луизы»…

Каким образом это случилось?

Именно это мы и посмотрим.

Монсеньер де Бомбель, епископ Амьенский, принял постриг лишь в возрасте шестидесяти пяти лет, после кончины своей жены, Анжелики де Мако. У него было три сына. Первый стал австрийским министром в Тоскане, второй — гувернером императора Франца-Иосифа, а третий — подполковником

австрийской армии.

Этот последний, по имени Шарль, впоследствии тайно женился на экс-императрице Франции.

Мария-Луиза была вдовой с 1829 года. Ее муж, генерал Непперг, не мог, по словам людей злоязычных, вынести скуки, которую испытывал при любом разговоре с герцогиней Пармской. Другие уверяли, что бедный генерал умер от потери сил, пытаясь удовлетворить никогда не утихавшие желания своей буйной супруги.

Сведения, которые нам удалось добыть из хроник и мемуаров современников, наводили на мысль, что именно второе объяснение является верным. В описываемое время Марию-Луизу томила любовная лихорадка, толкавшая ее раз по десять-пятнадцать в день и в местах, самых не приспособленных для этого, на поиски ни с чем не сравнимого наслаждения, которое доставляют пылкие атаки любовника на самую большую драгоценность дамы.

Во время прогулок, которые она совершала в деревню, Марии-Луизе случалось внезапно ощутить «укол любви». Тогда она покидала свое окружение и отправлялась на поиск сельского приключения.

Автор «Скандальной хроники времен Реставрации» рассказывает по этому поводу забавную историю: однажды немногочисленный пармский двор углубился в небольшой лесок, и герцогиня, чьи ноздри уже начали трепетать от нетерпения, приказала остановить карету и сказала:

— Поезжайте дальше, а я пройдусь немного. Мы встретимся на повороте.

Она пошла пешком по тропинке и вышла на поляну, где молодой дровосек рубил дрова.

Мария-Луиза подошла к нему и с прелестной непосредственностью, свойственной знатным людям, попросила его пойти с нею в кусты.

Молодой человек, которому и в голову не могло прийти, что такая красивая дама может заговорить с ним, совершенно онемел, стоя рядом с кучей нарубленных дров, не понимая, чего хочет от него герцогиня.

— Ну давай, пошли, — сказала ему Мария-Луиза.

И, взяв дровосека за руку, она подвела его к постели из мха, улеглась и резко задрала свои юбки, обнажив то самое место, которое так любил Его Величество император.

Это неожиданно открывшееся зрелище потрясло дровосека. Он стал креститься и бормотать молитвы, полагая, что оказался жертвой происков нечистой силы.

Расстроенная Мария-Луиза потянула его за ногу так, что он упал рядом с нею.

— Ну, иди же, дурачок!

На этот раз парень уже не сомневался, что имеет дело с одной из тех зловредных и похотливых фей, которые, по народному поверью, время от времени появляются в лесах, чтобы попробовать совокупиться с людьми.

Высвободив резким движением свою ногу, он, как безумный, прибежал домой и, дрожа от страха, рассказал об опасности, от которой едва спасся.

Его отец и пятеро других дровосеков были заняты тем, что старались срубить огромный дуб. Все разом остановились, удивленно покачали головами, отложили топоры и, выяснив место появления феи, быстро направились туда.

По дороге они встретили Марию-Луизу, которая с блуждающим взором искала какого-нибудь другого дровосека. Увидев шестерых приближающихся мужчин с волосатыми руками, она издала возглас восторга и упала на траву.

Тогда дровосеки, давно уже не верившие ни в каких похотливых фей, выстроились в очередь, подобно простолюдинам, ждущим в голодный год своей очереди в булочную, и один за другим отдали экс-императрице все лучшее, что у них было.

А тем временем молодой человек, напуганный опасностью, которой подвергается его отец, с громкими криками побежал на поворот, где свита поджидала Марию-Луизу.

Г-н де Маршаль, имперский комиссар, присланный Веной после пармского восстания 1831 года, вышел из своей кареты и подозвал юношу.

— Что происходит?

— Там злая фея хотела втянуть меня в грех. А сейчас я боюсь, что она сделает что-нибудь плохое с моим отцом и его товарищами, которые не испугались и пошли прогнать ее из леса.

«Теперь настала очередь г-на де Маршаля покачать головой, — пишет автор „Хроники“. — Он спросил, во что одета „фея“, и, получив ответ, попросил молодого человека вернуться домой».

Члены двора, хорошо знавшие свою монархиню, ждали, ухмыляясь, конца приключения.

— Оставайтесь здесь, — строго сказал им г-н де Маршаль. — Я пойду взглянуть, насколько верны все эти россказни, а главное — не подвергается ли опасности жизнь Ее Высочества м-м герцогини.

Вскоре он появился на поляне, где в тот момент Марию-Луизу обслуживал последний дровосек.

Остальные в блаженном состоянии сидели на бревнах и ждали, когда их товарищ завершит работу.

Заметив появление г-на де Маршаля, они испугались и сбежали, оставив шестого «продолжать начатое дело, не подозревая, что у него появился свидетель». Этот последний, окончив работу, заметил наконец имперского комиссара и, «кое-как застегнув одежду, припустился к своему дому».

Тут Мария-Луиза открыла глаза и увидела г-на де Маршаля.

— Как? Вы тоже здесь? — сказала она с любезной улыбкой. — Я от вас этого никак не ожидала.

Имперский комиссар, притворившись, что ничего не видел и ничего не понял, спокойно ответил:

— Надеюсь, Ваше Высочество, вы не простудились, позволив себе такую неосторожность, как краткий отдых на траве.

Ничего не ответив, Мария-Луиза поднялась и направилась к своей карете.

Прошло несколько дней, и г-н де Маршаль, положение которого при герцогском дворе стало нестерпимым, попросил отозвать его в Вену.

Вот тогда-то Меттерних и отправил в Парму графа Шарля де Бомбеля.

Мария-Луиза приняла его с лукавой улыбкой.

«Граф де Бомбель, которого я побаивалась, пока мне очень нравится, насколько я могу об этом судить за столь короткое время, — писала она своей верной приятельнице Виктории. — Он соединяет в себе все, что только можно пожелать: твердость характера и мягкость манер; к тому же человек этот невероятно добродетельный, ну просто истинная находка».

И тем не менее очень скоро Мария-Луиза вознамерилась уложить этого достойного человека в свою постель и убедить в том, сколь велики радости под стеганым одеялом. Приняв такое решение, она стала принимать его в прозрачном дезабилье, «позволявшем увидеть, — как об этом рассказывает г-н де Гротц, — и живот, выносивший римского короля, и грудь, трепетавшую при падении Парижа, и бедра, о которых грезил Наполеон на острове Святой Елены».

После того как герцогиня преуспела в своем начинании, новый глава Пармского двора стал регулярно проводить с нею ночи.

17 февраля 1834 года она тайно обвенчалась с ним.

Отныне бедному графу пришлось каждую ночь выполнять тяжкую работу. Г-н Гротц, по-видимому, догадался об этом,

потому что он утверждает, что новый супруг герцогини признался своему другу:

— Каждую ночь мне приходится воздавать почести вдове Наполеона, вдове Непперга, дочери императора, эрцгерцогине Австрии, экс-императрице французов, герцогине Пармской и, наконец, моей жене.

Трудно не согласиться, что для одного мужчины это чересчур.

Несмотря на огромные запасы темперамента, которому История однажды должна была воздать должное, очень скоро одного г-на де Бомбеля Марии-Луизе показалось явно недостаточно.

Рассказывают, что по утрам, когда измученный ночными трудами граф еще спал тяжелым сном поденщика, экс-императрица с горящим взором и влажными губами выбегала в коридор на поиски какого-нибудь приятного офицера…

Если она такового находила, то увлекала его в какую-нибудь дальнюю комнату и там, невольница имперских хромосом Австрии, согласно выражению того времени, «заставляла навести блеск на свой полуостров»…

Само собой разумеется, г-н де Бомбель очень скоро заподозрил супругу в подобных излишествах и стал искать способ как-то умерить ее пыл.

Небольшое путешествие в Ишль, в Австрию, должно было, по его мнению, подействовать благотворно.

— Вы отправитесь на воды, — сказал он герцогине. — Я вижу, вы утомлены, и думаю, лечение пойдет вам на пользу.

Кроме того, он посоветовал ей пить как можно больше козьего молока. В те времена оно считалось болеутоляющим и способным потушить любовный огонь и непристойный жар.

Для полного своего спокойствия, используя такой предлог, как «опасность, которой подвергается Мария-Луиза теперь, когда карбонарии грозятся залить Европу огнем и кровью», он приставил к герцогине охранника, который должен был находиться при ней неотлучно «на протяжении всего путешествия и всего пребывания в Ишле». Охраннику следовало стоять перед дверью в комнату герцогини Пармской.

Наконец, г-н де Бомбель просил предупредить людей, которым предстояло поочередно охранять добродетель его жены, «не позволять проникнуть ни одному мужчине в комнату герцогини под угрозой тюремного заключения».

Через несколько дней, запечатлев целомудренный поцелуй на губах своего мужа, Мария-Луиза уселась в дорожную карету и отправилась в Австрию.

Вечером она сделала остановку в придорожном отеле, и один из охранников согласно полученным распоряжениям встал на часах у ее дверей.

Около полуночи, когда молодой парень, тиролец лет двадцати, задремал, опустив голову на ружье, едва уловимый шум заставил его вскочить. Он обернулся и с изумлением увидел, что в дверном проеме стоит в ночной рубашке Мария-Луиза и, приставив палец к губам, делает ему знак войти в комнату.

Не испытывая ни малейшего влечения к этой пятидесятилетней, слегка увядшей женщине, молодой тиролец отказался повиноваться.

— Иди, ты не пожалеешь, — прошептала герцогиня.

Решив, что не следует пренебрегать ничем, что может способствовать карьере, охранник вошел в комнату и мужественно выполнил то, что от него требовалось.

Через полчаса, изрядно выдохшийся, он вышел из комнаты и пошел за тем из своих товарищей, который должен был его сменить на часах у герцогини.

«Разумеется, — пишет автор „Скандальной хроники“, — второй охранник очень скоро был приглашен продолжить дело, начатое его товарищем по оружию. И так повторялось пять раз, до самого утра, потому что всего было пять охранников…»

В следующую ночь военные стражи, чья могучая мужская сила была по достоинству оценена, вновь, если можно так выразиться, бросились на амбразуру.

Начиная с третьей ночи, у каждого из них появились свои привычки, своя специализация и свое прозвище.

Таким образом, пребывание в Ишле стало для Марии-Луизы настоящим волшебством. Удовлетворенная во всех своих самых несбыточных чаяниях, она не уставала благословлять небо за то, что оно наградило ее таким заботливым мужем.

Ее пребывание на курорте было самым восхитительным образом четко регламентировано. После ночи из пяти актов она, освеженная и бодрая, отправлялась послушать мессу, потом принимала целебные воды. Во второй половине дня немного отдыхала, совершала прогулку и слушала музыку. Вечером, перед самым обедом, она шла выпить большую кружку козьего молока, по опыту зная, что это питье не оказывает на нее губительного действия.

Встретив Марию-Луизу после лечения на водах спокойной, раскованной, по-девичьи свежей, г-н де Бомбель подумал, что был совершенно прав, когда отправлял ее на курорт в Ишль.

Успокоившись, он выехал в Табиано, где собирался создать бальнеологическую станцию.

Оставшись одна, герцогиня сразу же постаралась заполнить свой досуг самым предосудительным образом.

В Парме как раз в это время находился молодой тенор-француз, которому местные дамы прочили большой успех. Его звали Жюль Леконт. Он был истинным представителем богемы и очень привлекательным на вид. В свои тридцать лет он уже успел побывать и капитан-лейтенантом на корабле, и журналистом, и романистом. В 1837 году случайный инцидент прервал его карьеру светского литератора. Преследуемый по суду за то, что подписал вексель не своим именем, он вынужден был срочно покинуть родину. Перебравшись в Льеж без единого су в кармане, он стал зарабатывать на жизнь пением. Наделенный довольно приятным голосом, он очень быстро приобрел известность. Покинув Льеж, он направился сначала в Мюнхен, затем в Вену, в Венецию и, наконец, прибыл в Парму, где привел в восторг очаровательных пармезанок.

Мария-Луиза, прельщенная галантной репутацией Жюля Леконта, в один из вечеров отправилась послушать его и сразу же испытала острое волнение. «Эрцгерцогиня, — пишет Макс Бийар, — с первого взгляда оценила элегантного певца и тут же занесла его в свою записную книжку…»

«Она послала за ним, — добавляет автор, — и потребовала спеть для нее одной. Сладостная и в то же время тягостная зависимость, потому что в Марии-Луизе текла кровь Лукреции Борджиа».

Несколько недель спустя г-н Суверен, парижский издатель, публиковавший творения Жюля Леконта, получил от своего находящегося в бегах автора следующее восхитительное письмо:

«Да, мой дорогой Суверен, ваше имя было бы очень уместно в этом деле. Я наследую Наполеону. Вы там, в Тюильри, можете этого не заметить, но я-то здесь, в Парме, это знаю точно. Я пел перед Марией-Луизой; она оставила меня ужинать. Ужин длился всю ночь. Когда я проснулся утром, то вообразил, что был императором. Не особенно гордитесь своим морским романистом. Если я и пошел „На абордаж“, то именно как тенор, а не как писатель. Купидон говорит: „На его луке должно быть две тетивы…“

На протяжении всего отсутствия г-на де Бомбеля, Жюль Леконт проводил дни и ночи в герцогском дворце. Камергеры обращались к нему в третьем лице, делая вид, что говорят с титулованным лицом:

— Не желает ли господин «граф» позавтракать? Не подать ли господину «графу» лошадь?

В 1847 году тенор вернулся в Париж и добился

реабилитации.

Это приключение, вызвавшее, как нетрудно догадаться, скандал при Пармском дворе, оказалось последним в галантной жизни Марии-Луизы.

Экс-императрица умерла 18 декабря 1847 года. И если на ее надгробии не высекли эпитафию, предложенную Арсеном Уссе: «Здесь покоится та, которая начала с императора, а закончила тенором…», то только потому, что так не принято писать на надгробном камне…

ПАРИЖ ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ЛЮБОВНИЦУ ФИЕСКИ

Париж смотрел на Нину глазами предателя.

Альфонс Карр

Со времени своей женитьбы Тьер жил в интимной близости и с женой, и с тещей, что, конечно, служило пищей для сплетен. Поскольку г-н Дон благоразумно возвратился в Лилль к своим обязанностям главного сборщика налогов, они жили втроем в особняке на площади Сен-Жорж, владельцем которого стал маленький марселец. Простой народ в их квартале без стеснения весело подшучивал над странным трио.

В небольшом памфлете, опубликованном в 1848 году, некий автор, скрывшийся за подписью «Весельчак», сумел передать те разговоры и пересуды, которые велись по поводу будущего освободителя территории. В памфлете беседу ведут жители с улицы Бреда. Послушаем их:

«Две особы разговаривают, стоя каждая у дверей своего дома:

— Нет, вы только взгляните, мадам Паттар, на этого «малыша», который возвращается к себе. Когда он едет в карете, его совсем не видно — нос торчит на уровне оконца.

— Поневоле задумаешься, мадам Фрикото, как может такой человек удовлетворить одновременно двух женщин.

— А знаете, мне говорили, что с девяти вечера до полуночи он спит с тещей, а с полуночи до шести утра с женой… Вот они, сегодняшние нравы…

— А мне говорили, что они спят втроем в одной постели, и там у них такая же мешанина, как на птичьем дворе…

— Господи, чего только не бывает… Бедный коротышка должен был, наверное, задыхаться под этими двумя дамами. Ведь если с мадам снять корсет, то ей в постели понадобится немало места…

— К счастью, у г-жи Тьер комплекция ребенка…

— Но все-таки вынуждать пятнадцатилетнюю дочь участвовать в подобных мерзостях — это позор.

— А по мне, так она просто преступная мать. Сам «коротышка», он же мужчина, ну и пользуется этим. Мужчины вообще все свиньи. Но мать…

— Да, как сказал на днях г-н Лепла, бакалейщик, эта мать

отдала бы «коротышке» и вторую дочь, лишь бы он не бросал.

— Вторую дочь? Это Фелисите, которой нет еще и десяти? Но это ужасно. Да что же в нем такого особенного, в этом «коротышке»?

И тут вмешался слушавший их до сих пор молча портье:

— Судя по всему, у него есть…

И он прошептал на ухо обеим женщинам что-то такое, отчего они с удивлением выпрямились, воскликнув:

— О!

После чего портье сделал жест руками, словно хотел показать длину и толщину огромной крысы. Обе женщины были потрясены.

Г-жа Паттар (с горящими от возбуждения глазами):

— Ну, господин Дюлар, по-моему, вы нам тут рассказываете сказки…

Г-жа Фрикото (с повлажневшими губами):

— Да уж вы скажете, господин Дюлар… Обе уходят в свой дом. Но во второй половине дня обе, не сговариваясь, направляются к особняку Сен-Жорж, чтобы поинтересоваться, не нужна ли г-ну Тьеру горничная».

Весь этот диалог, разумеется, сочинен самим автором. Но он точно отражает суть общественного мнения и разговоров, которые вели простые люди того времени.

Впрочем, очень скоро у парижан появились иные, куда менее фривольные темы для разговоров.

28 июля 1835 года, в пятую годовщину Трех славных дней революции, когда Луи-Филипп обходил выстроившихся на параде национальных гвардейцев, он едва не был убит на бульваре Тампль адской машиной Фиески. В результате покушения погибло шестнадцать человек, в том числе старый маршал Мортье. Событие это потрясло простой народ. Толпы людей, собравшись вокруг тюрьмы, куда был заключен цареубийца, криками требовали его смерти. Люди настаивали, чтобы возмездие было совершено с особой суровостью. Некоторые журналисты предлагали четвертование.

Наконец, начался судебный процесс, и все каким-то чудом изменилось благодаря присутствию женщины.

Джузеппе Фиески, после того как долгое время жил с некой Лоране Пти, бывшей замужем за таможенным чиновником по имени Лассав, стал любовником дочери своей любовницы. Эта девица — аппетитная брюнетка восемнадцати лет с крутыми бедрами, обаятельной улыбкой и волнующейся грудью, которая заставляла забыть, что их обладательница была одноглазой.

Когда она появилась на свидетельском месте,

присутствующие в зале смутились.

«На ней было платье из зеленой тафты с большим вырезом, элегантное пальто из шотландки, шляпа с широкими полями, шелковый шарф.

Молодые пэры привстали со своих скамей, чтобы получше ее рассмотреть. Даже самые старые повернули головы туда, где стояла молодая женщина. Она не выглядела застенчивой провинциалкой, перепуганной той драмой, в которой ей пришлось быть одной из невольных участниц, несчастной, покинутой, доведенной до грани самоубийства. Напротив, она выглядела героиней происходящего».

Нина села, обвела присутствующих взглядом королевы и ответила дружеским жестом на воздушный поцелуй, посланный ей Фиески.

С этого момента публика, казалось, утратила интерес к главному актеру и переключилась на молодую женщину. Газеты превратили ее в героиню, в чистого ангела, в воплощение долга и добродетели. Заговорили о ее душе, «великой и прекрасной», о ее белоснежной коже, о девичьей грации и об элегантности…

Короче говоря, весь Париж смотрел на Нину глазами Фиески. О ней уже распевали песни на улицах.

Кончилось все, однако, тем, что Фиески и его сообщники были гильотинированы 20 февраля 1836 года, и простые люди плакали при мысли о том горе, которое должна была испытывать Нина.

Через несколько дней после этого события владелец кафе «Ренессанс» на Биржевой площади нанял молодую женщину на работу кассиршей. После этого весь город повалил в его заведение. Пришлось раздавать специальные билеты и организовывать очередность посещения, так велика была толпа поклонников. В конце концов хозяин кафе, опытный коммерсант, стал брать с каждого посетителя по франку за право приблизиться к идолу молодежи 1836 года…

И поскольку все шло, как тому и положено было, он вскоре нажил целое состояние…

В одно прекрасное утро в феврале 1836 года французы узнали, что король предложил пост председателя Совета Адольфу Тьеру.

Официальное сообщение уточняло, что новый глава правительства, оставив пост министра внутренних дел, станет одновременно министром иностранных дел.

Новость поразила предместье Сен-Жермен. Все ломали голову над тем, почему маленький марселец, прославившийся невероятно многословными речами, активной полицейской

деятельностью и чрезмерным пристрастием к парламентским играм, потребовал себе именно этот ключевой пост высокой политики.

— Можно не сомневаться, — говорили те, кому хотелось выглядеть хорошо информированными, — он вынашивает тайные планы альянса…

Другие доходили до утверждения, что г-н Тьер потребовал портфель министра иностранных дел, чтобы навязать Европе революционную концепцию «сосуществования»…

Разумеется, и те и другие ошибались.

Причины, толкнувшие нового председателя взять себе министерство иностранных дел, были сугубо домашнего свойства. Г-жа Дон с давних пор огорчалась из-за вульгарности тех людей, которых г-н Тьер вынужден был приглашать к обеду как министр внутренних дел: неотесанных парламентариев, префектов с сомнительными манерами, полицейских и пр.

— Я больше не желаю видеть всех этих плохо воспитанных людей у себя в гостиной, — говорила она. — Тебе надо взять какое-нибудь более утонченное министерство. Я хочу принимать у.себя послов, дипломатов, аристократов, а не этих мужланов, пачкающих мои ковры, проливающих кофе на стол и брызгающих в лицо слюной.

Вот почему, когда Луи-Филипп предложил Адольфу пост председателя Совета, г-жа Дон вмешалась:

— Соглашайся, но при одном условии: пусть тебе дадут еще и министерство иностранных дел!

Так и получилось, что ради удовлетворения амбициозного желания маленькой буржуазки принимать у себя в гостиной господ «с хорошими манерами» Адольф Тьер занял министерское кресло, которое иностранные монархи считают одним из самых важных в Европе.

Нетрудно представить себе безграничную радость г-жи Дон, узнавшей, что теперь ее дочь, г-н Тьер и она смогут руководить дипломатами такого масштаба, как г-н де Сент-Олер, наш посол в Вене.

Она тут же стала мечтать о той главенствующей роли, которую ей всегда хотелось играть.

Летом 1836 года судьба, кажется, решила предоставить ей такой случай.

Как-то вечером г-н Тьер вернулся в отель Сен-Жорж с ошеломляющей новостью.

— Софи! — закричал он, — король хочет женить герцога Орлеанского.

Г-жу Дон охватила дрожь удовольствия при мысли, что она

оказалась посвященной в секреты королей;

придя в себя, она начала задавать вопросы. Президент Совета объяснил ей, что Луи-Филипп, желая сблизиться с европейскими дворами, которые оставались связанными с Бурбонами, а его самого считали немного узурпатором, пожелал как можно скорее ввести своего сына в одну из семей «легитимных» суверенов.

Г-жа Дон тут же размечталась уподобиться г-же де Помпадур, которая когда-то очень помогла франко-австрийскому сближению.

— Надо, — заявила она, — женить герцога Орлеанского на эрцгерцогине Австрийской. Подумай, какая слава тебя ждет, если тебе удастся устроить этот союз! Легитимисты будут тебе благодарны в память о Марии-Антуанетте, а бонапартисты увидят в этом воздание должного Марии-Луизе…

Через несколько дней Тьер связался с Меттернихом и, как ему показалось, понял, что австрийский министр отнесся благосклонно к франко-австрийскому браку. И тогда Тьер сообщил королю, что герцогу Орлеанскому остается лишь отправиться в Вену и попросить руки эрцгерцогини Терезы, дочери эрцгерцога Карла.

Восхищенный такой перспективой, герцог Орлеанский в сопровождении герцога Немурского отбыл в австрийскую столицу, где, полагая, что дело слажено, представил письменное предложение о браке.

Но в ответ на это несчастный пережил в тот день самый большой афронт в своей жизни, потому что Меттерних, вежливо выслушавший нашего посла, через которого было вручено предложение, ограничился в ответ всего одним словом, сказанным хотя и с улыбкой, но вполне категорично:

— Нет!

На следующий день Франция стала посмешищем всех королевских дворов Европы, и случилось это из-за бывшей торговки сукном, пожелавшей разыграть из себя знатную даму.

На г-жу Дон эта страшная неудача так подействовала, что с ней едва не случился нервный припадок. Еще ужаснее этот провал отразился на г-не Тьере, поскольку ему пришлось 25 августа подать в отставку, пробыв у власти в течение полугода.

На его пост король пригласил Моле, который возглавил новый кабинет, сделав своим главным сподвижником Гизо.

Царствованию г-жи Дон в одночасье пришел конец. Зато началось царствование принцессы Ливен, любовницы Гизо.

Оскорбленный Тьер заперся у себя дома и, чтобы как-то утешиться, стал любовником еще и свояченицы, Фелиси Дон, продолжая, разумеется, оказывать честь и своей супруге, и своей

теще .

Эта довольно сложная ситуация подвигла одного шансонье сочинить очень злободневную песенку с большим количеством куплетов, каждый из которых заканчивался вопросом:

Ах, месье Тьер,

Кого же теперь

Назвать вашей половиной?

Но знал ли он сам ответ на этот вопрос?

Г-ЖА ДОН ХОЧЕТ ЗАТЕЯТЬ «СВОЮ» ВОИНУ

Женщинам больше, чем мужчинам, свойственно чувство собственности…

Бальзак

30 мая 1837 года г-жа Дон, категорически запретив своему зятю и дочерям показываться в Париже, ушла спать, терзаемая ужасной мигренью.

Ее недомогание не было следствием капризов весны, слишком мягкой в этом году, или какого-нибудь нового похождения г-на Тьера; причиной головной боли был брак. Дело в том, что в этот день герцог Орлеанский женился на принцессе Элен Мекленбург-Шверинской.

Пока в столице вовсю названивали колокола, г-жа Дон без устали комкала свою пуховую подушку, содрогаясь от рыданий. Зарывшись в подушку, несчастная Софи плакала от мысли, что звучащие в городе колокола отмечают ее провал.

К вечеру она попросила принести ей чашку питательного бульона, разбавленного красным вином, после чего почувствовала себя бодрее и вызвала горничную.

— Попросите г-на Тьера, г-жу Тьер и м-ль Фелиси зайти ко мне.

Когда все почтенное семейство собралось у ее постели, г-жа Дон заговорила:

— Нам не следует дольше оставаться в Париже. Наши противники будут слишком счастливы, демонстрируя нам свою победу. Мы отправимся в большое путешествие по Италии. Вы, Адольф, будучи любителем искусств, сможете посетить музеи, а вы, дети мои, получите возможность расширить свое образование. Затем она отпустила г-жу Тьер и м-ль Фелиси. Когда обе сестры удалились, г-жа Дон, у которой мысль повидать Неаполь и Везувий вызвала жжение в сокровенном месте, принялась ворковать и называть г-на Тьера по имени.

Не говоря ни слова, маленький марселец быстро разделся и прыгнул в кровать, а через несколько мгновений он уже проявлял ту лихорадочную энергию, которая всегда отличала его в подобных обстоятельствах.

Семейство Тьер-Дон провело в Италии четыре приятнейших

месяца, затем месяц в Балансе у г-на Талейрана и три недели в Бельгии, заехав по дороге в Лилль, чтобы обнять там г-на Дона.

Нет, конечно, и этот достойный человек приезжал Время от времени в Париж и имел удовольствие заключить в объятия г-на Тьера…

Наконец в начале 1838 года весь квартет вновь собрался в своем доме на площади Сен-Жорж и вступил в бескомпромиссную борьбу с правительством.

Борьбой этой руководила, разумеется, г-жа Дон, которая снова мечтала властвовать над Францией. Намерения ее были так очевидны, что журналисты подвергали ее нападкам, точно какого-нибудь официального политического деятеля. Сам Бальзак писал в «Ревю Паризьен»: «Заговор осуществляется в открытую, при свете дня, а главное — ведется „нянькой“ г-на Тьера. Как я вам уже говорил: dux femina facti… Вы даже не можете себе представить, до какой степени была доведена хитрость упомянутого южанина в соединении с тонким умом этой буржуазки».

Титул «няньки» г-на Тьера очень не понравился г-же Дон, и отныне она воспылала жесточайшей ненавистью к романисту.

Она впала в еще большую ярость, когда узнала, что мать Адольфа, которую слугам было приказано не впускать в отель Сен-Жорж, называла ее «г-жа Плутовка». Доходило, впрочем, немало и других слов, сказанных старой г-жой Тьер. Покинутая, почти без средств к существованию, несчастная старуха жила на каком-то жалком чердаке, в двух шагах от пышного особняка своего сына. Однажды, когда кто-то при ней стал говорить о честности Тьера, она рассмеялась:

— Честность у Адольфа? Послушайте меня: те, кто позволит ему встать на запятках их кареты, вы слышите, на запятках, могут быть уверены, что очень скоро он займет их место внутри кареты…

Неистовый карьеризм маленького марсельца был, это надо признать, объектом всеобщего презрения. Как-то раз Тьер, выпячивая грудь и распрямляясь в своих маленьких башмачках, сказал Арману Каррелю:

— Я знаю, что меня ждет. Я погибну от удара ножа на улице или на эшафоте.

— Вы, мой маленький Тьер, вы никогда не умрете иначе как от пинка ногой в ж…

Все эти истории, с удовольствием сообщавшиеся прессой, приводили в отчаяние г-жу Дон. Но среди всех историй была одна, от которой она позеленела: в какой-то газете утверждалось,

что во время оргии в Гранво у графа Вижье г-н Тьер, открыв окно, развлекался тем, что показывал прохожим свой зад между двумя горящими свечами…

Напрасно Адольф отрицал этот факт и божился, что такого не было. Г-жа Дон, прекрасно знавшая пристрастие своего любовника к эксгибиционизму, затаила в своей душе ужасное сомнение.

И все же Тьер и его мегера одержали верх над своими недоброжелателями. После двух лет эпической борьбы, 1 марта 1840 года, Луи-Филипп снова поставил во главе правительства своего «маленького председателя». Последний немедленно вошел в контакт с ведущими лидерами политических партий. Однако все отказались с ним сотрудничать. В конце концов ему пришлось обращаться к парламентариям второго порядка и формировать то, что журналисты окрестили «кабинетом министров из прислуги».

Альфонс Карр, а вечно ироничной судьбе захотелось сделать постоянным противником Тьера полемиста по имени Карр, опубликовал в своей газете следующий комментарий:

«I марта 1840 года королевский ордонанс, опубликованный в „Мониторе“, оповестил Францию, что отныне ею управляет новый кабинет министров в следующем составе:

Председатель Совета и глава министерства иностранных дел — г-н Тьер.

Глава военного министерства — г-н Тьер под именем г-на де Кюбьера.

Глава министерства общественных работ — г-н Тьер под именем г-на Жобера.

Глава министерства финансов — г-н Тьер под именем г-на Пеле де ла Лозера.

Глава военно-морского министерства — г-н Тьер под именем г-на Руссена.

Глава министерства внутренних дел — г-н Тьер под именем г-на де Ремюза.

Глава министерства юстиции и культов — г-н Тьер под именем г-на Вивьена.

Глава министерства торговли — г-н Тьер под смешным псевдонимом г-на Гуэна.

Снова оказавшись в своем председательском кресле, Тьер решил, что ему все позволено. Для начала он, уже имевший для собственного ублаготворения трех жен, взял себе еще одну любовницу. Каждую неделю, в назначенный час, он отправлялся провести с ней время в ее маленькой квартирке на улице

Вожирар. И ничего удивительного, что королю об этом немедленно доложила его собственная тайная полиция. Однажды, когда в Тюильри ждали прибытия г-на Тьера, Луи-Филипп сказал, смеясь, г-ну де Мальвилю:

— Он сейчас находится на улице Вожирар в доме номер такой-то. Поезжайте и постарайтесь вытащить его оттуда.

Мальвиль немедленно вскочил в карету и отправился по указанному адресу. Подъехав к нужному дому, он попал в затруднительное положение, потому что не знал имени дамы, у которой находился председатель совета министров. Поэтому он стал кричать:

— Адольф! Адольф!

На четвертом этаже приоткрылось окно, и из него выглянул совершенно голый Тьер:

— Я спускаюсь, — сказал он.

Через полчаса он появился в Тюильри.

— Г-н председатель совета, вы опаздываете, — сказал ему король.

Тьер опустил голову:

— Приношу вам свои извинения, Ваше Величество, но я готовился к заседанию. Луи-Филипп расхохотался:

— Ну, тогда я сожалею, что побеспокоил вас в ваших приготовлениях!

В течение многих месяцев выражение «быть в приготовлениях» означало в Париже самое сладостное из всех занятий.

Этим выражением пользовались все, но не г-жа Дон, которая была очень уязвлена…

В особняке Сен-Жорж инцидент на улице Вожирар был обойден всеобщим молчанием.

«Лишь г-жа Дон, — сообщает Дидье Сентив, — ограничилась прозрачным намеком, давая понять г-ну Тьеру, что все в доме осведомлены о его недостойном поведении и добровольно закрывают на это глаза».

Разговор происходил за обедом, на котором присутствовал отставной офицер наполеоновской армии, без устали расточавший похвалы достоинствам и заслугам Наполеона. Г-жа Дон тут же воспользовалась этим, чтобы провести параллель между маленьким корсиканцем и собственным маленьким марсельцем.

— Он обладал природным красноречием, присущим всем южанам, — заявил старый гусар.

— Как г-н Тьер, — мягко сказала г-жа Дон.

— У него был такой певучий выговор!

Г-жа Дон улыбнулась:

— Как у г-на Тьера!

— Он был человеком, крайне умеренным в пище!

Г-жа Дон сделала легкий жест рукой:

— Как г-н Тьер!

— Он повсюду возил за собой походную кровать!

Г-жа Дон подмигнула:

— Как г-н Тьер!

— Он обожал лошадей!

Г-жа Дон вдохнула:

— Как г-н Тьер!

Несколько раздраженный гость сказал наконец:

— У него на улице Отвиль была никому не известная любовница!

И тут г-жа Дон сказала спокойно:

— А это далеко от улицы Вожирар?

Г-н Тьер, покрасневший как рак, едва не подавился, и теперь он, еще мгновение назад желавший, чтобы диалог между любовницей и гостем длился вечно, поспешил сменить тему…

Г-жа Дон не сделала больше ни одного замечания, хорошо зная, что одной удачной фразой сумела усилить свою власть и свой престиж.

Отныне, подчинив маленького Адольфа, которому за столько проступков требовалось вымолить прощение, Софи окончательно забрала в свои руки все бразды правления в правительстве.

«Власть этой женщины огромна, — писал тогда Бальзак. — Во множестве случаев именно г-жа Дон вынуждала г-на Тьера принимать решение. Сегодня, когда после обеда он принимает какого-нибудь посла и временами начинает дремать, она постоянно находится поблизости, наблюдает за ним и отвечает вместо него».

Каждое утро председатель совета являлся в комнату г-жи Дон с набросками своих речей, черновиками докладов, конфиденциальными делами, дипломатическими депешами и давал все на просмотр своей любовнице.

Теперь дочь торговца сукном высказывала свое мнение, указывала, какое слово вычеркнуть, предлагала подходящий, по ее мнению, ответ послу, вычеркивала чье-нибудь имя из списка новых назначений или изменяла смысл будущей речи.

Совершенно подчинившись всем требованиям этой женщины, которая вечером заставляла его отказаться от того, что он обещал утром, Тьер очень скоро навлек на себя недовольство огромного числа людей, которые называли его флюгером и грубияном.

Это легкомысленное поведение в один прекрасный день едва не стоило ему пинка под зад, о чем ему и объявил Арман Каррель.

Послушаем, что рассказывает шевалье де Кюсси. «Когда король поручил г-ну Тьеру сформировать кабинет министров, этот государственный деятель пришел поговорить об этом с генералом Жакмино и посоветоваться с ним. Генерал, хорошо знавший Тьера и отличавшийся речью грубоватой, но искренней в силу своего энергичного и пылкого характера, отговаривал его от подобного поручения или, по крайней мере, советовал отказаться в новом кабинете министров от таких постов, как председатель совета и министр иностранных дел. Для пояснения такого совета он перечислил три главных аргумента:

«Разумеется, ошибочно, я в этом уверен и потому остаюсь вашим другом, общественное мнение обвиняет вас в том, что с поста государственного секретаря по финансам в министерстве Лаффита вы ушли не с чистыми руками. Это первый аргумент… Перейдем ко второму.

Ошибочно или справедливо, я сейчас не стану в это углубляться, общественное мнение обвиняет вас в том, что вы были и сейчас еще являетесь любовником своей тещи. Не находите ли вы, что уже эти два обстоятельства должны повредить вашему достоинству и помешать дипломатическому корпусу видеть в вас человека незапятнанного, как и положено представителю Франции, общающемуся с иностранцами, которым ваши общеизвестные политические взгляды не внушают доверия?

И, наконец, позвольте вам заметить, среди посланников, представляющих Европу и принадлежащих сплошь к высшей аристократии своих стран, необходимо, по крайней мере, чтобы вы, «демократ», обладали достойным, представительным, строгим внешним видом. В действительности же ваш слишком малый рост всему этому не способствует. Вы можете быть прекрасным министром внутренних дел, но вы никогда не будете подходящим и, значит, полезным, с точки зрения интересов отечества, ни председателем совета министров, ни министром иностранных дел.

После нескольких минут молчания г-н Тьер сказал, что он уступает доводам генерала без каких бы то ни было комментариев, и удалился от него около двух часов ночи, сказав только, что он не откажет королю в своей поддержке, выполнит возложенную на него Его Величеством миссию по формированию нового кабинета, но сам не войдет в него или, по крайней мере, не станет — это решено — ни председателем, ни министром

иностранных дел…»

По просьбе Тьера генерал Жакмино согласился приехать к нему часам к семи утра, чтобы вместе поработать над составом будущего кабинета.

«Верный своему слову, генерал Жакмино явился к г-ну Тьеру в семь утра. Он нашел г-жу Дон в кабинете своего зятя, который тут же объявил гостю, к его крайнему изумлению, что его кабинет уже составлен и что он будет участвовать в нем в качестве председателя, взяв себе одновременно портфель министра иностранных дел.

— К чему же было меня беспокоить в столь ранний час, — сказал генерал, — после стольких обещаний, сказанных вами пять часов назад на протяжении четырехчасового разговора?

С этими словами разгневанный генерал Жакмино взял шляпу и удалился.

В тот же день во время заседания палаты депутатов г-н Тьер и генерал Жакмино оба были выбраны в Президиум. Явившись туда, где должен был заседать Президиум, генерал увидел уже занявшего свое место г-на Тьера, который сделал вид, что не заметил появления своего коллеги. Генерал ничем не выказал недовольства, но в конце заседания сказал:

— Тьер, мне надо вам кое-что сказать.

Покинув вместе палату, они направились в сторону площади Согласия… Генерал первым нарушил молчание, длившееся с самого выхода из Пале-Бурбон:

— Сегодня утром, месье, — сказал он Тьеру, — я был несказанно удивлен: после того, как несколько часов назад мы пришли к общему мнению, вы приглашаете меня к себе только за тем, чтобы с необыкновенной легкостью сообщить, что вы поступили совершенно наоборот. Я выразил вам свое недовольство, уступив место г-же вашей теще, чьи суждения в этих обстоятельствах вас устроили больше, чем мои; но проявленное мною недовольство ни в коей мере не оправдывает вашей невежливости по отношению ко мне, когда вы не пожелали ответить на мое приветствие. Так вот, месье, на этот раз я выскажу вам свое мнение, к которому советую прислушаться. Я никогда никому не позволял грубости в свой адрес. Если бы король, или принц королевской крови, или мой отец, месье, даже мой отец осмелился не ответить на мое приветствие, я бы с таким человеком раз и навсегда прекратил все отношения. Всякое же лицо иного порядка — как вы, например, месье, — позволившее себе подобную грубость, получило бы от меня просто пинка под зад…

Г-н Тьер, — завершил наконец, свой рассказ генерал

Жакмино, — сослался на свое плохое зрение, на занятость в тот момент, на рассеянность и сказал, что я слишком близко к сердцу принимаю такие мелочи. Он говорил со мной непринужденным и шутливым тоном и, прощаясь со мной, протянул мне руку, которую я не принял, однако не было больше случая, чтобы он не раскланялся со мной

— Ну что, мой дружочек, значит, мы убили нашего папочку?

Вопрос, согласитесь, выглядит странным. Ответ — и того страннее:

— А что вы хотите, — сказал осужденный, потупив взор, — нет людей без недостатков…].

А вскоре у г-на Тьера начались неприятности куда более серьезные.

С некоторых пор египетский паша Мехмет Али, которому покровительствовала Франция, находился в состоянии войны с султаном Махмудом, которого поддерживала Англия.

Весной 1840 года Лондон и Вена, опасаясь, что Россия воспользуется этим конфликтом и захватит Константинополь, предложили Франции совместное вмешательство в целях урегулирования турецко-египетского спора. Луи-Филипп согласился.

К сожалению, Антанта складывалась с большим трудом. Действовать заодно с Англией значило выказать враждебность нашему другу паше и восстановить общественное мнение против правительства, а поддержать Мехмета Али — значит вызвать озлобление Англии и Европы по отношению к Франции.

Оказавшись в этой сложной ситуации, г-н Тьер и г-жа Дон часами разглагольствовали на эту тему, но все никак не могли принять решение.

И тогда Пальмерстон, форсируя события, сумел добиться 15 июля подписания договора, по которому четыре державы — Англия, Пруссия, Австрия и Россия — объединились для поддержки султана против паши.

Эта новость сильно взволновала общественность Франции. Народ, который по-прежнему придерживался бонапартистских настроений, полагал, что следует воспользоваться этой «изменой», чтобы отомстить за императора…

Буржуазия, воодушевленная не менее воинственным духом, кричала: «Что за наглый договор?»

Жадно вдыхая этот ветер народного гнева, г-жа Дон поняла, что у нее появился неожиданный шанс создать своему дорогому Адольфу популярность в глазах нации.

Она позвала Тьера, изложила ему свой план, распалила его честолюбие и побудила объявить войну Англии.

Председатель совета министров попытался возразить, что король самым решительным образом держится за мир. Г-жа Дон, уже видевшая своего любовника в роли Наполеона, гарцующего на белом коне и въезжающего в Тюильри под крики неистовствующей толпы, не желала ничего слышать:

— Ты должен начать войну!

На этот раз Тьер сдвинул брови, принял угрожающий вид и вприскочку направился в свой председательский кабинет. Через несколько часов он отдал приказ о мобилизации четырех призывных возрастов, о формировании полков и о сооружении целой системы укреплений вокруг Парижа.

В течение месяца вся страна, настроенная прессой по указанию правительства, ждала лишь повода к ссоре. Альфонс Карр с обычной для него проницательностью писал:

«Г-н Тьер играет судьбой Франции в „орел или решку“, и монета уже подброшена!»

Альфонс Карр не знал, что подбросила ее г-жа Дон…

2 октября Париж с ужасом узнал, что Мехмет Али, которого все считали непобедимым, был буквально раздавлен британским флотом.

Г-жа Дон впала в транс:

— Нельзя терять ни минуты, надо заставить короля решиться на войну.

Г-н Тьер, намереваясь поставить Луи-Филиппа перед свершившимся фактом, начал с того, что решил направить в Средиземное море флот адмирала Дюперре, созвал обе палаты и подготовил манифест к Европе.

4 октября король, возмущенный воинственной активностью маленького марсельца, взял на заседании совета слово и высказался самым решительным образом против отсылки манифеста.

В течение двух недель, побуждаемый г-жой Дон, Тьер использовал все свое красноречие и всю свою марсельско-левантийскую хитрость, чтобы заставить Луи-Филиппа объявить войну.

Но король был непреклонен.

17 октября он сказал Тьеру:

— Унижение Франции, мой дорогой министр, это все газетные штампы… Вы понятия не имеете об этой стране; она, в сущности, не желает войны, и если мы все-таки ее начнем, мы будем конченными людьми — вы, я, мои сыновья, моя семья, моя жена, ваша жена, ваша теща…

При этих словах Тьер опустил голову, сильно смутившись.

Через одиннадцать дней он был вынужден уйти в отставку и отказаться от власти на целых тридцать лет!

Благодаря мудрости своего короля Франция избежала войны. Но воинственность г-жи Дон имела самые пагубные последствия.

Бряцанье оружием, раздававшееся во Франции в течение трех месяцев, и истерические речи г-на Тьера сильно обеспокоили Германию. До такой степени, что Генрих Гейне позже писал: «Слишком шумный барабанный бой г-на Тьера пробудил от летаргического сна нашу добрую Германию… Он с такой силой играл зорю, что мы больше не смогли снова заснуть и с тех самых пор стоим на ногах…»

Так что в какой-то степени именно с подачи г-жи Дон, честолюбивой любовницы г-на Тьера, мы получили войну 1870 года, а она, в свою очередь, породила войны 1914 и 1939 годов…

Для одной женщины, пожалуй, многовато!..

ПАЛАТА ПЭРОВ ОБРЕКЛА ЛУИ-НАПОЛЕОНА НА ЦЕЛОМУДРИЕ

Целомудрие — драгоценное сокровище, которое мы храним в глиняных сосудах…

Екклезиаст

В конце июля 1840 года в продымленном кабачке лондонского порта капитана грузового судна «Город Эдинбург» посетил элегантный человек, который обратился к нему с такими словами:

— Мои друзья поручили мне организовать маленькое путешествие к берегам Германии. По правде сказать, у нас нет никакой определенной цели. Побуждаемые всего лишь собственной фантазией, мы, возможно, захотим доплыть до Гамбурга. Не могли бы вы взять нас на борт вашего судна? Нас будет около шестидесяти человек.

Капитан, попыхивая трубкой, ответил, что его судно пригодно для транспортировки, как грузов, так и людей, и потому предложение кажется ему вполне приемлемым.

— Должен только предупредить вас, — сказал денди, — мои друзья, да и я сам большие оригиналы. Когда мы путешествуем, нам нравится окружать себя тайной. Поэтому мы бы хотели, чтобы вы не интересовались, откуда мы прибыли, куда направляемся и кто мы такие… Из любви к приключениям мы можем также попросить вас изменить маршрут во время путешествия. Подобный каприз не должен вас удивлять. Ко всему сказанному могу лишь добавить, что нас устроит любая названная вами цена.

Капитан подумал, что все-таки на земле полно чудаков, согласился на странные условия, выдвинутые его клиентом, и объявил, что готов пуститься в неизвестность.

Вечером 5 августа таинственные пассажиры поднялись на борт «Города Эдинбурга». Они действительно производили впечатление довольно странной компании. Некоторые выглядели вполне прилично, но большая их часть состояла из жалких на вид людишек в потертой одежде и стоптанных башмаках. Вслед за ними на судно подняли их не менее поразительный багаж. Туристы, оказавшиеся и впрямь большими оригиналами, прихватили с собой целые тюки съестных припасов, коляску,

целый пакет проспектов и запертого в клетку наполовину ощипанного орла…

В 8 часов вечера снялись с якоря. К 3 часам утра человек, нанимавший судно, подошел к капитану:

— Один из моих друзей опоздал к отходу. Остановитесь в устье Темзы. Он догонит нас на лодке.

Капитан приказал остановиться в указанном месте и стал ждать. Очень скоро послышались удары весел о воду. Спустили трап, и незнакомый человек поднялся на борт. Было видно, что он пользовался большим уважением у остальных пассажиров. Маленький, с каким-то мутным взглядом, в круглой шляпе, он, однако, совершенно не производил впечатление важной персоны.

Соблюдая условия договора, капитан проявил сдержанность, не задал ни одного вопроса и взял курс на Германию.

На рассвете денди снова подошел к нему:

— Как и следовало ожидать, — сказал он шутливым тоном, — мы только что решили с моими друзьями изменить направление. Мы хотим бросить якорь, не доезжая Вимере, около Булони.

Не сказав ни слова, капитан сменил курс. Спустя несколько часов, когда судно проходило под мостом, неожиданное зрелище лишило капитана его привычной невозмутимости: шестьдесят полуголых пассажиров прямо у него на глазах стали надевать на себя военную униформу.

По-прежнему храня молчание, он ушел к себе в рубку, не требуя объяснений. В сущности, подумал он, эти странные люди вполне могли пожелать переодеться прямо в открытом море.

Когда судно стало подплывать к Вимере, малорослый человек с мутным взглядом, надевший на себя мундир полковника артиллерии, приказал спустить лодки на воду.

— Мы собираемся совершить небольшую вылазку на сушу, — сказал он.

За четыре ездки все шестьдесят пассажиров, увешанные снаряжением и с ружьями в руках, переправились на берег. У одного из них на плече, прикрепленный к эполету, восседал орел, ноги которого были прочно спутаны.

На берегу человек в мундире полковника обратился к своим спутникам:

— Друзья мои, вот мы и во Франции. Нам остается лишь взять Булонь. Как только мы захватим этот пункт, наш успех станет бесспорным. Если мне окажут обещанную поддержку, через несколько дней мы будем в Париже. И История расскажет потомкам, что горстка храбрецов, каковыми являемся вы и я, совершила эта великое и славное предприятие.

А тем временем в нескольких километрах от этого места жители Булони варили себе утренний кофе, не подозревая о том, что принц Луи Бонапарт, сын королевы Гортензии и племянник императора, только что высадился на берег вместе с шестьюдесятью верными ему людьми, одержимыми безрассудной надеждой захватить власть.

После недолгих переговоров с таможенниками группа заговорщиков направилась в Булонь и там вошла в городскую казарму. Два дежурных солдата, подметавших двор, молча отдали им честь и продолжали свою работу. Желая сделать их союзниками, Луи Бонапарт присвоил первому звание лейтенанта, а второго наградил орденом Почетного легиона. После чего, оставив обоих солдат в полной растерянности, продолжили посещение казармы. Неожиданно в казарме появился офицер, капитан Пюижелье. Луи Бонапарт направился прямо к нему с любезной улыбкой:

— Капитан, я принц Луи. Будьте с нами. Вы получите все, что пожелаете.

Ответ, однако, был неожиданным:

— Принц Луи или нет, — ответил офицер, — но я вас не знаю, и потому сделайте одолжение, убирайтесь отсюда! Наши сумки полны патронов. Берегитесь! Вы и ахнуть не успеете, как вас возьмут на мушку!

И тут же крикнул:

— Горнист! Сыграйте сбор! К оружию!..

Принц, очень расстроенный, понял, что дело принимает скверный оборот.

— Игра проиграна! — произнес он торжественным тоном.

И, прижав локти к туловищу, он бегом покинул казарму в сопровождении своих друзей. Случай, о лукавстве которого все мы хорошо знаем, привел беглецов к подножию колонны, воздвигнутой в память о выступлении Великой Армии на поле Аустерлицкой победы…

И здесь принц не смог сдержать своего отчаяния:

— Я покончу с собой прямо тут, — воскликнул он. — Пустите меня!

Но преданные друзья потащили его к морю, а в это время со всех колоколен города звонили колокола и барабан бил, созывая горожан.

Беглецы достигли берега в Вимере почти в то же время, что и солдаты капитана Пюижелье.

— Наши лодки исчезли, — вскричал Луи Бонапарт, — будем добираться до корабля вплавь!

Он бросился в воду, а за ним и его друзья. Но после первого же залпа, в результате которого один человек был убит, несколько ранено, а в мундире принца появилась дырка, пловцы вынуждены были прервать свое плавание.

Одному из лейтенантов короля пришлось собирать заговорщиков.

Самому безрассудному из когда-либо затевавшихся заговоров пришел конец.

Дрожащего от страха, отчаявшегося Луи-Наполеона препроводили в замок. 12 августа он был посажен в тюрьму Консьержери, в ту самую камеру, где пять лет назад сидел Фиески, а 30 сентября палата пэров приговорила его к пожизненному заключению в форте Ам…

Узнав о столь суровом приговоре, друзья принца были потрясены: «От Лондона до Флоренции и от Констанции до Рима, — писал Флоран Буэн, — все, кто знал Луи-Наполеона, сходились на том, что решение палаты пэров равносильно смертному приговору: никогда, говорили они, никогда он не сможет жить без женщин!»

Больше всего Луи-Наполеон должен был страдать не от лишения свободы (он мог по многу дней подряд не выходить из собственного кабинета, погрузившись в чтение и куря сигареты), а от воздержания, на которое его обрекли.

Будущий император не мог обходиться без женщин. Ему было просто необходимо каждый день прикоснуться рукой к женской груди, к прекрасной ножке или крепенькой ягодице… Это пристрастие к женским формам толкало его временами на такие поступки, которые любому показались бы неуместными со стороны принца. Поль Вердье говорит, что «он не мог видеть ни одного декольте без того, чтобы не запустить туда руки на манер человека, пытающего вынуть рыбку из аквариума. Вольность, неизменно удивлявшая свидетелей…».

Разумеется, в том, что касается любви, у Луи-Наполеона не было никаких классовых предрассудков: субретки, принцессы, буржуазки, лавочницы, крестьянки — все годились. Его юность была так богата любовными приключениями самого разного рода, что для того, чтобы в полной мере осознать весь ужас предписанного несчастному принцу наказания, нам придется, как пишут романисты, вернуться немного назад…

ЛУИ-НАПОЛЕОН ПЕРЕОДЕВАЕТСЯ В ЖЕНСКОЕ ПЛАТЬЕ, ЧТОБЫ ПОУХАЖИВАТЬ ЗА ПРЕКРАСНОЙ ФЛОРЕНТИНКОЙ

Увлечение женщинами толкало его на экстравагантные выходки, недостойные принца.

Оливье Лериш

Как все дети любви, Луи-Наполеон Бонапарт с самого раннего возраста мучился желанием «насладиться дамами» .

В двенадцать лет он влюбился в девочку, имя которой «писал» с помощью посеянных на грядке семян кресс-салата.

— Она верила в платоническую любовь, — рассказывал он позже, — и я был этим страшно раздосадован, потому что мне-то хотелось спать с ней. Природное желание во мне уже тогда было очень настойчивым…

В тринадцать лет он больше не мог себя сдерживать. Он тогда жил в Швейцарии с матерью, в замке Арененберг. Однажды вечером он затащил в свою комнату одну из своих нянек, задрал ей юбки и, проявив властность, изнасиловал ее.

Эта выходка имела самые приятные последствия для молодых женщин, живших в те времена в окрестностях озера Констанция.

Войдя во вкус удовольствия, которое он испытал с субреткой, Луи-Наполеон стал с этого момента посвящать большую часть своего времени углубленному, а также сравнительному изучению того, что очень мило называл «корзинкой для рукоделия дам и девиц»…

Он начал с пастушек, которым, как известно, всегда нравилось быть брошенными на травку каким-нибудь принцем. Потом проник в семейства благопристойной швейцарской буржуазии и самым беспорядочным образом, не считаясь с существующей иерархией, стал наслаждаться девушками, их мамами, тетями, кузинами, гувернантками, ну и т. д. Наконец, наступил возраст, когда он стал целить выше и встречаться с красивыми,

аристократичными иностранками, приезжавшими в эти места на курортный сезон.

Эта поразительная любовная активность вынуждала его

покидать замок сразу после завтрака и возвращаться лишь к обеду.

Столь долгие отлучки вызвали в конце концов подозрения королевы Гортензии. Однажды, когда Луи-Наполеон просил в очередной раз разрешения уйти из-за стола еще до окончания завтрака, мать сказала ему с улыбкой:

— Когда отказываются от своего десерта, значит, спешат к другому…

Принц очень смутился и покраснел. И тогда, снисходительная к шалостям сына, который начинал все больше на нее походить, она сказала спокойно:

— Иди…

И Луи-Наполеон, отложив салфетку, помчался на свидание с очаровательной англичанкой, жившей по соседству и каждый день поджидавшей его, раздевшись донага, у себя в постели, хотя для сна и было несколько рановато…

Каждый год королева Гортензия возила сына в Рим, где происходил традиционный сбор семьи Бонапартов.

В 1830 году они остановились во Флоренции. Там двадцатидвухлетнего принца представили графине Баральдини. Эта молодая женщина, имевшая прозвище «Преддверие рая», отличалась столь яркой красотой, что принц немедленно влюбился.

Буквально на следующий день он передал графине записку, в которой просил ее о свидании.

Не получив ответа, он стал искать способ попасть в дом к взволновавшей его флорентийке. Проведя в раздумьях целую ночь, он, как ему показалось, придумал очень удачную хитрость.

Вот что рассказывает об этом необыкновенном и поистине шутовском приключении памфлетист Эжен де Миркур:

«Он решил нарядиться женщиной: с этой целью он не только надел платье, шаль, шляпку, но, хорошенько побрившись, попудрил лицо рисовой пудрой, подкрасил румянами щеки, нацепил на голову женский парик с искусственными косами, чтобы получше скрыть свое лицо, потом наполнил корзину множеством красивых букетов и в этом наряде цветочницы отправился к жилищу дамы своего сердца.

Дверь ему открыла горничная. Принц скромно потупил глаза.

— Я цветочница синьоры, — сказал он, постаравшись изо всех сил смягчить свой голос, — и принес цветы, которые она мне заказала.

Горничная, поддавшись на эту хитрость, без малейших опасений проводила его к своей хозяйке. При виде этой

кошмарной девицы, чьи маленькие циничные глазки странно таращились из-под смешной шляпки и чей нос с горбинкой придавал физиономии нелепое и даже смешное выражение, прекрасная итальянка не сумела скрыть чувства глубокого отвращения. Однако Луи Бонапарт, поглощенный своей страстью, захваченный любовью, не обратил на это внимания. Как только горничная вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь, он, очутившись наедине с дамой, бросился к ее ногам и, лепеча слова любви, стал умолять уступить пламени его души:

— Я не могу больше жить, — уверял он, — без обладания вами. Лучше тысячу раз умереть, чем терпеть страшные муки, терзающие мое сердце и подвергающие пыткам душу с тех пор, как я вас увидел. Прекратите же мою пытку, уступите моей любви, будьте моей или я погружусь в отчаяние и расстанусь с жизнью.

С этими словами он выхватил спрятанный на груди кинжал и, занеся его над собой, произнес:

— Я решил принять смерть у ваших ног, если вы отвергнете меня, и моя гибель станет для вас вечным укором.

При виде этих жестов отчаяния, при этих страшных угрозах самоубийства, прекрасная и насмерть перепуганная синьора лихорадочно зазвонила в колокольчик. На сигнал тревоги прибежали муж и слуги и обнаружили переодетого цветочницей влюбленного принца, валяющегося у ног дамы с кинжалом в одной руке и цветами в другой.

Глядя на это странное зрелище, никто не знал что и подумать. Муж потребовал объяснений от жены, которая заявила, что назвавшаяся цветочницей на деле оказалась наглым и смешным волокитой, который давно уже преследует ее своей назойливой любовью. После этих слов обозленный муж схватил трость и с удвоенной от ярости силой обрушил на незадачливого воздыхателя град ударов.

Охваченный страхом, наш влюбленный побросал и букеты, и кинжал и кинулся бежать; за ним вдогонку неслись слуги так, что он несколько раз падал на лестнице, а они пинали его ногами, пока он наконец не очутился на улице с болтавшейся за спиной шляпкой, с растрепанными и наполовину выдранными искусственными косами, с разорванными шалью и платьем. Мальчишки, которым слуги сообщили о происшедшем, бежали за ним с оскорблениями и улюлюканьем, пока он не добрался до дома, напуганный, растерзанный, избитый.

На другой день вся Флоренция знала о том, что приключилось с будущим императором. Чтобы не быть посмешищем, чего он не мог вынести, он послал двух

секундантов к оскорбленному мужу, с поручением вызвать его на дуэль, полагая, что тот не примет вызова, зато эта смелая попытка хоть немного восстановит его честь и репутацию. Но, увы, не тут-то было, потому что далеко не робкий муж принял вызов и явился на поединок. Видя это, Луи Бонапарт решил покинуть Флоренцию и позорно сбежал, вместо того чтобы сразиться с соперником, которого сам вызвал. Пытаясь оправдать собственную трусость, он свалил все на мать, которая, по его словам, не позволила ему явиться на схватку чести, предложенную им самим, и вынудила его уехать из Флоренции. Никто, разумеется, не поверил в это объяснение, и Луи Бонапарт трусливо покинул город».

После этого бесславного приключения королева Гортензия увезла своего великовозрастного простофилю сынка в Рим, где он узнал, что Луи-Филипп занял место Карла X. Решив, что речь идет лишь о переходном режиме, после которого на престол вернутся имперские орлы, он присоединился к движению карбонариев.

Но очень скоро за ним начала охотиться папская полиция, и в начале 1831 года ему пришлось бежать вместе с матерью, и снова переодевшись в чужое платье. Благодаря фальшивым паспортам им обоим удалось пробраться во Францию.

Королева Гортензия намеревалась просить Луи-Филиппа принять сына во французскую армию.

23 апреля они прибыли в Париж. И пока племянница императора договаривалась об аудиенции с г-ном д'Удето, адъютантом короля, ее неисправимый сынок носился по галереям Пале-Рояля с желанием испробовать какую-нибудь из парижанок, искусство которых ему так расхваливали.

Луи-Филипп перепугался, узнав, что оба знаменитых изгнанника находятся в Париже. Сначала он отказался принять Гортензию. Потом передумал и согласился встретиться с ней, но тайно. Королеву приняли в Пале-Рояле, в комнате полковника д'Удето в присутствии королевы Марии-Амелии и сестры суверена, г-жи Аделаиды.

Луи-Филипп был очень любезен, рассказал множество анекдотов, удачно вставил три или четыре известных ему остроумных выражения и тепло отозвался о семействе Бонапартов.

Гортензия вернулась в Голландский отель, полная радужных надежд.

Но через несколько дней ей пришлось горько разочароваться: король потребовал от двух «наполеонидов» в кратчайший срок

покинуть Францию.

И, после того как 5 мая они из окон своих комнат, выходивших на Вандомскую площадь, полюбовались манифестацией маленькой кучки бонапартистов, мать и сын покинули Париж и направились в Лондон.

Там большую часть своего времени принц посвящал погоне за юбками. А тем временем его мать встречалась с Талейраном, в те времена послом Франции в Англии, этим вертопрахом, одержимым эротико-патриотической экзальтацией и переходившим из одной постели в другую, желая, вероятно, отомстить за Ватерлоо…

В августе Гортензия решила, что прохлада швейцарских ледников может благотворно подействовать на бурный темперамент сына, и повезла его в Арененберг. Потом она заставила его поступить в военную школу в Туне. Пять лет Луи-Наполеон изучал артиллерию и одновременно доказывал местным девушкам, что репутация, которой повсюду пользуются артиллеристы, вполне заслуженна.

В 1836 году королеве Гортензии показалось, что самое время женить сына. Она пригласила в Арененберг принцессу Матильду, дочь короля Жерома, которой тогда было пятнадцать лет и которая уже удивляла своей красотой. Луи-Наполеон сразу влюбился в нее.

Он стал совершать с девушкой долгие прогулки в окрестные рощи, катать ее на лодке по озеру и предаваться мечтам при луне.

— Ты грациозна, как самая грациозная из кошечек, — говорил он ей. — Только ты одна во всем мире можешь сделать меня счастливой… — И с помутневшим взором прибавил: — Жизнь, душа, Матильда, это как письмо, у которого всем видна внешняя сторона — адрес и конверт, а содержание может прочесть только один человек, потому что душу может понять одна-единственная другая душа…

Она слушала его речи в экстазе.

Затем, наградив ее целомудренным поцелуем, он возвращался на ночь в Эрматинген, где у него было две любовницы, или в Готлибен, где жила некая англичанка с волосами цвета соломы, утверждавшая, что является внебрачной дочерью Хадсона Лоува, тюремного смотрителя Наполеона!..

На другой день будущий император возобновлял свои романтические беседы с Матильдой «так, будто его невинный сон осенял ангел-хранитель».

Оба шли куда-нибудь, где самым невинным образом царапали на коре дерева свои инициалы, гадали на лепестках

маргариток, которые всегда так щедры к влюбленным.

Но все прогулки с кузиной, чьи крепкие грудки уже заметно вырисовывались под блузкой, воздействовали на принца страшно возбуждающе. После таких прогулок несчастному приходилось искать выход своим чувствам в ближайших селениях. «Луи-Наполеону случалось, — сообщает Симон Жоливе, — внезапно покинуть юную принцессу с букетиком собранных цветов под предлогом, что ему требуется сбегать кое-куда, а тем временем углубиться в густой лесок и там поделиться избытком своего чувства с какой-нибудь павушкой…».

После этого, умиротворенный, он возвращался к Матильде, успевавшей за это время дособирать свой букет, и продолжал философствовать о вечности человеческой любви и о томлении душ…

Как все влюбленные, Луи-Наполеон и Матильда придавали большое значение символам. Никогда не обойдут они с разных сторон встретившееся на пути дерево. Никогда она не подарит ему гвоздики. Никогда в жизни не повалит он какую-нибудь пастушку на папоротник, на котором спала его кузина…

Однажды вечером, когда они возвращались бегом в замок, вымокшие до нитки под проливным дождем, на их глазах молния ударила в дерево и расколола его пополам.

Луи-Наполеон схватил невесту за руку:

— Наш брак будет разрушен судьбой! — произнес он.

Через несколько дней король Жером приехал за своей дочерью. Он объяснил, что ей нужно ехать в Штутгарт, чтобы получить там благословение деда, короля Вюртембергского:

— Сразу после этого мы объявим помолвку. Перед тем как покинуть Арененберг, Матильда подарила Луи-Наполеону трость с золотым набалдашником, изображавшим собачью голову. В обмен на этот символ верности принц надел на пальчик невесты кольцо с бирюзой в виде незабудки…

— Мы поженим их в августе, — сказала Гортензия королю Жерому.

— Пятнадцатого, в день Святого Наполеона!

Матильда, заливаясь слезами, поднялась в карету отца. Луи-Наполеон вскочил на подножку, поцеловал девушку в последний раз и, вопреки «острому предчувствию», прошептал ей:

— До скорого!

Это произошло 25 мая 1836 года. Они встретились снова только через двенадцать лет…

ПОДГОТАВЛИВАЯ ПЕРЕВОРОТ В СТРАСБУРГЕ, ЛУИ-НАПОЛЕОН РАССЧИТЫВАЛ НА ПОМОЩЬ ПЕВИЦЫ, ГОСПОЖИ ГОРДОН

Республика — это красивая грудастая и толстозадая женщина, которая вскармливает грудью, напевая.

Жюль Ферри

Как только Матильда покинула Арененберг, Луи-Наполеон смог целиком посвятить себя делу, которое несколько месяцев назад ему предложил прибывший из Лондона авантюрист, виконт Фиален де Персиньи . Речь шла, ни больше и ни меньше, о попытке государственного переворота в Страсбурге при поддержке армии, затем поход на Париж и захват власти.

В начале лета небольшая кучка офицеров, предупрежденных Персиньи, заявила свою готовность поддержать принца.

К сожалению, две самых важных в городе фигуры, а именно: полковник Бодрей и генерал Вуароль, пока еще не были привлечены к заговору.

— Очень важно, — сказал Луи-Наполеон Персиньи, — увлечь этих двоих нашей идеей. Их участие привлечет других и укрепит тех, кто уже примкнул к нам. Бодрей, командующий 3-м и 4-м артиллерийскими полками, а также батальоном понтонеров, наш безусловный союзник. Именно в 4-м артиллерийском император получил свое первое боевое крещение при осаде Тулона. И тот же 4-й встретил его в Гренобле после возвращения с острова Эльбы. Этих воспоминаний вполне достаточно, чтобы я мог обратиться к этим людям с предложением последовать за мной. Но сначала надо, чтобы к нам присоединился Водрей. Я знаю, что он принимал участие в большинстве войн империи и что при Ватерлоо сражался геройски. Он один командовал двадцатью четырьмя орудиями. Я также знаю, что правительство Луи-Филиппа обидело его, ни разу не повысив в звании. Но мне известно и то, что этот бывший солдат императора — человек долга, свято чтящий дисциплину и противник всякого беспорядка. А это значит, что, не считаясь с собственными убеждениями, он, не задумываясь, бросит своих людей против

нас.

— А что, если у него есть какая-нибудь слабость? — предположил Персиньи.

— Наведите справки!

Через несколько дней агент виконта вернулся в Арененберг с довольным лицом.

— У полковника Водрея есть слабость, — объявил он.

— Какая? — спросил принц.

— Он любит женщин…

Луи Бонапарт и Персиньи, улыбнувшись, переглянулись. Теперь они знали, как обеспечить себе поддержку ретивого полковника.

И вот в очередной раз женщине предстояло выйти из тени и написать еще одну страницу нашей истории.

Эту женщину отыскал Персиньи.

— Она должна быть красивой, умной, хитрой, бонапартистской, чувственной, не особенно строгого нрава, — объяснял Луи-Наполеон.

Виконт поклонился:

— Все эти качества соединены в одной женщине, с которой я познакомился в Лондоне. Ей двадцать восемь лет, она родилась в Париже, ее девичье имя Элеонора Бро. После учебы в парижской и миланской консерваториях она пела в Венеции и Лондоне. В 1831 году она вышла замуж за сэра Гордона-Арчера, военного комиссара при франко-испанском легионе. Потом она пела в Риме и Флоренции, где ее муж умер от тифа. Убежденная бонапартиста — ее отец был капитаном императорской гвардии, она возвратилась в Англию, где несколько раз выступила перед королем Иосифом. Вот там-то я ее и встретил в 1835 году…

Что-то вспыхнуло в сумрачном взгляде Луи-Наполеона:

— Какова она в обнаженном виде?

Персиньи, на воодушевление которого было приятно смотреть, стал описывать свою любовницу такими эпитетами, которые вполне подошли бы Сикстинской капелле…

Принц кивнул:

— А в постели?

На этот раз Персиньи с удовольствием стал делиться личными воспоминаниями и рассказал о непокорной и изобретательной натуре г-жи Гордон в области любовных утех. Картина показалась столь соблазнительной, что Луи-Наполеон выразил желание увидеться как можно скорее с такой исключительной женщиной и самому оценить ее достоинства.

— Где же она сейчас?

— В Баден-Бадене. У нее там 1 июля концерт. Я уже приобрел билеты…

В восторге от этой волнующей перспективы, Луи-Наполеон тут же велел везти себя в Готлибен, где и провел с предполагаемой дочерью Хадсона Лоува одну из тех ночей, которые в жизни мужчин не забываются.

Несколько дней спустя принц и Персиньи уже сидели в огромном зале казино в Баден-Бадене.

Занавес внезапно поднялся, и на сцену вышла дама солидных размеров. Рост ее приближался к отметке 1, 80 м. У нее были черные как смоль волосы, сверкающие огнем глаза, широкие, как у гренадера, плечи и гигантская грудь.

Луи-Наполеон, любивший женщин в теле, наклонился к Персиньи.

— С таким декольте, я полагаю, она может завоевать армейский корпус…

Г-жа Гордон запела. Ее густое контральто, ради усовершенствования которого она занималась фехтованием и стрельбой, заставляло дрожать люстры.

Слушая ее, принц высказался относительно будущего:

— Я знаю офицеров, — сказал он, — такая женщина могла бы соблазнить полковника. Кроме того, она сможет зачитывать прокламации.

После того как концерт закончился, принц приказал отнести ей трехцветный букет. Узнав, кто послал цветы, г-жа Гордон едва не лишилась сознания.

— Как я могу отблагодарить принца? — спросила она у посланного Персиньи человека.

— Приняв его этой ночью у себя.

В полночь Луи-Наполеон и Персиньи явились в гостиную г-жи Гордон.

Хозяйка дома со слезами на глазах кинулась перед принцем на колени.

Он галантно поднял ее с пола и с огорчением отметил про себя, что едва доходит ей до груди.

— Я, конечно, не музыкант, но мне нравится ваша манера петь, — сказал он, устремив на нее свои бесцветные и непроницаемые глаза, которые так нравились женщинам.

Певица ответила ему взглядом, способным растопить ледяное жилище эскимосов.

Но к счастью, очаровательная английская служанка объявила, что ужин подан. «Луи предложил даме руку, — рассказывает Альфред Нейман. — Певица ухватилась за нее и решительно прижала ее к себе. Луи стало жарко, и он почувствовал, как

краснеет. Рука его обнаружила, что она не носит корсета. Г-жа Гордон не отпускала его до тех пор, пока они не расселись за маленьким столиком, и как только это произошло, она тут же прижала свою ногу к его ноге. Тщетно пытался Луи обрести свою ироничность. От него было мало проку за обедом, и лицо его сохраняло ледяное выражение. Г-жа Гордон ничего этого не заметила, а если и заметила, то стала лишь еще более возбужденной. Она ела, пила и давила на колено своего соседа, которому некуда было отодвинуться».

После десерта г-жа Гордон заявила, что ей необходимо поговорить с принцем наедине. Персиньи встал, раскланялся и вернулся к себе в отель.

Оставшись наедине с Луи-Наполеоном, прекрасная Элеонора, движимая утробным бонапартизмом, встала, взяла гостя за руку и сказала:

— Не желаете ли выпить чашечку кофе, Ваше Высочество?

После чего, по словам Неймана, «она привела его в будуар, в котором находился огромный диван и маленький столик с кофейником, чашками, бутылочкой ликера и рюмками. Она закрыла дверь и демонстративно толкнула задвижку».

И тут произошло нечто невообразимое. Г-жа Гордон приблизилась к принцу, обхватила его своими мощными руками, приподняла, как малого ребенка, уложила на диван и принялась раздеваться с очевидным намерением совершить насилие…

Луи-Наполеон закричал и стал отбиваться. Увы, тщетно. «Гигантская певица, — пишет Симон Жоливе*, — вскочила на диван, и будущий Наполеон III исчез под ее могучими формами. Задохнувшись под юбками, ворохом кружев и чудовищными грудями дивы, бедняга попытался высунуть хотя бы свой нос, чтобы вдохнуть немного свежего воздуха. Но в конце концов природное пристрастие к женщинам оказалось в нем сильнее чувства стыда и позволило ему проявить галантность в ответ на порыв, объектом которого он оказался…»

Так что все завершилось к взаимному удовлетворению.

После этого г-жа Гордон, вновь превратившись в приветливую хозяйку дома, налила им кофе… Выпив свою чашку, принц, понимавший толк в жизни, подмигнул мурлыкающей от удовольствия Элеоноре и опять увлек ее на диван, теперь уже по собственной инициативе, и с блеском осуществил руководство всеми операциями.

Впрочем, ему совершенно незачем было устраивать второе сражение, так как уже после первого было очевидно, что любовница Персиньи как раз та женщина, которая способна взять в руки полковника Водрея…

На следующий день Луи-Наполеон поделился с г-жой Гордон своими политическими планами. У певицы они вызвали мгновенный и безграничный энтузиазм.

— Ваше Высочество, — воскликнула она, — я очень хочу вам помочь. Ваше дело я считаю самым благородным в мире. Я буду сражаться за него как мужчина и, если понадобится, предам Страсбург огню и мечу. Не забудьте, что в Индии я охотилась на тигра и с моим бедным мужем исколесила всю саванну.

Принц постарался умерить темперамент пылкой красавицы, объяснив, что речь идет не столько о разрушении самого Страсбурга, сколько о приобретении в нем сторонников задуманного дела.

— С гарнизоном в 12 тысяч человек, сотней пушек и стрелковым оружием, имеющимся в арсенале, — сказал он, — есть все возможности превратить в милицию все население восточного края. После взятия Страсбурга мы двинемся на Париж. В Реймсе у нас уже будет армия в 100 тысяч человек, и за какие-нибудь максимум пять дней мы обоснуемся в Тюильри, под приветственные крики безумствующей толпы…

Элеонора, чья пышная грудь вздымалась в такт охватившему ее волнению, глядела на принца пылающими очами.

— Никогда бы я не подумала, что буду участвовать в подобном предприятии! — сказала она. — Что я должна делать?

Принц заговорил об офицерах, несущих свою службу в Страсбурге и командующих стоящими там войсками.

— Генерала Вуароля посетил один из наших друзей. Генерал — довольно боязливый человек, обязанный своим званием правительству Луи-Филиппа. И я не думаю, что мы можем на него рассчитывать. Остается полковник Водрей. Полковники иногда значат больше, чем генералы. Их влияние на армию более непосредственное. Кому удается убедить полковника, у того будет и полк; в балансе сил поддержка полка куда важнее, чем всех этих золотопогонников… Вот почему так важно уговорить Водрея… Любыми средствами!

Луи-Наполеон пристально взглянул на Элеонору и добавил:

— В этом и будет состоять ваша роль!

Г-жа Гордон сразу поняла, чего ждут от нее. Она с гордостью выпрямилась, и принц понял, что она готова в жертву общему делу принести свое тело…

Прошло несколько недель, и согласно плану, намеченному Персиньи, в Страсбурге был организован благотворительный концерт, в котором приняла участие Элеонора.

Все офицеры города явились послушать пение женщины, чью грудь, не жалея красок, с большим лиризмом описывали в газетах

журналисты, разумеется, оплаченные принцем.

Не успела она появиться на сцене, как по залу прокатился ропот изумления. Г-жа Гордон, полная решимости произвести сильное впечатление, вышла в облегающем платье, вырез которого доходил до кончиков грудей.

Потом она запела, и зрители с необыкновенным волнением отметили, что каждая высокая нота сопровождалась выпрыгиванием из декольте «двух пунцовых вишенок певицы»…

Во время антракта офицеры, красные от возбуждения, с жаром обсуждали исключительные достоинства дивы. И, конечно, среди энтузиастов был полковник Водрей. Взволнованный и размечтавшийся, он направился в гримерную г-жи Гордон. Она была приятно удивлена его появлением. В свои пятьдесят шесть лет полковник выглядел еще очень привлекательно. Его высокий рост, широкие плечи, внушительная грудь, впечатляющие усы притягивали взор дам. Элеонора подумала, что жертва ее будет не слишком мучительной.

Что касается Водрея, то он казался более чем соблазненным. Послушаем, что рассказывает Альфред Нейман: «Полковник остановился на пороге ее гримерной, широко раскрыл глаза, прижал руку к сердцу, как если бы у него заболело от восхищения, и наконец вошел».

После нескольких комплиментов офицер, привыкший к стремительным победам, схватил руку певицы и стал осыпать ее ласками. Потом наклонился и принялся «покрывать руки Элеоноры поцелуями, поднимаясь все выше и выше. Молодая женщина терпеливо ждала, когда он доберется до плеча. Наконец она сказала, что он, без сомнения, увидит ее на вечеринке, которую устраивает генерал после концерта».

Через два часа полковник действительно встретился с ней, и эта новая встреча послужила поводом для комичной сцены, если верить описанию Альфреда Неймана:

«Г-жа Гордон повела себя очень сдержанно и даже не сняла кружевной шали, прикрывавшей ее плечи, грудь и руки. Полковник не отходил от нее ни на минуту. Его начальник, Вуароль, за которым внимательно следила жена, так что он и подумать не мог о какой-нибудь фривольности, счел необходимым отвести подчиненного в сторону и напомнить, чтобы тот вел себя на публике приличнее. В частности, генерал посоветовал отказаться от мысли приподнимать в присутствии всех шаль г-жи Гордон.

— Ну что ж, тогда я спою, мой генерал, — сказал Бодрей.

Он круто повернулся и направился к фортепьяно. Сев за инструмент, он спел немецкую застольную песню, назло Вуаролю,

который был большим германофобом. Все стали громко аплодировать, а г-жа Гордон с улыбкой подошла поздравила его. Полковник с жаром поцеловал ей руку и сказал:

— Давайте споем вместе!

Сначала они спели, с большим успехом, бретонскую народную песню, потом песню Беранже об императоре «Расскажи нам, бабушка, о нем». На какой-то миг в гостиной воцарилось молчание, а потом офицеры, в особенности молодые, взревели хором: «Расскажи нам, бабушка, о нем!» Генерал был в смятении; он аплодировал из вежливости и только после того, как другие уже хлопали. Г-жа Гордон легонько пожала руку полковника и сказала ему на ухо:

— Как это мило с вашей стороны…

Вот так, в первый же вечер г-же Гордон удалось соблазнить Водрея, восстановить полковника против генерала и заставить молодых офицеров обнаружить их бонапартистские настроения.

К полуночи певица вернулась в свой отель. Ее сопровождал Бодрей. С вечеринки он вышел, держа ее под руку и чувствуя себя триумфатором. Отель, в котором она жила, находился неподалеку: расстояние было таким коротким, что не располагало к серьезным заявлениям. Карета довезла их очень быстро. Полковник обхватил руками певицу и сказал умоляющим голосом, что знает здесь недалеко маленькую гостиницу. Она только рассмеялась…

— Боже мой, когда вы уезжаете? — спросил он в отчаянии.

— Завтра.

— Когда же я увижу вас снова? Когда и где?

Она пожала плечами. Он знал, что она живет в Баден-Бадене. Наконец она позволила поцеловать себя.

Он простонал:

— Я скоро приеду… Я должен увидеть вас снова…

Рыбка попалась на крючок.

На следующей неделе полковник Бодрей приехал в Баден-Баден. Г-жа Гордон приняла его с необычайной любезностью. Но когда он попытался уложить ее на софу, лицо ее приняло строгое выражение:

— Полковник, я не принадлежу себе. Душой и телом я предана делу, которое для меня дороже жизни. Я знаю, что вы искренне любите меня… Вы тоже мне симпатичны, но я не могу отдать себя в руки человека, не разделяющего мои политические взгляды…

Бодрей, чья способность что-то понимать была целиком замещена желанием, взял Элеонору за плечи и прижал к себе:

— Я уверен, что дело, которому вы служите, может быть только справедливым. Я готов вам помогать…

И он попытался скользнуть рукой к ней под юбку. Г-жа Гордон отступила:

— Вы можете мне в этом поклясться?

— Я клянусь вам!

Тогда она набросилась на полковника с рассчитанной необузданностью и наградила его поцелуем, смелость которого превосходила все мыслимые пределы.

На сей раз Водрею показалось, что он приближается к конечной цели. Он попытался объять богатейшую грудь певицы, но Элеонора снова выскользнула из его рук и сказала, краснея:

— Немножечко терпения, мой друг. Еще мгновение — и вы познаете такое счастье, что многие мужчины вам позавидуют…

И она вышла из комнаты, послав полковнику воздушный поцелуй.

Бодрей уселся в кресло и стал ждать, полный надежд. Через несколько минут в коридоре послышались шаги. Полковник устремился к двери, готовый принять в объятия г-жу Гордон, которую уже видел в воображении в прозрачном дезабилье.

Но вместо нее вошел мужчина. Маленького роста, тщедушный, с огромным носом и желтоватым лицом.

К своему ужасу, Бодрей узнал в нем принца Луи-Наполеона.

Это и было то счастье, которое ему пообещала Элеонора…

Покручивая свой ус, Луи-Наполеон рассматривал несколько мгновений стоявшего перед ним по стойке «смирно!» колосса.

— Полковник, — произнес он наконец, — г-жа Гордон мне много говорила о вас, о вашем уме и о вашем патриотизме. Я рад вас видеть.

Бодрей был несколько удивлен сильным немецким акцентом принца, который при этом заговорил с ним о Франции. Но он, конечно, не подал виду.

— Садитесь, друг мой, — сказал Луи-Наполеон. Когда Бодрей робко опустился на край софы, принц удобно устроился в кресле и произнес:

— Полковник, несколько недель назад я вам писал. Вы тогда не смогли сразу дать ответ моему адъютанту. Я понял, что вам необходимо подумать. Я не мог поверить, что ваше молчание будет окончательным ответом. Теперь я вижу, что был прав. Я подготавливаю великое предприятие и хотел бы, чтобы вы приняли в нем участие.

Потом, с понимающей улыбкой, принц добавил:

— Впрочем, г-жа Гордон, которая, совершенно очевидно,

находится под вашим обаянием, настоятельно просила меня, чтобы ваше участие в деле было значительным. Должен признать, полковник, что, как и вы, я не в силах отказать хорошенькой женщине.

Нитка, за которую дергали, была слишком заметна, но Бодрей, ослепленный любовью, увидел в этих словах лишь бесспорное свидетельство интереса, который к нему проявляла певица…

Покраснев до ушей, он поблагодарил принца, сказал, что польщен, и, не отрывая взгляда от полураскрытой постели прекрасной Элеоноры, пообещал свою поддержку, не зная даже, чего от него ждут.

Луи-Наполеон встал, протянул мягкую руку, которую воодушевленный краткой речью

полковник лихорадочно пожал, и удалился.

Почти в то же мгновение г-жа Гордон вошла в комнату и, не говоря ни слова, прижалась к полковнику. После долгого поцелуя она лишь мимикой дала понять, что готова подарить ему лучшую часть себя самой.

С этого момента события стали развиваться стремительно.

У Водрея, правда, не было никакого политического опыта, но зато он умел задрать женскую юбку, опрокинуть даму на кровать и в течение нескольких минут создать у нее полную иллюзию того, что вся страна оккупирована казаками. Не прошло и мгновения, как прекрасная Элеонора оказалась раздавлена, истискана, истрепана, четвертована до такой степени, что в заключительный момент оказалась не в силах издать ту знаменитую, полную артистизма ноту, которая обычно вызывала восхищение у партнеров…

Всю ночь ей пришлось выдерживать сладостные атаки полковника, желание которого, казалось, с каждым разом только увеличивалось.

На следующее утро Бодрей был бескомпромиссен:

— Я обязан вернуться в Страсбург, но тебя я забираю с собой. Я поселю тебя в квартире неподалеку от казармы.

Г-жа Гордон влюблено улыбнулась. Квартира рядом с артиллерийской казармой — да это же позиция, лучше которой и не придумаешь, прямо в центре Страсбурга. Она с воркованием согласилась…

Перед тем как покинуть Баден-Баден, Бодрей еще раз встретился с Луи-Наполеоном, который в самых общих чертах ознакомил его со своими планами и сообщил, что для поддержания безопасной связи с ним решил придумать себе псевдоним и назваться каким-нибудь персонажем.

— Ну, скажем, я буду вашей маленькой невестой, — сказал он просто.

Но так как полковник, совершенно обалдевший, смотрел на него круглыми глазами, он уточнил:

— Я буду называться Луизой Вернер… А вы можете взять себе имя, какое захотите…

После этого, полный достоинства, он вернулся в свои апартаменты.

Через два дня Водрей привез г-жу Гордон в Страсбург и поселил ее в доме номер четыре по улице Орфелен. Дом располагался прямо напротив казармы.

Теперь каждое утро, перед тем как явиться на службу, он наносил своей любовнице краткий визит. Продемонстрировав ей свои лучшие чувства, он рассказывал Элеоноре о состоянии умов страсбургских офицеров. За исключением генерала Вуароля, преданного Луи-Филиппу, все, казалось, одобряли приход нового Бонапарта. Так что дела принца шли как будто неплохо.

«Водрей радовался, — рассказывает Реймон Пено, — видя радость в глазах своей очаровательной подруги». Однако он все еще не решался броситься в авантюру с головой. Он обещал свою поддержку, он обожал г-жу Гордон, но как все дисциплинированные военные, он чувствовал себя не очень ловко в момент измены…

Догадавшись, какие муки совести терзают ее любовника, Элеонора попросила принца написать ему. Луи-Наполеон послал полковнику довольно странное для заговорщиков письмо. Вот его текст:

«Месье, я не писала вам с того дня, как уехала, потому что сначала ждала, когда вы сообщите свои адрес. Однако сегодня, когда вы заняты приготовлениями к свадьбе, мне хочется написать вам несколько теплых слов. Вы неплохо меня знаете и, конечно, осведомлены о чувствах, которые я к вам питаю. Но мне доставляет огромное удовольствие самой сказать об этом, и я не в силах больше молчать. Месье, теперь вам принадлежит все, что заставляет биться мое сердце: прошлое, настоящее, будущее. Раньше, когда я вас не знала, я жила словно без руля; подобно мореплавателю пустившемуся на открытие новых миров, я черпала веру в успех в собственном мужестве; у меня было много надежд и мало уверенности. Но с тех пор как я увидела вас, месье, мне показалось, что горизонт прояснился, и я могу крикнуть: „Земля! Земля!“

Я считаю своим долгом в нынешних обстоятельствах, когда мое замужество зависит от вас, еще раз выразить вам свое

дружеское расположение и сказать, что, каким бы ни оказалось ваше решение, что никак не повлияет на мои чувства к вам. Я хочу, чтобы вы действовали исключительно в соответствии с вашими убеждениями и были уверены, что, пока я жива, я буду с нежностью вспоминать ваше. прекрасное ко мне отношение. Буду также счастлива, если когда-нибудь смогу доказать вам свою признательность.

А пока, в ожидании сообщения, выйду ли я замуж или останусь старой девой, прошу вас рассчитывать на мою самую искреннюю любовь.

Луиза Вернер» .

Это письмо буквально гальванизировало Водрея. Он поклялся себе ни в коем случае не допустить, чтобы принц Бонапарт остался старой девой, и поспешил броситься к ногам Элеоноры.

— Принц мне написал, — сообщил он ей. — Я — его Земля! Он может рассчитывать на меня. Вы все можете рассчитывать на меня. Он выйдет замуж!..

Г-жа Гордон не знала содержания высочайшего письма. И тем не менее ей показалось, она поняла, несмотря на взволнованные слова полковника, что он готов принять участие в заговоре…

К тому же предстояло еще на период до совершения государственного переворота оградить Водрея от влияния генерала Вуароля и нескольких офицеров, преданных правительству, тогда как Персиньи должен был продолжить бонапартистскую пропаганду в Страсбурге.

Как-то утром Элеонора, нежась в его объятиях, сказала:

— А что, если мы совершим маленькое путешествие как молодожены? Мне так хочется побыть с тобой наедине.

У Водрея был маленький домик в деревне под Дижоном. Вне себя от радости, он повез туда Элеонору. «Там в течение двух недель, — сообщает Альфонс Бомон, — только и занимались, что живыми картинами, вдохновленные Кама-Сутрой». Женщина с головой, г-жа Гордон ни на минуту не забывала намерений принца. В перерывах между двумя всплесками чувств она подготавливала полковника к главной роли, которую ему предстояло сыграть в момент мятежа .

24 октября Водрей и Элеонора покинули Бургундию и направились в Кольмар, где остановились в гостинице «Ангел» под именем г-на и г-жи Сессей. Там они встретили Персиньи, который дал им последние инструкции, а 26 октября любовники вернулись в Страсбург.

У обоих было необыкновенно приподнятое настроение. Виконт доверительно сообщил им, что государственный переворот намечен на 30 октября, на рассвете…

28 октября 1836 года в Страсбурге шел снег. В 11 часов вечера Луи-Наполеон, пряча нос в поднятый воротник сюртука, вышел из кареты у дома на улице Фонтен.

Кучер помог донести багаж до маленькой комнатки, снятой Персиньи для принца, и вернулся на улицу.

Принц подошел к окну и долго предавался мечтам, глядя на падающий снег. Потом открыл чемодан, вынул мундир, который должен был надеть через день, а также специально заказанную генеральскую шляпу, которая своим фасоном, по совету Персиньи, напоминала шляпу императора. Стоя перед зеркалом, он искал, как бы поэффектнее приладить головной убор, который ему еще не приходилось носить. Наконец, он надел шляпу откровенно поперек головы, как это делал Наполеон I.

Однако он показался себе смешным и был этим огорчен.

Спать он улегся в плохом настроении. На следующий день к нему явился Бодрей и представил разработанный им план операций. Ничто в этом плане не было отдано на волю случая: 4-й артиллерийский полк, возглавляемый офицерами, связанными с повстанческим движением, должен поднять 3-й артиллерийский полк и 46-й пехотный полк, тогда как в задачу других отрядов входит захват генерала Вуароля, арест префекта и печатание листовок.

Вечером Луи-Наполеон тайно перебрался в дом четыре по улице Орфелен, где жила г-жа Гордон, пообедал крылышком цыпленка, разложил мундир на диване, набросал несколько прокламаций, написал письмо матери и лег спать, в то время как Водрей в соседней комнате приготовился провести последнюю ночь любви с красавицей Элеонорой.

В 6 часов утра начались военные операции. Полковник Водрей собрал свои войска во дворе казармы Аустерлиц и, не говоря ни слова, вышел на середину плаца.

Пораженные этим, бравые артиллеристы ломали голову, уж не должен ли появиться вслед за ним сам король, но тут, предшествуемый командиром эскадрона со знаменем в руках, над которым восседал орел, к ограде подошел Луи-Наполеон.

Полковник поспешил ему навстречу, поприветствовал поднятой вверх шпагой и вскричал:

— Солдаты! В этот миг свершается великая революция. Здесь перед собой вы видите племянника императора. Он прибыл, чтобы возглавить вас. Он прибыл на французскую землю, чтобы вновь отвоевать права народа: народ и армия могут рассчитывать на него, он вернет им славу и свободу. Солдаты, может ли племянник императора рассчитывать на вас?

В ответ раздалось громогласное:

— Да здравствует император!

Тогда слово взял Луи-Наполеон. Он заговорил о своем дяде, об Аустерлице, о Ваграме, о былой славе, потом неожиданно направился к одному офицеру и, как передает свидетель, «судорожно обнял его».

Этот непредвиденный жест вызвал новый взрыв энтузиазма. Принц, считавший, что дело складывается очень удачно, принял на себя командование, и под звуки военной музыки полк покинул казарму и направился к дому генерала Вуароля, которого надо было «нейтрализовать» как можно скорее.

Привлеченные шумом на улице, добрые страсбуржцы поспешили к окнам, недоумевая, что же происходит, хотя и готовые кричать все, что угодно. Подтверждение этому находим в одном анекдоте тех времен: на мосту Сен-Гийомен принц горячо пожал руку какому-то прохожему:

— Мы рассчитываем на вас.

Прохожий, обалдев от неожиданности, стащил с головы шапку и, полагая, что правильно поступает, воскликнул:

— Да здравствует король!

Тут к нему подскочил Водрей:

— Дурак! Надо кричать «Да здравствует император!».

Прохожий не стал спорить. Он снова снял шапку и крикнул;

— Да здравствует император!

Вскоре маленькое войско подошло к дому Вуароля. Луи-Наполеон в сопровождении Водрея вошел. Генерал встретил их в нижнем белье, позеленевший от страха.

— Что вам угодно?

Принц, желавший, чтобы факт государственного переворота не вызывал сомнений, принял отеческий тон:

— Генерал, я пришел к вам как друг. Я был бы в отчаянии, если бы мне пришлось поднимать наше старое трехцветное знамя без такого бравого офицера, как вы. Гарнизон города на нашей стороне. Решайтесь и присоединяйтесь к нам…

Маленький генерал неожиданно выпрямился:

— Нет, вы ошибаетесь. Гарнизон не на вашей стороне, и я не собираюсь присоединяться к вам.

Луи-Наполеон почувствовал себя очень неловко, услышав такой решительный отказ, которого совершенно не ожидал. Пытаясь увлечь Вуароля, он решил повторить то, что имело такой успех во дворе казармы. Он раскрыл объятия и произнес с чувством:

— Подойдите, бравый генерал, чтобы я мог вас обнять.

Но эта фраза не произвела эффекта, на который он

рассчитывал. Вуароль, совершенно перепуганный, отбежал и спрятался под столом. Тогда разъяренный Бодрей положил руку на плечо генерала в подштанниках и закричал:

— Очень хорошо, месье Вуароль. От имени императора я лишаю вас звания и арестовываю. И если вы попытаетесь бежать или оказать сопротивление, мои люди применят оружие. Следуйте за мной.

Генерал поклонился:

— Я уступаю насилию, — сказал он. — Но прошу вас, монсеньер, подождите несколько минут. Я только оденусь.

— Я пойду с вами, — заявил Водрей.

— К сожалению, г-жа Вуароль еще в неглиже…

Принц, неизменно галантный, запретил Водрею входить в жилые комнаты генерала Вуароля, который, расшаркавшись, исчез.

По прошествии десяти минут поджидавшие стали удивляться, что генерала так долго нет. С позволения принца полковник толкнул дверь. Г-жа Вуароль в папильотках сидела в комнате одна. Генерал сбежал из дома по другой лестнице…

Принц поспешил на улицу:

— Быстрее в казарму Финкмат!

Но генералу Вуаролю хватило времени поднять по тревоге 46-й пехотный полк и отдать им строжайший приказ оказать сопротивление. При появлении во дворе казармы Финкмат Луи-Наполеон и его люди попали буквально в ловушку, были арестованы и обезоружены.

Так что галантность принца привела к провалу государственного переворота.

Если Персиньи при содействии г-жи Гордон удалось выскользнуть из Страсбурга, то Водрей и Луи-Наполеон были препровождены в крепость.

Через несколько дней принца перевезли в Париж, где префект полиции, г-н Делессер, принял его с большим уважением. В течение двух часов, сидя в огромной столовой префектуры, Луи-Наполеон беседовал со своим тюремщиком, не подозревая, что именно в этот момент судьба, развлекаясь, уже вязала новые узелки.

И действительно, как раз в эту столовую дети г-на Делессера, Сессиль и Эдуард, приходили каждое утро и под руководством унтер-офицера саперного батальона занимались гимнастикой в компании с двумя испанскими девушками, одну из которых звали Евгения Монтихо.

В АМЕРИКЕ ЛУИ-НАПОЛЕОН ПУСКАЕТСЯ В РАЗГУЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

Жизненный путь императора — это прежде всего путь галантного человека, и пролег он через рощицы Арененберга, альковы Флоренции и притоны Нью-Йорка…

Мартэн Руссе

В Париже Луи-Наполеон находился не для того, чтобы его судили. Король знал, что делу принца судебный процесс будет только на пользу, и потому решил замять дело. Поэтому перед страсбургским судом предстали лишь статисты. А главный обвиняемый, которого сочли просто легкомысленным мальчишкой, был отправлен в Америку…

15 ноября Луи-Наполеон прибыл в Лорьян, где поднялся на борт парусного фрегата «Андромеда».

После мучительного плавания с единственной малоутешительной остановкой в Рио-де-Жанейро он высадился в Нью-Йорке в начале января 1837 года, имея в наличии всего пятнадцать тысяч франков золотом, которые он получил в момент отъезда из Франции от сделавшего этот отеческий жест Луи-Филиппа.

Пока будущий император прогуливался по Бродвею, открывая для себя полностью поглощенный бизнесом Новый Свет, в страсбургском Дворце правосудия сообщники предстали перед судом присяжных.

Когда г-жа Гордон появилась в отсеке для обвиняемых рядом с Водреем и пятью другими заговорщиками, по залу прокатился восхищенный шепот публики. Певица выглядела очень элегантно в шляпке из белого сатина, платье из черного шелка и кружевного воротника с крупной вышивкой…

В своих ответах на вопросы председателя суда она продемонстрировала большую преданность делу принца и призналась, что утром в день восстания встретила генерала Вуароля в тот самый момент, когда тот, сбежав из собственного дома, поспешил в казарму, чтобы поднять гарнизон против заговорщиков.

— У меня самой было два пистолета, — заявила она с подкупающей простотой. — Мне хотелось всем вам размозжить

голову, но потом я подумала, что вы все участвуете в заговоре, и дала вам пройти.

Маленького генерала задним числом охватила дрожь.

После двенадцати дней судебных дебатов суд всех оправдал, к величайшей радости страсбургских обывателей, которые устроили шествие в городе и банкет, на котором чествовали сообщников принца… После этого г-жа Гордон поехала в Париж, потом в Лондон, где снова встретилась с Персиньи, которому досталась нелегкая задача заменить в ее постели одновременно Луи-Наполеона, бурного полковника Водрея и еще дюжину страсбургских офицеров, которым певица регулярно позволяла попользоваться своим атласным телом…

В Нью-Йорке Луи-Наполеон с большим облегчением узнал о помиловании своих сообщников. Радость его, однако, была испорчена другой новостью. Мать сообщила ему, что разъяренный страсбургским делом король Жером отказал ему в руке принцессы Матильды. «Я бы предпочел, — писал он, — отдать свою дочь какому-нибудь крестьянину, чем человеку, столь амбициозному и честолюбивому, который способен играть судьбой бедной девочки, чуть было не доверенной ему…»

Такое решение всерьез огорчило принца, который, несмотря на все свои похождения, был влюблен в свою очаровательную кузину. В течение нескольких дней он был мрачнее тучи. А потом решил немного встряхнуться. А так как ему требовалось разом отвлечься и от своего политического провала и от несостоявшейся любви, кинулся в разгул, о котором до этого он и его окружение много говорили на американской земле.

Для начала, как рассказывает Артюр Пандари, «он навестил дома терпимости и повел себя в них, так что труженицы этих заведений приходили в ужас при каждом следующем его появлении».

Затем он стал подыскивать себе девиц прямо на панели и устраивать у себя на квартире, которую снимал в Олд Сити Отеле, очень веселые сборища. Как-то ночью одна из девиц, приглашенных на очередную вечеринку, выскользнула из комнаты и с воплями кинулась по лестнице, подняв на ноги весь отель. Выскочившим из соседних номеров постояльцам бедняжка поведала, что принц, желая развеселить гостей, попросил ее использовать ламповое стекло в не предназначенных изобретателем целях. А так как она отказалась, то эти господа разбили упомянутое стекло о ее голову…

Такого рода истории неизбежно порождали всевозможные

слухи и небылицы. Доходило даже до утверждений, что в Нью-Йорке Луи-Наполеон жил на содержании у нескольких легкодоступных девиц. В 1862 году, в брошюре Эжена де Миркура, опубликованной в Женеве, слышны отзвуки этих обвинений. Послушаем его:

«Так как в Нью-Йорке его выгнали из отеля на Рид-стрит, где он все время забывал заплатить какую-то ничтожную сумму, ему пришлось поселиться у женщины, которая обслуживала клиентов у себя на дому. Он жил на содержании у этой несчастной в течение многих месяцев; сам он при ней выполнял ту же роль, что и в публичном доме, когда навещал своих любовниц. Он был одновременно и покровителем, и поставщиком клиентов, и любовником. В квартире любовницы Луи Бонапарта часто происходили скандалы и потасовки, особенно когда наступал момент расплачиваться за услуги. Будущий лондонский констебль частенько прибегал к жестоким мерам, чтобы наказать строптивых клиентов, что, в свою очередь, приводило принца к другим стычкам, теперь уже с полицией. Но однажды ночью очередная ссора окончилась намного хуже, чем обычно: несчастный парень, которого Луи Бонапарт и его любовница изрядно поколотили за то, что он не пожелал подчиниться их требованиям, посчитав их чрезмерными, пожаловался в полицию на то, что его избили и обобрали. Власти посадили племянника великого императора в тюрьму по обвинению в насилии, нанесении побоев и травм. В состоянии крайней депрессии он обратился к одному адвокату, занявшемуся позже изданием газеты „Брукли Дейли Эдветайзер“, чтобы тот взял на себя его защиту в суде. И только благодаря изворотливости своего защитника принцу удалось избежать грозившего ему осуждения и добиться помилования…

Вот что писал позже этот почтенный адвокат, когда экс-заключенный нью-йоркской тюрьмы стал императором: «В те времена (1837 год) мы не особенно верим, что этот развращенный молодой человек, бывший нашим подзащитным и все еще не заплативший нам за юридические услуги и судебные издержки, станет когда-нибудь императором французов. Тем не менее мы полагали, что осуществление его честолюбивых устремлений лишь ускорит нависший над его головой ужасный приговор» .

Однако эта нищенская жизнь, несмотря на постыдные средства, которыми пользовался Луи Бонапарт для удовлетворения своих низких страстей, не могла устраивать его долго, так как мешала обеспечению многих других потребностей натуры. В конце концов, когда он исчерпал все свои средства, его выгнали из трех публичных домов, которые он посещал; за его

слишком гнусные притязания к жрицам этих злачных мест он был выставлен за дверь. Любовницу, у которой он жил, арестовали вместе с ним, но она оказалась менее удачливой, была осуждена и продолжала находиться в тюрьме; нью-йоркская полиция не спускала с него глаз и всячески мешала ему приобрести источники существования прежними постыдными способами.

Возможно, Эжен де Миркур зашел слишком далеко в своем утверждении, будто Луи-Наполеон вел в Нью-Йорке жизнь сутенера, но нельзя не признать, что этот период жизни будущего императора французов еще и сегодня остается малоизвестным…

Да и потом, как говорил Октав Мирбо, «если хочешь управлять нацией, надо владеть многими профессиями»…

В июне 1837 года Луи-Наполеон получил тревожное письмо из Арененберга. Королева Гортензия сообщала ему, что перенесла операцию, что дело ее совсем плохо и что она хотела бы его видеть.

Из Америки он отплыл 27-го числа. 23 июля он был в Лондоне, где посольство Франции отказало ему в выдаче паспорта. Он воспользовался протекцией швейцарского консула, чтобы въехать в Голландию, а оттуда в Германию. 4 августа он был у постели своей матери.

Спустя два месяца, на рассвете 5 октября, кроткая королева Гортензия, истерзанная раком, испустила последний вздох. Ей не было и пятидесяти пяти…

На следующий день г-жа Сальваж де Фавроль, душеприказчица Гортензии, пригласила Луи-Наполеона на конфиденциальный разговор.

— Я должна сделать вам важное признание.

— Говорите.

— У вас есть сводный брат…

Принц побледнел, но промолчал.

— Его зовут Огюст де Морни. Ему двадцать семь лет. Его отцом является Шарль де Флао, в свою очередь, незаконный сын г-на де Талейрана. Утверждают, что по материнской линии он происходит от Людовика XV, так как его матерью была Адель дю Бюиссон де Лонпре .

— Где он живет?

— В Париже. Он принимал участие в Алжирской кампании и покрыл себя славой в битве под Константиной. В настоящее время ведет жизнь денди, является законодателем мод, посещает королевский двор, занимается журналистикой и дает у себя балы.

— Возможно, я с ним как-нибудь встречусь.

Подойдя к окну, он облокотился на подоконник. Устремив

взор на озеро Констанция, Луи-Наполеон, казалось, погрузился в свои обычные мечтания. В действительности же он обдумывал, нельзя ли как-то использовать сводного брата, это, как и он сам, дитя любви, столь неожиданно свалившееся ему на голову…

Момент для возобновления страсбургской попытки все не подворачивался. По истечении нескольких недель Луи-Наполеон благоразумно покинул Швейцарию, не дожидаясь, пока его вышлют, и поселился в Лондоне.

Узнав эту новость, обрадованный Луи-Филипп поспешил сообщить ее королеве Амелии:

— Я полагаю, мой друг, что мы наконец покончили с этим амбициозным лунатиком, который принимает себя за своего дядю.

После чего, успокоившись относительно собственного царствования, отправился выслушать доклад префекта полиции, который сообщил ему о последнем парижском скандале. Типичный король-буржуа, каковым и являлся Луи-Филипп, он обожал фривольные анекдоты и пикантные полицейские сообщения.

В тот день, 5 февраля 1839 года, Его Величество получил возможность полакомиться больше обычного. Необыкновенная история приключилась с женой одного адвоката, пользовавшегося большим уважением в предместье Сен-Жермен. Звали эту даму г-жа де Ракур.

Эта очаровательная молодая женщина, обожавшая, чтобы кто-нибудь «поухаживал за ее садиком», как говаривал в свои лучшие дни г-н де Шатобриан, задумала устроить на Сретение довольно необычное развлечение.

Она пригласила к себе десять господ из своих друзей, чтобы, как она сказала, «испечь блин».

Гости восприняли это единственное число как некий архаизм или стилистическую форму. Но они ошиблись. Речь действительно шла только об одном блине…

В указанный час гости съехались к красавице Арлетте (г-н де Ракур находился в то время по своим делам в Монпелье), и тут же был подан обед. Единственная женщина среди десяти мужчин, хозяйка, естественно, оказалась объектом бесконечных комплиментов. Когда наступила очередь десерта, она встала:

— Блин вам подадут в гостиной.

Слегка озадаченные гости последовали за г-жой де Ракур в соседнюю комнату, где горел ярко разведенный огонь в камине, но ничто не говорило о возможности попробовать блины.

Жена адвоката прикрыла плотно дверь и встала в центре

гостиной. Потом, с какой-то двусмысленной улыбкой, сказала:

— Я должна вам признаться… Блин — это я…

А так как мужчины не осмелились понять, чего от них ждут, она расстегнула платье, сбросила его на пол и объяснила, что подразумевала под словом «блин». Каждый, прежде чем попробовать, должен был перевернуть ее…

Обезумев от радости, гости, не медля, согласились, и развлечение началось.

Вытянувшись на диване, г-жа де Ракур выполнила для начала с молодым бароном одну из самых классических фигур. Тогда подошел второй партнер, перевернул ее и доставил ей удовольствие, «так что у нее не было ни минутки свободной, чтобы взглянуть на него». Подошел третий, снова перевернул восхитительный «блинчик» и показал себя мужчиной, достойным почтенной компании. То же сделали и семеро других… А потом все началось сначала. В итоге, г-жа де Ракур была раз тридцать перевернута и удовлетворена во время этой фантастической ночи, в праздник Сретенья…

Но, увы, плоть наша слаба. После этого деликатесного, но крайне изнурительного десерта и гости, и хозяйка уснули прямо в креслах, не потрудившись даже привести в порядок свою одежду.

Вот в этом-то состоянии потрясенный г-н де Ракур и застал всю компанию ранним утром, когда возвратился из поездки. Можно себе представить эту поистине водевильную сцену, в которой большинство гостей, по выражению хрониста, «пребывало с обнаженным естеством»…

Эта история привела Луи-Филиппа в такой восторг, что он без конца просил ее рассказывать.

А тем временем в Лондоне Луи-Наполеон снова встретил г-жу Гордон и Персиньи и вместе с ними принялся снова за подготовку государственного переворота .

Через полтора года, уверенный, что все подготовлено и все предусмотрено, он сел на корабль, который отплывал в Булонь. Эта гибельная экспедиция, как мы уже рассказывали, кончилась для него фортом Ам, куда принца поместили после того, как палата пэров приговорила его к пожизненному заключению.

Оказавшись в камере страшной пикардийской крепости, принц сразу же решил использовать вынужденный досуг для оттачивания ума, и потому заказал сотни книг, устроил у себя лабораторию и стал проводить физические опыты.

Будучи большим меломаном, он также предавался удовольствию бельканто, и в иные вечера завороженные тюремные сторожа могли слышать, как он вместе со своим компаньоном по заключению генералом де Монтолоном

исполняет прелестные оперные арии… .

«Увы, — писал принц одной своей английской приятельнице, — все это заполняет время, но не может заполнить сердце…»

В состоянии крайнего напряжения он обратился с письмом к г-ну Дюшателю, министру внутренних дел, с просьбой разрешить ему принимать женщин. Чиновник отказал, пояснив, «что он не может отозваться на такую аморальную просьбу, но готов закрыть глаза на поведение заключенного при условии соблюдения им приличий».

Принц не замедлил воспользоваться этим лицемерным позволением…

В ожидании, пока какой-нибудь женщине удастся проникнуть в крепость Ам и подарить именитому пленнику несколько мгновений забытья, сам пленник довольствовался тем, что сквозь решетку тюремного окна глядел на хорошеньких пикардиек, приходивших на речку постирать белье.

Каждое утро и каждый вечер он занимал свой наблюдательный пост и горящим взором раздевал этих молодок, которые были бы несказанно удивлены, если бы знали, что их дородные крестьянские телеса заставляют мечтать будущего императора.

Как-то раз Телен сообщил принцу, что около караульного помещения стоит комедиантка Виржини Дежазе, находящаяся здесь проездом в Сен-Кентен, где собирается дать несколько представлений.

— Она попросила разрешения повидаться с вами. Когда дежурный офицер сказал, что посещения запрещены, она ушла, очень недовольная этим.

— А как она выглядит?

— Это очень изящная молодая женщина, в элегантном белом платье и с зонтиком.

Луи-Наполеон помечтал немножечко обо всем, что мог бы проделать с комедианткой, и выразил большое сожаление.

— Может быть, она придет еще раз побродить вокруг крепости? — сказал Телен.

Эта мысль показалась принцу довольно интересной, и он на всякий случай занял свой наблюдательный пост у оконной решетки.

Не прошло и получаса, как у него екнуло сердце: молодая женщина с кружевным зонтиком в руках шла, не торопясь, по дороге и внимательно смотрела в сторону крепости. Он сделал ей знак рукой. Она тут же остановилась, не отрывая взгляда от

маленького окошка, в котором отчетливо вырисовывался августейший нос.

При одной только мысли, что на нее смотрит племянник императора, Виржини Дежазе

буквально задрожала от волнения .

Через несколько минут, после того как она справилась со своим замешательством, ей вдруг пришла в голову чудная идея. Чтобы у пленника осталось приятное воспоминание о ее визите, она запела, слегка покручивая зонтиком, песенку Беранже «Лизетта».

Закончив пение, она послала воздушный поцелуй Луи-Наполеону, который, как сообщает современник, «ответил многократно повторенным приветствием» .

Несколько дней спустя, разглядывая по обыкновению из тюремного окна прогуливавшихся неподалеку от крепости молодых дам, Луи-Наполеон увидел идущую по дороге девушку. Исключительно шутки ради он подал едва заметный знак рукой. Девушка, вполне естественно, знавшая, кто является пленником крепости, была так поражена, что сразу влюбилась. По словам Эктора Флейшмана, Луи-Наполеон стал для нее «героем грез и волшебным принцем ее одиноких ночей».

А Телен, имевший право гулять в городе, захаживал именно к тем дамам, у которых жила на пансионе эта девушка, юная парижанка, приехавшая в Ам отдохнуть. «Хорошо зная о влюбленности своего хозяина в это девственное существо, — рассказывает Жюльен Персо, — он решил попробовать провести девушку в крепость». И ему это удалось благодаря помощи привратника, другом которого он стал. Так что однажды днем маленькая Элен… предстала перед Луи-Наполеоном. Она тут же бросилась перед ним на колени и судорожно обхватила его руками.

Смущенный принц помог ей подняться, сказал несколько вежливых слов, перенес ее на постель и без всяких прелюдий с усердием изнасиловал. Девушка, которую грудная болезнь делала особенно расположенной к удовольствиям физической любви, готова была остаться в камере пленника целый день; однако Наполеон из осторожности отсоветовал ей это. Ведь если министр внутренних дел и отдал тюремщикам приказ закрывать глаза на шалости принца, то относительно их ушей он ничего не говорил. А между тем распалившаяся девица «в моменты особого удовольствия» издавала вопли, способные всполошить весь гарнизон крепости.

Поблагодарив ее за визит, Луи-Наполеон умело убедил ее вернуться домой.

Юная туберкулезница с сожалением подчинилась.

Однако на следующий день она подстерегла где-то на тропинке Телена и спросила, когда она может еще раз навестить пленника.

— Я обязательно спрошу у принца, — осторожно сказал лакей.

Луи-Наполеон побоялся, как бы эта слишком пылкая любовница не лишила его навеки посещений других, более сдержанных женщин. Он попросил передать ей, что новые дисциплинарные меры, введенные министром внутренних дел, делают впредь невозможными любые свидания.

И тогда, в силу какого-то странного феномена переноса, девушка, лишившись своего сказочного принца, переключила свою любовь на Телена.

Восхищенный слуга воспользовался неожиданно свалившимся подарком, да так, что очень скоро бедняжка умерла от истощения…

А в это время Луи-Наполеон жил, полный надежд. Дело в том, что г-жа Ренар, жена привратника и строгий блюститель порядка в крепости, наняла на должность гладильщицы очаровательную двадцатилетнюю молодую особу с крепкой грудью и прочими удачно распределенными округлостями, не говоря уже о голубых глазах, вызывавших восхищение ценителей.

Ее звали Элеонора Вержо . Отец ее был ткачом. Она была девушкой рослой, здоровой, крепкой и очень умной.

Заметив ее с высоты своей башни, принц сразу понял, что это прелестное существо ниспослано ему самим небом.

И однажды небо довершило свое благодеяние: г-жа Ренар поручила Элеоноре отнести пленнику в камеру положенный ему обед. При виде входящей к нему девушки Луи-Наполеон был просто ослеплен.

— Поставьте поднос на стол, дитя мое, и расскажите мне, кто вы.

Дочь ткача очень мило стала рассказывать, а принц тем временем буквально раздевал ее глазами.

— Мне кажется, вашим образованием немного пренебрегали, — сказал наконец пленник. — Я намереваюсь восполнить этот пробел. Не согласитесь ли вы заходить ко мне сюда на час-два в день, чтобы я мог преподать вам историю, синтаксис и немного естественные науки?

Элеонора в ответ только покраснела от удовольствия.

— Еще бы, монсеньер, если, конечно, г-жа Ренар мне позволит…

— Она вам позволит.

На другой же день Элеонора явилась на свой первый урок истории.

Но принц, чья образовательная программа была одной из самых обширных, очень быстро приступил к преподаванию совсем других вещей…

По своей натуре девушка оказалась очень ласковой. И потому под предлогом приступить к урокам грамматики принц без особого труда усадил ее к себе на колени. Доверчивость ее не уменьшилась даже тогда, когда, с явной целью сделать курс обучения не слишком трудным, он обхватил ее за шейку, куснул за ушко и сунул руку за корсаж. Наконец она восприняла как чисто воспитательный жест, когда Луи-Наполеон, объясняя ей, почему во французском языке существуют такие формы, как «булочник» и «булочница», «племянник» и «племянница», «герой» и «героиня», «аббат» и «аббатиса», «слуга» и «служанка», счел уместным сунуть ей руку под юбку и пощупать то место, которое является сутью женского рода…

Перемена, которую Элеонора провела на кровати принца, показалась ей несколько чрезмерным благодеянием, но она не осмелилась возразить из боязни огорчить такого ученого и такого предупредительного преподавателя.

Дело, однако, не шло пока дальше «развлечений для взрослых», о которых пишет Фелисьен Шансор.

Луи-Наполеон, крайне возбужденный этой красивой девушкой с крепкой грудью, возжелал более сильных ощущений и тех ужасающе-сладостных альковах баталий, которые расшатывают кровать.

— Приходи сегодня ночью, — сказал он.

Элеонора, которая и сама начала ощущать какое-то волнение в крови, согласилась.

В течение четырех часов томимый ожиданием принц не мог ничем себя занять. Время от времени, смущенный своим, так бурно разросшимся чувством, он совершал краткие прогулки по камере. Наконец в 9 часов вечера Элеонора робко поскреблась в дверь. Он буквально прыгнул ей навстречу, подхватил на руки, осыпал поцелуями, раздел и понес к себе на постель. То, 'что за этим последовало, тут мнение историков едино, было волнующим и не поддающимся описанию.

«Когда она пришла в первую ночь, благоухающая свеже выглаженным бельем, — пишет тем не менее Альфред Нейман, — он был счастлив так, как никогда не чувствовал себя ни с одной из женщин. Он совершенно позабыл о тюрьме, камера с голыми стенами показалась ему интимным уголком, и даже решетки на

окнах были явно нужны, чтобы охранить их любовь. Она мирно спала рядом с ним в большой супружеской постели. Они веселились до тех пор, пока она не уснула. Но Луи не спал, он, улыбаясь, смотрел на нее» .

Под утро Элеонора хотела покинуть постель, как служанка, и незаметно проскользнуть в свою маленькую комнатку. Луи-Наполеон удержал ее:

— Нет, останься! Я не могу остаться без тебя ни секунды. Я тебя очень люблю.

Она осталась с ним, страшно довольная, но и немного встревоженная.

В 8 часов утра комендант крепости начал свой ежедневный утренний обход. Принц принял его, как обычно, в халате, попросил доставить ему газеты, побеседовал немного, а потом неожиданно открыл дверь в свою камеру и сказал с улыбкой:

— Комендант, киньте один только взгляд, прежде чем раз и навсегда закрыть на это глаза.

Комендант выполнил просьбу, обнаружил в постели своего пленника Элеонору и побледнел:

— Принц, это невозможно!

— Демарль, — возразил Луи-Наполеон спокойно, — это моя жена. Она помогает мне вынести тяготы существования. Если вы у меня ее отнимете, я сбегу. Поймаете, я снова убегу, а если загоните в угол, я повешусь. Так что подумайте.

Комендант вышел, не сказав ни слова. Вспомнив директивы министра внутренних дел и опасаясь лишних хлопот, он предпочел игнорировать происходящее у принца.

С этого дня Элеонора жила с Луи-Наполеоном. «Она заботилась о нем и любила его, — добавляет Альфред Нейман. — Она уже не работала гладильщицей, но продолжала благоухать свежим бельем. Она пела, смеялась, болтала, когда ему этого хотелось, и вдруг делалась молчаливой и незаметной, если он работал за столом или вел серьезные разговоры с друзьями, которые ей было трудновато понять. У нее был особый дар почувствовать, когда можно дать волю своей жизнерадостности, а когда следует ее приглушить. С помощью нескольких кусков материи она в мгновение ока преобразила две комнатки, из которых состояла камера, в нечто вполне обитаемое и даже уютное. Солдаты, которым было запрещено смотреть на нового Наполеона, посмеивались, встречая его жену, и называли ее императрицей. Этот титул ничуть не обижал Элеонору. За пределами двух своих комнатушек она держалась чуточку высокомерно. По тюремным коридорам и по улицам городка она вышагивала с достоинством монархини.

Все, конечно, были в курсе любовной связи принца и маленькой гладильщицы.

Об этом судачили и в Аме, и в Сен-Кентене, и даже в Париже… В окружении короля лучшие умы изощрялись в остротах и утверждали, что Луи-Наполеон, будучи человеком сдержанным, всегда «любил простую и здоровую пищу»… Шансонье от души веселились, сочиняя издевательские куплеты, а карикатуристы изображали принца отдающим погладить свою ночную рубашку с вышитым на ней орлом.

А пока орлеанисты насмехались, Луи-Наполеон и Элеонора, укрывшись за тюремными решетками, наслаждались чистой любовью. В повседневных заботах о своем любовнике, который в это время писал брошюру «Борьба с обнищанием», молодая женщина мечтала о том дне, когда она, возможно, воссядет на императорский трон. Воодушевленная этой странной надеждой, она со страстью изучала историю, географию, литературу и грамматику, которые принц продолжал ей преподавать…

Но однажды ей пришлось поволноваться. Комендант Демарль пришел предупредить Луи-Наполеона, что какая-то дама со специальным разрешением в руках, полученным в министерстве внутренних дел, желает его видеть. Речь шла о другой Элеоноре, г-же Гордон.

Луи-Наполеон принял ее. Как только она вошла, пышнотелая и неуклюжая, маленькая гладильщица сразу успокоилась.

— Г-жа Гордон явилась, чтобы предложить пленнику способ побега.

— Я встретилась с министром, г-ном Дюшателем, — сообщила она с волнением. — Он сказал, что вы представляете большое затруднение для правительства и что он ничуть бы не огорчился, если бы я захотела помочь вам сбежать. Разумеется, он не может приказать коменданту открыть ворота и закрыть глаза, но он считает, что вас без труда можно будет вывести, переодев в форму солдата. Ну а уж за пределами тюрьмы вас встретит человек, вручит паспорт, билет до Мехико и текст отречения, который вы должны подписать…

Луи-Наполеон слушал ее с отсутствующим видом. Когда она умолкла, он сказал ей с улыбкой:

— Спасибо, моя дорогая, спасибо. Но мне неплохо и здесь!

Г-жа Гордон удалилась ошарашенная. Могла ли она предположить, что Луи-Наполеон Бонапарт, племянник великого императора, предпочтет свободе вожделенное тело маленькой пикардийки?

В ФОРТЕ АМ ЛУИ-НАПОЛЕОН СТАНОВИТСЯ ОТЦОМ

Он воспользовался пребыванием в плену, чтобы отдаться множеству самых разных дел.

Мари-Ноэль Бон

Однажды августовским утром 1842 года Элеонора вошла в «рабочий кабинет» Луи-Наполеона, встала около стола, на котором высилась гора книг и бумаг, и спокойно сказала:

— Я беременна.

Принц встал. В большой растерянности он искал каких-нибудь обходительных слов, чтобы она могла подумать, что он рад этой новости. И тут ему вдруг пришло в голову, что великолепное тело Элеоноры очень скоро окажется деформированным. Эта мысль привела его в мрачное настроение.

Видя выражение его лица, молодая женщина решила, что он боится осложнений с правительством.

— Как только это станет обременительным, — сказала она, — я уеду в Перон, где у меня есть тетушка.

И тогда он обнял ее.

Элеонора покинула Ам в декабре месяце. 25 февраля 1843 года в Париже она родила крепенького мальчика, которому дали княжеское имя Эжен-Александр-Луи.

Оставив ребенка кормилице в доме своей тетки, она вернулась в крепость. Луи-Наполеон, которому в течение трех месяцев пришлось довольствоваться любовницей Монтолона, какой-то ирландкой, называвшей себя графиней де Ли, встретил Элеонору с радостью.

Интересовался ли он своим сыном? В одном письме, написанном им через несколько месяцев после этого события своей детской приятельнице. Гортензии Корню, он так говорит о своем сыне:

«Ваш друг чувствует себя хорошо (речь идет об Эжене). Язва на его руке зажила. Вы очень добры, что интересуетесь им. Для меня большое горе не видеть его, потому что, когда живешь, как я, оторванным от мира, привязываешься ко всему…»

Привязываешься ко всему…

В феврале 1844 года Луи-Наполеон начал заниматься своим сыном, о чем свидетельствует еще одно письмо, отправленное все

той же г-же Корню:

«Моя дорогая Гортензия.

Я не стану сегодня писать вам о пушках , а только еще раз хочу воззвать к вашей дружбе.

Я хочу сделать вам одно предложение, но очень прошу ответить мне откровенно, если это вас затруднит.

Мне надо сказать вам о вашем маленьком друге. Он скоро будет отнят от груди, и я хотел бы отдать его в более надежные руки. Так вот я предлагаю взять его в ваш дом вместе с женщиной, которая будет за ним ходить. В этом случае я буду совершенно спокоен относительно участи малыша, о котором я не могу не беспокоиться. Само собой разумеется, мы сможем договориться по поводу расходов, которые у вас будут в связи с этим.

И раз уж я так далеко зашел, прося вас об этой услуге и входя в такие подробности, его мать, в свою очередь, спрашивает, нельзя ли ей, когда она поедет его навестить, остановиться в его комнате.

Если это предложение, а такое вполне может быть, для вас кажется неприятным или невозможным, ответьте мне без стеснения, тем более что это ни в коей мере не умалит той искренней дружбы, которую я к вам питаю Н. Б.».

Г-жа Корню, разумеется, ответила согласием, маленький Эжен был отправлен в Париж, и Луи-Наполеон, совершенно успокоившись, мог целиком посвятить себя литературным трудам и Элеоноре. Внимание, которое он уделял и литературе, и жене, не могло не дать результатов: «Этюды о прошлом и будущем артиллерии» появились на книжном прилавке, а молодая гладильщица оказалась в ожидании второго ребенка.

Этот ребенок родился 18 марта 1845 года, тоже в Париже, на улице Капрон. Его нарекли Луи-Александр-Эрнест, и м-ль Вержо, погруженная в свои мечты, думала, что произвела на свет теперь уже второго наследного принца для императорской короны…

Будущее, однако, ее обмануло. Кем же стали эти два бастарда?

Эжен, после блестящей учебы, сделал карьеру и стал товарищем министра в России, где оказался причиной громкого скандала, после того как увел актрису, бывшую любовницей посла. Позже он был назначен вице-консулом в Росасе, а в 1868 году консулом на Занзибаре. Но император, питавший особую нежность к этому плоду любви, постарался сделать для него еще больше. В 1869 году он превратил его в графа д'Оркса, по имени владения, которое он подарил сыну в Ландах.

Эжен был женат на м-ль Вольпет и умер в январе 1910 года в

своем замке Касте в Сент-Андре-де-Сеньо, оставив троих детей.

Его брат Луи Вержо поселился в Мексике, где и женился. Пережив множество приключений, он в начале 1870 года решил возвратиться во Францию. Сразу по возвращении он написал письмо Наполеону III, в котором просил о встрече, а также немного денег, чтобы купить себе дом:

«Дорогой отец, умоляю вас, верните мне меня. Примите меня в свои родительские объятия, чтобы я мог по крайней мере увидеть вас, жить вблизи вас как уважаемый человек. Если вы любите меня, как люблю вас я, всякий холодок между нами исчезнет. Я хочу, чтобы вы забыли о моем прошлом и чтобы люди говорили: он делает честь своему отцу и с достоинством несет его имя».

Под этим письмом он по простоте душевной поставил подпись: Луи-Наполеон.

Император ему не ответил. Но Луи был сделан графом де Лабенном и получил пост сборщика налогов. В 1879 году он вторично женился на дочери банкира, м-ль Паради. Он умер в тридцать восемь лет, в 1882 году.

Что же касается Элеоноры, которая в 1858 году вышла замуж за Пьера-Жана-Франсуа Бюра, молочного брата Луи-Наполеона, она поселилась в Париже, в доме двадцать один на Елисейских полях, в квартире, пять окон которой выходили прямо на Тюильри. По вечерам она вместе со своим мужем прогуливалась вокруг дворца, где некогда мечтала иметь свой двор.

Жители ее квартала знали из памфлетов, опубликованных после 1848 года, о ее прежней связи с монархом.

Некоторые женщины смотрели на нее с завистью. Другие посмеивались над ее крестьянской походкой.

Возможно, когда-то г-жа Бюр и была Прекрасной Башмачницей, говорили они, посмеиваясь, но теперь красоты больше нет, и она осталась только башмачницей.

Но злословие оставляло Элеонору совершенно безразличной.

Она дожила до 1886 года, сохранив восторженное воспоминание о том времени, когда живостью своих ножек скрашивала тюремную жизнь будущего императора…

В начале мая 1846 года в форте Ам появилась бригада каменщиков, чтобы провести там ремонтные работы.

Луи-Наполеон, начавший уже уставать от Элеоноры, чьи прелести несколько отяжелели от двойного материнства, подумал, что мог бы воспользоваться суматохой, затеянной рабочими, и попытаться устроить свой побег.

После того, как план побега был разработан, он притворился,

что заболел, и попросил Элеонору уехать из крепости на несколько дней. Молодая женщина настаивала на том, чтобы остаться у его постели и ухаживать за ним.

— Нет. Я, когда болею, просто невыносим, — сказал он ей мягко. — Я предпочитаю быть один.

Во время прощания принц обнял ее и прошептал на ухо:

— Тебе не надо ехать ни к родителям, ни к тетушке в Перон.

— Куда же мне отправиться?

— К г-же Гордон, в Париж. Она примет тебя очень любезно.

Элеонора взглянула на любовника с тревогой.

— Почему мне надо ехать в Париж?

— Потому что нам не следует оставаться так близко друг от друга…

За те шесть лет, которые она была рядом с ним и день и ночь, Элеонора научилась читать на лице Луи-Наполеона. Она так же хорошо знала эту маленькую складку на его лбу, предупреждавшую о подступавшем гневе, и цвет глаз, когда он лгал.

Она сразу поняла, что он не говорит ей всей правды, и догадалась о безрассудном плане, требовавшем ее отъезда. С трудом улыбнувшись, она сказала спокойным тоном:

— Это, наверное, нужно, чтобы меня не нашли, если начнут искать…

В ответ на это он крепко обнял ее, нежно расцеловал и распрощался…

Как только Элеонора отправилась в Париж, Луи-Наполеон попросил своего слугу Телена привезти из Сен-Кентена рубаху из грубого полотна, панталоны, две блузы, фартук, галстук, шейный платок, головной убор и парик.

— Вся эта одежда, позволяющая вам походить на рабочего, годится всего лишь для того, чтобы вы без особого риска прошли по двору крепости и, возможно, добрались до деревни, — сказал ему Телен. — Но что вы будете делать, монсеньер, когда вам понадобится пересечь границу?

Луи-Наполеон молча крутил свой ус. Телен коснулся проблемы, которая мучила его с тех самых пор, как он задумал побег.

— Без паспорта в кармане незачем все это и затевать, — добавил слуга.

— Я верю в свою судьбу, — сказал спокойно Луи-Наполеон. — Об этом позаботится Провидение!

И Провидение позаботилось.

Несколько дней спустя, когда Телен тер пемзой козырек чересчур новой, недавно купленной каскетки, комендант

крепости Демарль зашел предупредить, что к Луи-Наполеону пожаловали гости. То были восхитительная англичанка леди Кроуфорд и ее дочь.

Принц принял их с большой радостью и сразу пустился в воспоминания о Лондоне, городе, который так любил. Неожиданно посреди разговора он обратился к дамам со странным вопросом.

— Не могли бы вы оказать мне одну услугу? Леди Кроуфорд и ее дочь буквально вскрикнули от 'восторга при мысли, что могут быть полезными принцу, которым они безгранично восхищались.

— Ну, так вот, — объяснил им Луи-Наполеон, — мой слуга должен через несколько дней съездить по семейным делам в Бельгию, но у него нет паспорта. Не одолжите ли вы ему паспорт одного из ваших слуг?

Обе женщины не смогли скрыть своего разочарования, так что заключенный, боясь отказа, похолодел от страха.

— Кажется, моя просьба вас смущает, — сказал он. Леди Кроуфорд вздохнула:

— Нет, монсеньер, просто мы думали, что сможем быть полезными именно вам… Неужели ваша просьба состоит только в этом?

Луи-Наполеон постарался сохранить невозмутимый тон и сказал:

— Да, это все!.. Так у вас есть такой паспорт?

Обе женщины улыбнулись:

— Ну конечно!

Порывшись у себя в сумочке, леди Кроуфорд извлекла из нее документ и протянула принцу.

Теперь можно было приступать к выполнению задуманного…

Солнечным утром 25 мая Луи-Наполеон облачился в рабочую одежду каменщика, испачкал блузу известкой, сбрил усы, нарумянил щеки, натянул парик и надел каскетку. После этого он надел грубые деревянные башмаки, благодаря которым стал немного выше, и наконец закурил трубку.

А на полу уже стояла доска, заменявшая ему в камере полку для книг. Взяв ее на плечо, он обернулся к Телену и доктору Коно.

— Ну как?

Оба были поражены: принца невозможно было узнать.

— Теперь надо, чтобы путь был свободен, — сказал он. — Телен, ты сейчас пойдешь и пригласишь рабочих, которые трудятся на лестнице, пропустить стаканчик за мое здоровье в

столовой на первом этаже.

Слуга побежал. Само собой разумеется, каменщики тут же согласились на предложение принца, слезли со своих стремянок и с шутками гурьбой двинулись в столовую.

Телен вернулся к своему хозяину:

— Путь свободен, монсеньер.

Луи-Наполеон поправил на плече доску так, чтобы она полностью скрывала его лицо; и вышел на лестницу.

Авантюра началась…

Выйдя во двор тюрьмы, принц ощутил, что ноги его стали немного ватными. К счастью, он сразу увидел своего слугу. Телен беседовал с охранниками, и принц всячески старался повернуться к воротам спиной. При этом он попытался прислушаться к разговору:

— Принц нездоров, — говорил слуга. — Мне надо сходить к аптекарю и купить у него слабительного.

Луи-Наполеон, скрывшись за своей доской, без труда прошел мимо них и вышел во двор, полный солдат, которые мирно грелись на солнышке. В этот момент вся затея неожиданно показалась ему совершенно безумной. От страха его охватила дрожь, и он выронил трубку изо рта. Случилось это как раз в тот момент, когда над ним по крепостной стене проходил часовой.

Эта его оплошность способна была погубить все, потому что ни один настоящий рабочий не оставил бы осколков своей трубки на земле. Поэтому, несмотря на страх, от которого у него свело в желудке, он наклонился, не выпуская из рук доску, собрал остатки трубки и снова направился к воротам.

Там, придав голосу грубую интонацию, он попросил пропустить его. Охранник взглянул на него и, немного поколебавшись, открыл ворота. Заинтригованный одеждой беглеца, а возможно, и красной краской, которой тот почему-то счел нужным вымазать себе лицо, охранник еще несколько раз оглядывался, но так ничего и не сказал.

Луи-Наполеон дошел до подъемного моста и пересек его в то время, как дневальный унтер-офицер был занят чтением письма.

Двадцать пять шагов, которые он постарался пройти спокойно, вывели его за пределы крепости, бывшей для него в течение шести лет тюрьмой. И тут он увидел, что навстречу ему идут два рабочих и пристально смотрят на него. К счастью, один из них решил, что узнал товарища.

— А, это Берту! — сказал он.

Они прошли мимо, и принц продолжил свой путь, направляясь в деревню. Пройдя два километра, он сел со своей

доской на краю оврага напротив кладбища и стал ждать.

Очень скоро появился Телен в наемной карете. Он помог хозяину подняться и сесть рядом с ним, после чего карета покатила по направлению к Сен-Кентену. Пока они ехали, принц выбросил через окошечко кареты часть своего маскарадного облачения. Интересно, что думали окрестные крестьяне при виде кабриолета, из которого летели деревянные башмаки, блуза, каскетка и даже панталоны…

Принц, однако, не стал въезжать в Сен-Кентен. Пока Телен менял лошадей, он обогнул пешком городок и дошел до дороги, ведущей в Валансьен, и там, сидя у ручья, дождался своего слугу.

До назначенного у ручья места встречи Луи-Наполеон добрался первым. Прождав полчаса, он забеспокоился и подумал, уж не обогнал ли его Телен. Увидев проезжавшую по дороге карету, направлявшуюся в Сен-Кентен, он остановил ее.

— Не встретился ли вам на пути небольшой кабриолет? — поинтересовался будущий император.

— Нет, приятель, я никого не видел на дороге, хотя и еду по ней уже часа два.

Успокоившись, Луи-Наполеон поблагодарил любезного путешественника, не подозревая, что насмешница-судьба послала ему навстречу не кого-нибудь, а королевского прокурора…

Наконец на дороге появился Телен, и они вдвоем отправились в Валансьен. Время от времени Луи-Наполеон, тревожившийся при мысли, что его исчезновение уже замечено в крепости, просил возницу ехать побыстрее.

В один из таких моментов обозленный возница обернулся и сказал:

— Вы мне осточертели наконец!

Принц умолк и до самого Валансьена не произнес ни слова.

В Валансьене оба добрались до постоялого двора «Оловянный поднос», где, предупрежденная одним из заговорщиков, его уже ждала леди Кроуфорд.

Увидев входящего к ней принца без усов и в парике, англичанка не могла удержаться и громко расхохоталась.

— Монсеньер! Монсеньер! — только и могла она произнести, давясь смехом.

Глубоко задетый, Луи-Наполеон хотел напустить на себя вид царственного достоинства и машинально стал искать кончики отсутствующих усов, чтобы покрутить их. Этот жест, однако, лишь усилил смешливость леди Кроуфорд.

Наконец молодая женщина успокоилась и, сильно смутившись, передала ему паспорт для Телена.

После этого принц и его слуга отправились на вокзал. Там

они более двух часов прождали поезд на Брюссель, смешавшись с толпой, в которой принц все время боялся наткнуться на жандармов, поднятых по тревоге комендантом Демарлем.

За пять минут до прихода поезда Луи-Наполеон вдруг почувствовал, что ноги его слабеют: к ним приближался бывший охранник крепости Ам, ставший теперь служащим железной дороги. Видя опасность, Телен устремился навстречу служащему с протянутой для приветствия рукой и затеял с ним длинный разговор. Принц воспользовался этим, чтобы получше спрятать за грудой чемоданов свой легкоузнаваемый нос.

Появление поезда положило конец его тревогам. Он вскочил в вагон сопровождаемый слугой, и оба они благодаря паспортам, леди Кроуфорд без осложнений пересекли границу.

Спустя четыре часа они уже были в Брюсселе. А в это время Луи-Филипп, информированный по телеграфу об этом побеге, пришел в такое неистовство, какого с ним, кажется, никогда в жизни не случалось.

На другой день, вслед за Луи-Наполеоном в Брюссель прибыли леди Кроуфорд и ее дочь.

— Ну вот, теперь мы готовы быть в вашем полном распоряжении, — сказала очаровательная англичанка.

Принц, который с самого отъезда Элеоноры Вержо вел вынужденно целомудренную жизнь, стал всматриваться в обеих женщин с вновь ожившим интересом. Кого из них выбрать?

Насилие над молоденькой девушкой показалось ему делом рискованным, затяжным, сложным и утомительным. Поэтому он остановил свой выбор на матери.

Уже вечером, после кофе, он увлек леди Кроуфорд в свою комнату под каким-то незначительным предлогом и весьма галантно сунул ей руку под юбку. Англичанка почувствовала себя, точно в раю.

А еще через мгновение, уже на кровати, ей удалось убедить его в своей нерушимой привязанности…

ГРАФ Д'ОРСЕ СТАНОВИТСЯ ЛЮБОВНИКОМ ЛЕДИ БЛЕССИНГТОН, ДРУГОМ ЛОРДА БЛЕССИНГТОНА И МУЖЕМ МИСС БЛЕССИНГТОН

Он завязывал любовные интриги с таким же искусством, как свои галстуки.

Жозе Артюр

Несмотря на заманчивые прелести леди Кроуфорд, Луи-Наполеон не задержался в

Брюсселе. Вскоре он перебрался в Англию, прибыл в Лондон, где его уже ждали друзья.

Там, желая поскорее расстаться с воспоминаниями о шести годах тюремной жизни в крепости Ам, он с головой окунулся в развратную жизнь, о которой англичане, взиравшие на это с изумлением и одновременно с завистью, еще долго хранили воспоминание.

В одну из таких вылазок принц познакомился с самым знаменитым денди того времени, графом д'Орсе. Человек этот, как оказалось, призван был сыграть в жизни Луи-Наполеона и, следовательно, в судьбе Франции важнейшую роль. Без него, возможно, не было бы Второй империи. Вот почему он заслуживает того, чтобы здесь набросать хотя бы вкратце его портрет.

Альфред д'Орсе приехал в Лондон в 1821 году. Ему тогда было двадцать лет, а Париж, который он покинул, уже два года как копировал его прически, жилеты, галстуки, трости и даже манеру улыбаться. Его отец мечтал видеть его военным. Граф предпочитал придумывать себе фасоны костюмов, каждый из которых на другой же день превращался в униформу…

Само собой разумеется, самые красивые женщины Парижа были отчаянно влюблены в него. Его главным приемом в обращении с ними было избегать слишком скорой победы. Он заставлял их подолгу томиться, а когда они оказывались у него в доме, доводил несчастных до изнеможения.

— Входите, входите, — говорил он своим колдовским

голосом, — вы так прекрасны, что я готов вас съесть!

«Ну, наконец», — думала дама, уже изнемогавшая от вожделения и взиравшая на диван, как на землю обетованную.

И тут он, не давая гостье опомниться и понять, что происходит, усаживал ее на какой-нибудь мягкий пуфик и долго-долго, с садистским удовольствием, с насмешливой улыбкой принимался делать с нее элегантный карандашный набросок…

Ученик известного миниатюриста Изабе, он пользовался своим искусством, когда хотел подвергнуть последнему испытанию охваченных пламенем бедняжек, отпуская их домой в том же состоянии, в каком они к нему явились, и заставляя их ждать момента, который выберет сам, если пожелает их съесть…

Эта репутация модника и соблазнителя очень скоро пересекла Ла-Манш. Когда он приехал в Англию, все дамы из высшего света, имевшие салон, изо всех сил стремились залучить его к себе. Поначалу ставший добычей леди Холанд, он очень быстро устал от этой властной женщины. Однажды вечером, когда он обедал у нее в числе других гостей, представлявших сливки английской аристократии, она то и дело роняла то салфетку, то веер, то вилку, то ложку. Всякий раз Альфред д'Орсе, человек изысканно светский, наклонялся и поднимал упавший предмет. В конце концов слишком нервная леди уронила на пол стакан. Но на этот раз, не выдержав, граф обернулся к лакею, стоявшему за его стулом, и сказал:

— Не перенесете ли вы мой прибор на паркет?

Я продолжу свой обед там. Для миледи, пожалуй, так будет удобнее.

Леди Холанд никогда больше не приглашала к себе Альфреда д'Орсе…

Но графа это ничуть не взволновало, потому что не прошло и месяца с его появления в Лондоне, а перед ним уже раскрылись двери одного из самых блистательных салонов столицы — салона лорда и леди Блессингтон.

Молодой человек с густой вьющейся шевелюрой, округлой бородкой, фигурой атлета и изысканной элегантностью произвел неизгладимое впечатление на присутствующих дам. Но больше других, без сомнения, была поражена сама леди Блессингтон. В свои тридцать лет она была в расцвете красоты и очень скучала в обществе мужа, который из-за излишеств молодости выглядел к сорока годам довольно потрепанным.

Леди Блессингтон, казалось, и сама должна была обнаружить следы весьма бурного прошлого. Действительно, до того как выйти за лорда, она была женой капитана Фармера, горького пьянчуги, которому отец отдал ее в качестве расплаты по

долговому обязательству. Натерпевшись от грубого обращения этого солдафона, она сбежала с каким-то офицером, который через несколько лет за весьма крупную сумму «уступил» ее лорду Блессингтону. Наконец, когда она овдовела, лорд женился на ней.

Однако это бурное прошлое не оставило ни малейшего следа в светлых и ясных глазах белокурой Маргарет.

Увидев ее, Альфред д'Орсе влюбился впервые в своей жизни.

Однако он не поспешил сразу стать ее любовником, опасаясь, как бы светский адюльтер не разрушил его репутацию профессионального щеголя. Он ведь прибыл в Лондон с определенной целью: развенчать короля дендизма Джорджа Брумеля. Этот человек, о котором рассказывали тысячи историй, поражал его своей наглостью. Говорили, что Брумель бросил службу в армии, потому что там требовалось пудрить волосы, тогда как это давно уже вышло из моды; что он тер свою новую одежду наждачной бумагой, добиваясь муарового отлива; что он имел пристрастие к очень тонким и узким перчаткам, облегавшим его руки, точно мокрая кисея; что своим ногтям он придавал отчетливую форму; что он, прежде чем выбрать один галстук, мог пересмотреть дюжину; что в его коллекции до семисот тростей и что он приветствовал дам простым кивком головы, чтобы не дай бог не нарушить тщательно продуманное положение цилиндра на своей голове.

Такая бездна наглости и гордыни шокировала деликатную натуру молодого француза, который сгорал от желания продемонстрировать лондонцам, что значит истинный парижский щеголь. А разве можно стать настоящим денди, если впутаешься в какую-нибудь интрижку?

В течение нескольких месяцев, флиртуя с божественной леди, Альфред задавал тон всей лондонской молодежи точно так же, как он это делал в Париже. Все его фантазии, даже невольные, тут же становились модой. В один из дождливых дней он купил у какого-то матроса форменный «пэлток», чтобы вернуться домой сухим. Все щеголи немедленно освоили эту грубую шинель, в результате чего и было изобретено «пальто» .

А прекрасная леди скоро стала такой напористой, что графу, к сожалению, пришлось реже бывать у нее. Когда же он все-таки появлялся на Сен-Джеймс-Сквер, Маргарет с глазами, полными слез, и лорд Блессингтон упрекали его:

— Мы вас совсем не видим у себя! Уж не поселить ли вас в нашем доме?

Преследуемый чрезмерной симпатией ничего не замечающего мужа, загоняемый в угол любовью женщины, которую он обожал, Альфред д'Орсе был на грани полного изнеможения, когда ему

вручили письмо из Франции, в котором говорилось, что его отец добился для него офицерского чина в Валансийском полку.

Он тут же распрощался с впавшими в полное отчаяние Блессингтонами и отправился к месту своей службы. Не прошло и трех месяцев, как чета Блессингтонов, не мыслившая существования без него, прибыла во Францию, чтобы повидаться с ним, и предложила ему совместное путешествие по Италии.

Покинув немедленно армию ради женской улыбки (и, конечно, ради завидного положения), Альфред д'Орсе последовал за своими друзьями. Именно там, под сияющим небом Генуи, он, наконец, стал любовником прекрасной леди.

На бедняжку, более года сгоравшую от тайной страсти, теперь приятно было смотреть. Сам Блессингтон уже на следующий день поздравил жену с тем, как она прекрасно выглядит.

— Свежий воздух, моя дорогая, действует на вас чудесно, вы никогда не были так прекрасны.

Она покраснела, а Альфред, сидя поодаль, скромно молчал.

В Генуе наше дружное трио встретило еще одного знаменитого денди, лорда Байрона, которому одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что происходит между Маргарет и графом. Последнего он прозвал «распоясавшимся Купидоном».

— Как смешно! — отозвался на это лорд Блессингтон, не поняв намека. — Это прозвище просто чудо как вам подходит.

На этот раз глаза опустила Маргарет.

После Генуи трио объехало всю Италию, на что ушло целых шесть лет.

Мягкий средиземноморский климат действовал возбуждающе на божественную леди, тогда как граф д'Орсе стал понемногу чахнуть.

Однажды Блессингтон подозвал его к себе и сделал ошеломляющее предложение:

— Вы, наверное, знаете, что у меня есть дочь Хэрриет от первого брака. Я готов завещать ей половину своего состояния, если вы согласитесь жениться на ней…

Альфред, крайне смущенный, сказал, что должен подумать.

Вечером в комнате Маргарет он передал содержание своего разговора с ее мужем.

Неукротимая леди расхохоталась и сказала, что эта идея принадлежит именно ей:

— Умоляю тебя, соглашайся. Ведь тогда я постоянно буду рядом с тобой, да к тому же ты получишь состояние моего мужа.

Последний довод оказался решающим для нашего денди. Его

брак с пятнадцатилетней Хэрриет был торжественно отпразднован в Неаполе 1 декабря 1827 года. Разумеется, брак этот совершенно не изменил его отношений с Маргарет.

И каждую ночь с неутомимостью, которую времени не удавалось умалить, он совершал с тещей то, что мораль предписывала совершать с супругой…

В 1829 году милое семейство прибыло в Париж и поселилось в частном доме на левом берегу. Подходил к концу уже седьмой год, как божественная леди была любовницей графа д'Орсе, а старый лорд продолжал ничего не замечать.

А между тем весь свет был в курсе этой связи, и множество людей шепотом произносили то, что Саша Гитри вложил в уста одного из своих персонажей:

«Быть слепцом до такой степени, значит, сознательно закрывать глаза…» Но он заблуждался! Лорд Блессингтон и вправду не замечал, что обманут. Поэтому для него оказалось жестокой неожиданностью то, о чем ему поведал один завистник графа д'Орсе.

В результате с ним случился апоплексический удар, который и свел его в могилу.

Нетрудно представить, какое горе пережили Альфред и Маргарет. Однако после похорон они вместе поселились в Лондоне. Повсюду рядом с ними была Хэрриет, отличавшаяся такой же слепотой, как и ее отец. И все же однажды ночью молодой графине пришлось узнать горькую правду. Приболев немного, она встала с постели и пошла к мачехе в спальню попросить о помощи. Тут-то она и увидела любовников, спящих полуобнаженными в одной постели.

Обезумев от ярости, она убежала из дома, прихватив с собой, помимо платьев и драгоценностей, все документы о праве собственности, которую унаследовала…

Альфред д'Орсе был разорен. Как, впрочем, и леди Блессингтон, которая промотала почти все, что ей принадлежало. И теперь оба они были принуждены работать. Маргарет написала несколько книг «О красоте» и одну под названием «Беседы с Байроном» (имевшую огромный успех), а граф д'Орсе рисовал, писал маслом и лепил, приводя в восторг местное дворянство, которое друг у друга буквально из рук вырывало его работы.

Несмотря на семь лет отсутствия, его престиж лондонского денди ничуть не пострадал. Снобы продолжали копировать фасоны его костюмов, его манеры, привычки и даже нервный тик. Однажды он познакомился с полу разорившимся торговцем

грубого полотна, который обратился к нему за помощью.

— Через две недели, — ответил ему Орсе, — весь Лондон будет носить костюмы, сшитые из вашей ткани. Торговец с печалью вздохнул:

— Вряд ли это возможно, месье, ткань, которой я торгую, очень грубая, и никто не хочет ее носить.

— Поверьте мне. Завтра мой портной зайдет к вам купить материи, чтобы сшить для меня костюм. В этом костюме мне достаточно будет появиться на Риджент-стрит всего один раз и всего на четверть часа в полдень. Этого хватит, чтобы все снобы, из подражания мне, стали спрашивать, где я приобрел эту чудесную ткань, а затем и кинулись гурьбой в вашу лавку.

Через две недели все лондонские щеголи уже носили костюмы из мешковины, а торговец мануфактуры — костюм из тонкого сукна…

Граф д'Орсе не только забавлялся глупостью своих почитателей, но умел и пользоваться этим. Так, например, однажды он воспользовался смешным пристрастием своих поклонников, чтобы выкрутиться из довольно скверной ситуации. А история приключилась с ним довольно пикантная.

Во время одного обеда, где вина было выпито более чем достаточно, прекрасный Альфред повел себя несколько агрессивно в отношении незнакомца, «форма ушей которого ему очень не понравилась».

— В такие уши особенно хорошо стрелять из пистолета, — сказал он громко.

Ответ незнакомца был краток:

— Мои секунданты будут у вас завтра утром. На другой день, от избытка выпитого накануне, граф проснулся, едва ворочая языком, и сразу вспомнил о предстоящей дуэли. Несколько огорченный этим, он послал своего приятеля навести справки о противнике и вскоре узнал к своему неудовольствию, что спровоцировал на поединок одного из лучших стрелков Лондона.

Тут ему в голову пришла одна идея, и он пригласил к себе своих секундантов:

— Пойдите и найдите этого глупца и скажите ему буквально следующее: «Граф д'Орсе всегда готов встретить вас с оружием в руках, но учтите, что вы идете на верную смерть. После этой дуэли в моду войдет стреляться с вами; все станут вас вызывать и в конце концов, несмотря на то, что вы отличный стрелок, вы останетесь лежать на траве…»

Противник понял, какой опасности себя подвергает, и отказался от дуэли…

В 1840 году Альфред д'Орсе познакомился с Луи-

Наполеоном, чей побег из крепости Ам очень его позабавил.

— Что я могу сделать для вас, Монсеньер?

Принц откровенно объяснил ему свою ситуацию:

у него мало денег, мало связей, но зато огромное желание развлечься перед тем, как он начнет готовить новый государственный переворот с целью свержения Луи-Филиппа.

Орсе отвесил глубокий поклон и пообещал организовать несколько приятных вечеров с очаровательными, хотя и мало добродетельными девицами.

И через несколько дней он сдержал слово.

Луи-Наполеон был приглашен на квартиру некоего лорда Бредли, где Альфред собрал не самых застенчивых танцовщиц и нескольких актрис, известных своим талантом общения…

Вечеринка началась банальным обедом при свечах. За столом принц выполнял роль хозяина дома и делал это с большим изяществом. Поэтому прежде, чем пригубить вино, он постарался обмакнуть в своем бокале кончик левой груди двух своих совершенно обнаженных соседок.

Когда пришло время десерта, события неожиданно приняли странный оборот. Вот как об этом рассказывает Эрнест Офрей:

«Одна из актрис, по имени Китти Одлер, вдруг воскликнула:

— Поиграем в маленькие садики!

Выйдя из-за стола, она улеглась на ковре и воткнула в свой «абрикос» маргаритку.

Ее примеру сразу же последовали все приглашенные девицы, и гостиная вмиг стала похожа на цветущую клумбу.

— Кто будет моим садовником? — крикнула Китти Одлер.

Луи-Наполеон, обожавший цветы, кинулся к актрисе и занялся увлекательной работой по уходу за садом. Другие гости, оставив мороженое, последовали примеру принца и попрыгали на предложенные их вниманию маленькие клумбочки.

Тут, правда, случился небольшой беспорядок. В течение нескольких месяцев граф д'Орсе устраивал не менее оригинальные развлечения Луи-Наполеону, но в конце концов его собственные средства так истощились, что ему пришлось снова заняться работой художника и скульптора, дававшей ему хлеб насущный

Херриэт преклонила колени.

Эти две судьбы пересеклись, чтобы основать Империю…

Обоих мгновенно точно громом поразило. Но если в глазах Луи-Наполеона вспыхнул едва уловимый похотливый огонек, прекрасные глаза мисс Говард блестели от восхищения.

Херриэт в то время было двадцать три года. Она была

фантастически красива. Один из поклонников так описывал ее: «Голова античной камеи на великолепном торсе». Луи-Наполеон был куда менее соблазнителен. К тридцати восьми годам лицо его носило следы бурно прожитой жизни, дряблые щеки обвисли, из-под глаз не исчезали темные круги, а усы пожелтели от постоянного курения. Из-за слишком коротких ног казалось, что он все время семенит. Несколько более представительным он выглядел, когда оказывался в седле, и его широкая грудь создавала некоторую иллюзию мужественности. Короче говоря, этот изгнанник, покинувший тюрьму без единого су в кармане, не имел ничего, что могло бы соблазнить молодую и очаровательную куртизанку, привыкшую отдаваться за богатство или уж ради возможности испытать истинное удовольствие с каким-нибудь симпатичным и пылким молодым человеком.

Однако в Луи-Наполеоне мисс Говард привлекло нечто иное.

Как все англичане, а тем более англичанки, Херриэт парадоксальнейшим образом боготворила Наполеона. Поэтому ни глуповатый вид, ни нищета этого принца не имели для нее никакого значения. Стоило ей только подумать, что Луи-Наполеона в детстве мог нянчить на коленях сам Император, как ее охватывало, по словам Эдгара Ширера, «необыкновенное волнение, а вслед за ним и неодолимое влечение».

В течение всего вечера их первого знакомства принц и мисс Говард, почувствовавшие тайное и непроизвольное единение, вели на людях диалог, который, однако, имел все признаки и волнующий аромат интимной беседы.

Именно к ней он обращался, вспоминая что-то из прошлого, именно ей сквозь дым сигары, нимало не заботясь о других гостях, рассказывал о неудавшихся государственных переворотах в Страсбурге и Булони, о своей жизни в форте Ам, о своем побеге. Это ее он хотел заставить улыбнуться и — ради этого вставил в произнесенную фразу несколько необычных слов. И, конечно, именно ей он рассказал о своей юности в Арененберге. Не сводя с нее глаз, он говорил целых два часа. И не отрывая от него взора, она слушала его с возрастающим восхищением.

На следующий день они снова увиделись. А на третий день стали любовниками.

Луи-Наполеон был мгновенно покорен. Следует сказать, что мисс Говард как профессиональная куртизанка владела, если можно так выразиться, своим ремеслом в совершенстве. Добросовестная и понимающая, что любая профессия требует навыков, она собирала свои знания по крупицам у опытных мужчин и женщин и не стеснялась интересоваться сложными или

старинными рекомендациями по технике своего дела, такими, как, например, «Диалоги» Пьетро Аретино или «Новеллы» Боккаччо. Из них она узнала и об оригинальных позах, и о мало кому известных выдумках, и о придающих новую силу ласках.

Принц сразу понял, что имеет дело не с какой-то дилетанткой. Поэтому он решил во что бы то ни стало удержать при себе эту необыкновенную любовницу и попользоваться ею всласть.

Но так как он все же хорошо знал свет, то постарался выразить свое желание в завуалированной форме:

— Я люблю вас, — сказал он.

Мисс Говард, сильно разволновавшись, разрыдалась.

— Вы же совсем не знаете моей жизни.

Опустив голову, она призналась, что пять лет жила с женатым мужчиной, от которого у нее есть сын. Луи-Наполеон улыбнулся:

— Ну и что же! У меня даже два сына. Два бастарда. Они родились, когда я находился в крепости Ам. Это плоды моего плена. Так что у нас теперь трое детей.

Мисс Говард, как и все женщины ее типа, отличалась быстротой мышления. Она мгновенно поняла, что интерес принца к ней может привести ее к большим высотам. Она знала, что, несмотря на два провала, Луи-Наполеон не утерял своего огромного престижа, что самые значительные лица Англии относились к нему с почтительной симпатией и что политические деятели, информированные на уровне Дизраэли, видели в нем будущего императора французов.

Кровать, на которой она лежала обнаженная поверх одеял и скомканных простыней, казалась ей первой ступенькой к трону.

Поэтому, предложив принцу очередную порцию своих знаний и навыков, она наспех оделась и поспешила к майору Маунтджою-Мартину сообщить, что решила его оставить.

Несчастный раскрыл в изумлении глаза:

— Но почему?

Она объяснила, что ей только что открылась любовь, которую к ней питает Его Императорское Высочество, и что в силу своей натуры она не может разрываться между двумя мужчинами.

Майор был человеком галантным и благородным. Он согласился на разрыв и оставил Херриэт ее состояние, владения, драгоценности и конный выезд.

Через несколько дней Луи-Наполеон покинул скромный отель, где жил до этого, и с великолепной непринужденностью великих мира сего перебрался в роскошное жилище, которое куртизанка недавно сняла на Беркли-стрит.

Его жизнь сразу изменилась. Благодаря состоянию

любовницы он теперь мог устраивать приемы, охотиться на лис, разъезжать в экипаже по Лондону, совершать верховые прогулки на прекрасных лошадях, иметь свою ложу в Ковент-Гардене и одеваться как денди.

Ничего удивительного, что такой образ жизни шокировал нескольких людей с принципами, в том числе некоторых французов, с грустью взиравших на претендента на императорский престол, жившего на содержании у дамы полусвета. Одним из этих французов был Алексис де Валон, который однажды написал своей матери во Францию довольно суровое письмо по поводу сына Гортензии:

«Я имел счастье встречать здесь довольно часто принца Луи, одного из тех, о ком вспоминают, когда больше не о чем говорить, одной из тех соломинок, за которые хватаются, когда тонут… Достаточно взглянуть на этого маленького господина, вполне заурядного и пользующегося дурной репутацией, чтобы понять всю беспочвенность возлагаемых на него надежд. Его рост совершенно не соответствует той роли, которую ему хотят предложить. Представь себе маленького господина четырех с половиной футов, уродливого и вульгарного, с огромными усами и свиными глазками. Это что касается лица. А что до морали, так он открыто живет, к стыду английского целомудрия, с актрисой десятого разряда, очень красивой, впрочем, по имени мисс Говард. Такое поведение, из-за которого перед ним постепенно закрываются двери лондонского высшего света, выталкивает его из нормального общества и прибивает к миру бродячих актеров…»

Но ни шутки, ни издевки не смущали Луи-Наполеона. Судьба вывела мисс Говард на предначертанный ей путь, она была красива, умна, богата. Она делала волшебными его ночи, превращала в праздник его дни и была в состоянии, финансируя определенное политическое движение, помочь ему добиться намеченной цели. С какой стати он должен был отказаться от всего этого в угоду буржуазной морали?

В то время как Луи-Наполеон вел ленивое и комфортное существование, Херриэт, верящая в звезду принца, готовила себя к деликатным и одновременно опьяняющим обязанностям имперской советчицы. Чтобы восполнить пробелы своего довольно скудного образования, она наняла преподавателей и стала изучать литературу, историю, искусство, философию.

Однако ее преподаватель истории, писатель Александр Вильям Кинглейк, которого давно уже терзала холостяцкая жизнь, решил, что из такой соблазнительной ученицы вполне может сделать себе любовницу. Зная

прошлое мисс Говард, он полагал, что с легкостью добьется желаемого. Как-то утром, не удосужившись произнести хотя бы одно любезное слово, он склонился к Херриэт и положил руку на бедро.

Молодая женщина приняла оскорбленный вид, чем крайне удивила значительную часть мелкого дворянства. Обескураженный Кинглейк попробовал тогда пощупать ей грудь.

В ответ на это она залепила ему звонкую пощечину. Маленькая куртизанка была мертва. На свет появилась Помпадур…

ТРОН ЛУИ-ФИЛИППА ЗАБРЫЗГАН ГРЯЗЬЮ СКАНДАЛОВ

От зонта нет никакого толку,
если ноги утопают в грязи.

Канадская поговорка

Пока Луи-Наполеон и мисс Говард наслаждались друг другом, в трон Луи-Филиппа со всех сторон летели брызги грязи вследствие целой серии грандиозных скандалов: два пэра Франции, гг. Тест и Кюбьер, были осуждены за коррупцию; принц Экмюль нанес ножевой удар своей любовнице, «старой потаскухе, не стоившей и пинка ногой» граф Мортье попытался убить свою жену; принц Берг был уличен в подделке жетонов одного из клубов; эскадронный командир Гюдэн из Королевского дома был пойман на плутовстве в карточной игре; Мартэн дю Нор, министр юстиции, скончался при загадочных обстоятельствах; один генерал был обвинен в мошенничестве; магистрат заподозрен в воровстве; наконец, пошел слух, что овдовевшая в 1842 году герцогиня Орлеанская вступила в преступную любовную связь с одним из пэров Франции… Скандалы эти затронули и армию, и магистратуру, и высшую знать, и даже королевскую семью. По меткому выражению канцлера Паскье, «высшее общество стало вызывать у низов просто ужас…».

Еще два скандала привели к тому, что весь фасад монархического здания Орлеанского семейства оказался обезображен глубочайшими трещинами.

Первый разразился весной 1847 года. А если быть точным, то 10 июня.

В этот день весь Париж с удивлением узнал о том, каким странным образом граф де Б. отметил день рождения своей жены. Послушаем, что рассказывает автор «Нескромной хроники 1847 года»:

«Все знают графа де Б., этого невысокого человека со свисающими усами и печально опущенными плечами. Всем также известно, что два года назад он дрался на дуэли из-за оргии, устроенной в доме г-жи де В. И все же я напомню об этой истории тем, кто, возможно, забыл. Во время одной вечеринки, где ни о какой стыдливости не было и речи, какой-то тип в результате чрезмерной пере возбужденности „разбил семейную драгоценность“ (этим выражением пользовались наши денди,

когда хотели обозначить то, что природа задумала в качестве признака женского пола); так вот, говорю я, „разбил семейную драгоценность“ той дамы, которую граф де Б. собирался почтить. В результате произошла не слишком куртуазная стычка.

Я здесь передаю их пререкания в том виде, как мне об этом рассказали:

— Месье, вы просто мужлан. Я собирался оказать внимание этой даме, а она по вашей вине на несколько дней вышла из строя…

— Извините, мой друг, но у лилипута не может хватить на всех…

Подобное оскорбление по адресу предмета его знатного мужского достоинства вывело графа из себя, и он тут же потребовал у наглого типа удовлетворения.

На другой день соперники скрестили шпаги, с истинно мужской удалью полоснули друг друга по лицу и, довольные собой, разошлись по домам.

После этого граф де Б., чувствуя себя в прекрасной форме, встретился с дамами и без помех принес жертву на алтарь Венеры.

После этой истории он решил подыскать себе жену и нашел ее в 1846 году в лице Стефании-Анны Н., дочери весьма темпераментного генерала, который, служа в Великой Армии, отличился тем, что с одинаковым рвением служил и Купидону, и своему императору.

Стефания была прелестна. Если верить общественному мнению, она обладала самой красивой грудью в Париже, к тому же унаследовала от отца пылкий темперамент, толкавший ее на излишества, которыми довольно долго пользовался не только ее муж. И однажды граф де Б. нашел ее на диване в гостиной в обществе кучера. Придя в неописуемую ярость, он вытолкал вон слишком галантного фаэтона, сделал вид, что простил неверную жену, но в душе задумал подвергнуть ее публичному и примерному наказанию.

А тут, кстати, 9 июня Стефании исполнилось двадцать три года. Граф де Б. счел этот случаи вполне подходящим для мести. Пригласив в этот день в гости своих ближайших друзей, он сообщил им, что во время десерта их ждет сюрприз. Молодая графиня, горя нетерпением, спросила, что же это за сюрприз.

— Речь идет о вашем именинном пироге, — только и ответил граф, улыбнувшись.

Гости принялись за обед. За столом то и дело слышались шутки и анекдоты, песни и фривольные истории. После того, как был подан сыр, граф встал:

— Именинный пирог, который я посвящаю Стефании, находится в гостиной. Моя дорогая, проводите туда гостей…

Ничего не подозревая, молодая графиня, в свою очередь, поднялась, подошла к дверям, ведущим в гостиную, и открыла их.

Зрелище, открывшееся ее глазам, заставило ее буквально замереть в ужасе.

В гостиной находилось двадцать три кучера!

Немного удивленные гости просили объяснений.

— Я хорошо знаю вкусы моей жены, — сказал граф. — И знаю, что такой «именинный пирог» ей очень понравится… тем более что пробовать его она будет в вашем присутствии…

Несчастная Стефания, поняв, что ее муж вовсе не шутит, со слезами упала перед ним на колени, просила смилостивиться над ней и поклялась в том, что будет вечно верна ему.

Однако граф остался непреклонен. Предложив гостям сесть и угостив их коньяком, он, несмотря на всеобщее смущение и неловкость, приказал своей маленькой графине, если можно так выразиться, «возжечь все двадцать три свечи своего именинного пирога» …

И ничего удивительного, что уже на следующий день весь Париж знал об этом и вовсю потешался.

Само собой разумеется, эту историю ловко использовали в своих целях оппозиционные партии. «Вот они, те мерзости, — писал один памфлетист, — в которых погрязло правящее нами высшее общество. Наш король, этот разжиревший бык с головой, похожей на грушу, восседает на прогнившем троне».

Второй скандал разразился 18 августа 1847-го. В этот день около десяти часов утра парижане с ужасом узнали, что герцогиня Шуазель-Пралэн, дочь маршала Себастиани, министра и посла Луи-Филиппа, на рассвете была убита в своем доме в предместье Сент-Оноре.

Несчастная была задушена, искромсана, исполосована ударами ножа, да еще получила удар по голове рукояткой пистолета. Стены ее комнаты, ковры, мебель, камин — все было забрызгано кровью.

Во второй половине дня публика, с нетерпением ожидавшая новостей, узнала, что префект полиции, взглянув на следы этой бойни, сказал своим сотрудникам:

— Какая грязная работа… Это работа дилетанта… Убийца человек светский.

И с этого момента с затаенным испугом полиция и весь Париж стали подозревать Теобальда де Шуазель-Пралэна, пэра Франции, главного советника, депутата, представителя одной из самых знатных семей Франции и друга короля в том, что он

задушил свою жену.

Наконец судьба с помощью очаровательной девицы и нескольких дам, соблазненных прелестями Лесбоса, нанесла последний удар по королевскому трону, в котором, по-мещански развалившись, дремал жирный король Луи-Филипп…

Звание пэра обеспечивало герцогу полную неприкосновенность. Его нельзя было не только арестовать, но даже предъявить ему конкретное обвинение без решения короля. Однако уголовный кодекс позволял применить к пэру нормы обще уголовного права, если таково будет «требование общественности». Представители оппозиции прекрасно знали текст закона. Поэтому к вечеру вокруг особняка Шуазель-Пралэна собралась толпа возмущенных людей. Крепкие и энергичные люди, явившиеся из самых разных районов Парижа и должным образом настроенные, орали во всю глотку:

— Смерть убийце! Смерть! На гильотину его! На фонарь! Убийца!..

Не осмеливаясь взять на себя ответственность и арестовать пэра Франции в отсутствие Луи-Филиппа (который в это время находился в фамильном замке в Э.), префект Аллар поручил восьми полицейским агентам вести круглосуточное наблюдение за герцогом.

Толпа в предместье Сент-Оноре не расходилась до трех часов утра. Рассеявшись у края тротуара и радуясь прекрасной летней ночи, парижане рассказывали друг другу пикантные истории из жизни семейства Шуазель-Пралэн. Некоторые уверяли, что вот уже несколько лет как герцог, пресытившийся собственной женой, чьи десять абортов ее просто изуродовали, стал любовником м-ль Делюзи, изящной гувернантки, нанятой для их детей. Другие говорили, что эта самая гувернантка взяла над герцогом такую власть, что в Во-ле-Виконт, где у Шуазель-Пралэнов был замок, некогда построенный еще суперинтендантом Фуке, она могла показаться несведущим хозяйкой замка… Ситуация, конечно, тяжелая и не раз приводившая к ужасным семейным сценам.

От подобных рассказов до предположения о том, что герцог убил свою жену ради безмятежного сожительства с любовницей, был всего один шаг. Неудивительно, что толпа преодолела его с легкостью, свойственной людям простосердечным, кончив обвинением м-ль Делюзи в соучастии в убийстве.

— Она спряталась в платяном шкафу с кухонным ножом в руках, — говорили они. — Именно она и нанесла герцогине первый удар.

Придя к такому заключению, толпа разразилась новым

потоком проклятий, так что стекла дрожали в доме герцога, который как раз в это время, обессиленный, бледный, с опущенной головой отвечал на вопросы полицейских.

Надо сказать, толпа не пощадила и жертву. Если верить этим людям, герцогиня имела пристрастие к забавам тех дам, которые некогда составили славу г-жи Сафо.

— А может, герцог застал герцогиню с одной из ее нежных подруг? — высказал кто-то предположение.

— Кто ж знает, — послышался голос любителя довести мысль до совершенства, — вдруг он нашел ее в объятиях м-ль Делюзи…

Время от времени какой-нибудь человек пробовал направить всю злобу и отвращение в политическое русло:

— Хороша же, нечего сказать. Июльская монархия! — кричал он.

Другой подхватывал:

— Нами правит настоящая гниль!

Так мало-помалу толпа продвинулась до отождествления режима с похотливым герцогом-убийцей и до приписывания королевскому семейству всех пороков подгнивающего общества…

Но что все-таки было правдой во всех этих историях, которые парижане в упоении рассказывали друг другу в эту приятную летнюю ночь?

В 1824 году Теобальд де Шуазель-Пралэн женился на юной Фанни Себастиани, единственной дочери графа Ораса Себастиани, маршала Франции. За шестнадцать лет супружеской жизни у них появилось на свет десять прелестных детей.

В 1838 году герцог нанял для них учительницу, м-ль Депре, любовником которой он не замедлил стать. В 1840 году эта дама, чье лоно оказалось оплодотворенным благородным герцогским семенем, вынуждена была покинуть его семью. Ее место при детях и в постели Теобальда заняла некая мадемуазель Тсенди.

Эта особа продержалась на своем месте только десять месяцев. 1 марта 1842 года герцог, трепеща от возбуждения, пригласил на должность гувернантки восхитительную Генриетту Делюзи, чей порочный взгляд, вихляющая походка и упругая грудь обещали сладостные моменты.

— Вашей обязанностью, мадемуазель, будет воспитание моих детей. Вы будете нести за это полную ответственность…

После чего добавил важным тоном:

— Я выражаюсь достаточно ясно: «полную ответственность», потому что герцогиня не должна иметь к воспитанию ни малейшего отношения. По причинам, которые я не могу вам сообщить, мне пришлось установить определенный порядок,

который я попрошу вас соблюдать строжайшим образом.

И герцог протянул несколько растерявшейся Генриетте следующий текст:

«В обязанность гувернантки входит вести расходы на нужды детей: одежда, обучение, горничные, няни, развлечения».

Одним словом, гувернантка должна взять под свою ответственность все, что касается детей. Дети могут выходить из дома только в сопровождении гувернантки. Только гувернантка может решать, с кем дети могут общаться, а с кем — нет.

Гувернантка должна принимать все решения самостоятельно, не советуясь предварительно с родителями, за которыми сохраняется лишь право наблюдать.

Г-жа де Пралэн никогда не должна входить к детям. Если кто-нибудь из них болен, ей может быть позволено войти в комнату больного ребенка, но она не может выходить с детьми одна, без гувернантки, и не может навещать их в отсутствие г-на де Пралэна или гувернантки.

М-ль Делюзи не потребовала никаких объяснений относительно этого странного предписания, делавшего для матери невозможным общение с собственными детьми. Поняв, что она вступает в дом, где назревает драма, м-ль Делюзи молча положила листок с предписанием в сумочку и пообещала полное подчинение.

Не прошло и месяца, как она стала любовницей герцога, а затем и домоправительницей, к величайшему неудовольствию Фанни, которая открыто проявляла свою ревность.

Семейные сцены стали чуть ли не повседневными.

В июле 1847 года, после личного вмешательства маршала Себастиани, м-ль Делюзи попросили удалиться.

Через месяц после ее ухода герцогиню де Пралэн нашли задушенной в ее комнате…

Мотивы этого преступления казались очевидными: герцог, движимый страстями, которые моралисты считают неодолимыми, пожелал уничтожить препятствие, отдалявшее его от любовницы.

Один момент, однако, остается неясным в этом деле: почему герцогиня не имела права заниматься своими детьми? Надо, как считает д-р Кабанес, «искать ответ в краю Лесбоса…».

Вернемся еще раз назад: когда Фанни была еще подростком, у нее была воспитательница м-ль Мендельсон, известная своими необычными привязанностями. Ее имя было замешано в одном весьма непристойном деле о нравах, по которому ее обвинили в извращенном влиянии на учеников.

Именно это дело помогает прояснить ситуацию:

Фанни, которую м-ль Мендельсон приобщила к лесбийским играм, вполне возможно, неоднократно возвращалась к своим прежним привязанностям. Граф Орас де Вьель Кастель в своих «Мемуарах» намекает на связь, которая якобы была у герцогини с м-ль Депре. Знавший о существовании такого порока, герцог сразу заподозрил свою жену в наихудших мерзостях, вплоть до подозрений в желании матери совратить собственных дочерей…

Отсюда и предписание гувернантке. Однако, на беду несчастного Луи-Филиппа, дело герцога приобрело совершенно неожиданный поворот…

19 августа, во второй половине дня по Парижу пронесся какой-то странный слух. Пущенный неизвестно кем, он вскоре оказался на устах всех любителей сплетен от Нейи до Шайо, добрался до высот Монмартра, пронесся по большим и маленьким улочкам и докатился, наконец, до парка на улице Вожирар. Говорили, что герцог Шуазель-Пралэн вовсе не убивал свою жену ни ради прекрасных глаз м-ль Делюзи, ни ради защиты детей от возможного развращения, ни даже ради защиты чести одной из самых высокопоставленных дам из орлеанской династии.

Имя же этой дамы добропорядочные граждане произносили буквально с дрожью в голосе. Речь шла, шептались все, о герцогине Орлеанской, муж которой, первый законный наследник престола Франции, пять лет назад случайно погиб у Тернских ворот .

Тем, кто удивлялся, что герцогиня Орлеанская могла быть замешана в убийстве г-жи де Шуазель, с самым серьезным видом объясняли, что после трех лет вдовьего воздержания молодая герцогиня в 1845 году стала любовницей герцога Шуазель-Пралэна. Те же осведомленные люди добавляли, что 17 августа г-жа де Пралэн обнаружила в секретере своего мужа письма, компрометировавшие невестку короля. Не сдержав своего гнева, она пригрозила герцогу, что устроит скандал, подняв на ноги оппозиционную прессу и опубликовав найденные письма.

В ужасе от этой угрозы, герцог рано утром 18 августа вошел в комнату жены, чтобы забрать у нее документы. Сопротивление герцогини было столь упорным, что ему пришлось совершить убийство.

Что было истинным, а что — ложным в этой истории?

В течение ста шестнадцати лет историки яростно спорят: одни утверждают, что герцогиня Орлеанская вполне могла иметь любовника, другие защищают ее со страстью, граничащей с родительской любовью.

В 1847 году парижане, разумеется, не так пеклись об исторической правде. И потому все дружно сходились на мысли, что вдова наследного принца была всего лишь любовницей…

Хороши же они были с подобным утверждением, когда 20 августа по городу разнеслась убийственная новость: герцог Шуазель-Пралэн, несмотря на неусыпное наблюдение полиции, ухитрился принять мышьяк и теперь умирал…

Нечего и говорить, что это самоубийство вызвало серьезные подозрения. Многие журналисты, отражая общественное мнение, поспешили обвинить правительство в том, что оно снабдило герцога ядом. Один из газетчиков так прямо и писал: «Двор ликвидировал неудобного свидетеля».

В ужасе от размаха, который начинало принимать это дело, Луи-Филипп распорядился собрать 21 августа Палату пэров и Высший Суд. Герцог, еще живой, был немедленно арестован и доставлен в Люксембургскую тюрьму на улице Вожирар. 24-го числа, к вечеру, он умер, так и не признавшись в совершенном преступлении.

Палата пэров тут же приняла постановление о прекращении уголовного преследования в отношении обвиняемого и о закрытии дела. Аналогичным образом повел себя и генеральный прокурор. В результате дело было закрыто .

Это, однако, ничуть не уменьшило морального ущерба, нанесенного двору столь своевременным самоубийством герцога. Скорее наоборот. Теперь народ был больше, чем когда-либо, убежден, что Палата пэров передала мышьяк герцогу, желая спасти честь герцогини Орлеанской и тем самым защитить королевскую семью. Однажды в 1849 году канцлер Паскье, беседуя с Виктором Гюго, очень точно сформулировал это мнение

«Обратите внимание, нам никогда не разубедить народ в том, что именно мы отравили герцога де Пра-лэна. Обвиняемый убийца и судьи-отравители — вот главная мысль, которую они вынесли из всего этого дела. Есть, правда, такие, которые думают, что мы спасли этого жалкого герцога и вместо него подсунули какой-то другой труп. Кое-кто говорит: „Пралэн находится в Лондоне вместе с м-ль Делюзи и получает свои сто тысяч фунтов ренты. Вот так, разъедаемые нелепыми пересудами и ужасными деяниями, рушатся устои этого вконец прогнившего мира“ .

Да, «старый прогнивший мир», порождение революции 1830 года, в череде всех этих скандалов уходил в небытие.

Народ, полный отвращения и разочарования, стал смотреть на толстяка Луи-Филиппа совсем другими глазами и, судя по всему, уже не был склонен к снисхождению.

Вот почему, когда в феврале 1848 года король, побуждаемый министром Гизо, который, в свою очередь, действовал под сильным влиянием своей любовницы, принцессы Льевен, запретил проведение банкета, организованного сторонниками конституционной реформы, парижане немедленно воспользовались этим случаем.

За какие-нибудь несколько часов в городе были сооружены баррикады, а на бульварах появились многочисленные группы людей, распевавших мятежные куплеты. Ветер восстания внезапно задул из Шарона в Пас-си. Поэтому, когда 24 февраля войска начали стрелять в толпу, собравшуюся на бульваре Капуцинов, демонстрация недовольства мгновенно переросла в революцию.

В четыре часа пополудни Луи-Филипп подписал отречение. В пять часов вечера, в сюртуке и круглой шляпе, он бегом промчался по дворцу Тюильри, к которому уже подступала восставшая толпа, добрался до площади Согласия, вскочил вместе с королевой в фиакр и покинул Париж, точно вор, с пятнадцатью франками в кармане.

Ночь беглецы провели в Дре. На следующий день они были уже в Эвре, затем в Трувиле. Оттуда, погрузившись на корабль и, несмотря на ужасную погоду, королевское семейство отплыло в Англию.

А в это время парижане праздновали рождение новой Республики и громко пели, передразнивая тяжелую походку своего теперь уже бывшего суверена, насмешливые куплеты на мотив знаменитой песни «Быки».

И вряд ли этому надо удивляться, потому что французы, привыкшие любое дело заканчивать песнями, на этот раз с огромной радостью хоронили тысячелетнюю монархию, которая внезапно исчезла самым непредвиденным образом, из-за нескольких чересчур доступных дам…

ОХ УЖ ЭТИ ПОЛИТИКИ 1848 ГОДА, КОТОРЫХ ЖЕНЩИНАМ ПРЕДСТОЯЛО ЛЮБИТЬ…

Часто женщины обожают мужчин за самое смешное, что в них есть…

Кребильон младший

Луи-Филипп покинул Францию, оставив в мятежной столице свою невестку, герцогиню Орлеанскую, и своего внука, графа Парижского, в пользу которых он подписал отречение.

— Прощайте, — сказал он ей перед отъездом, — и будьте мужественны!

Молодая женщина побледнела:

— Как? Вы оставляете меня здесь одну, без родных, без друзей…

Луи-Филипп, чей огромный живот колыхался от жира, хотя многие уверяли, что он «трясся от страха», сказал ей полным лицемерия голосом:

— Моя дорогая Элен, речь ведь идет о спасении династии и о сохранении короны для вашего сына. Останьтесь ради него…

После чего, придерживая шляпу одной рукой и плохо застегнутые панталоны другой, торопливо направился в тюильрийский парк, сопровождаемый королевой Марией-Амелией.

— Благодаря своему положению, Луи-Филипп, чей отец Филипп Эгалите проголосовал за смертный приговор Людовика XVI, прекрасно знал, что делают революционеры с королями, попавшими им в руки.

Час спустя герцогиня Орлеанская, обретя вновь спокойствие, смело направилась вместе с двумя своими сыновьями в Палату депутатов.

Сначала все шло очень гладко. Учредительное собрание, которое все еще не принимало революцию всерьез, встретило ее одобрительными возгласами, а председатель Дюпен отвесил ей почтительный поклон. Он решил немедленно провозгласить графа Парижского королем французов при «регентстве его августейшей матери» и потому воскликнул:

— Господа, мне кажется, что Палата своими единодушными…

Но в тот момент, когда депутаты, судя по всему, были готовы поддержать председателя, в Палату внезапно ворвалась группа революционеров.

Толпа этих людей во главе с молодым человеком, вооруженным мясницким ножом, ринулась к трибунам с требованиями смертной казни и истошными криками:

— Долой Регентство! Долой Регентство! Да здравствует Революция!

В зале начался немыслимый переполох. Вот что писал об этом очевидец: «Какой-то бешеный схватил графа Парижского за горло, пытаясь задушить его. К счастью, национальной гвардии удалось вырвать ребенка из рук негодяя и передать его матери, которую толпа народа отделила от детей».

Пока герцогиня под защитой друзей спасалась бегством, г-н де Ламартин, выступив с речью столь же лирической, сколь и смутной, потребовал назначения временного правительства…

После него на трибуну поднялся Ледрю-Роллен и, тряся своей огромной головой и маленьким клоунским хохолком, на коленях довольно долго объяснялся в своей любви к Республике.

Два часа спустя, пока народ мародерствовал в Тюильри и грабил Пале-Рояль, было создано временное правительство, которое возглавил бесцветный Дюпон де л'Эр.

На следующий день, 26 февраля Республика была провозглашена, а 6 марта невероятно возбужденная происходящими событиями Рашель мечтала, по ее собственному выражению, «отдаться кому-нибудь, лежа на теле гильотинированного», и в трансе распевала «Марсельезу» во Французском театре.

Второй сын герцогини Орлеанской, Роберт, герцог Шартрский, родился в 1840 году. Именно он был дедом нынешнего графа Парижского.

Временное правительство, желая польстить народу, тут же наделило каждого гражданина титулом магистрата и узаконило то, чего ни Робеспьер, ни Сен-Жюст, из осторожности, в силу глубокого знания толпы, не сделали: а именно всеобщее избирательное право.

С этого момента наступила новая эра. Это легко было заметить во время выборов, которые начались в конце марта. Стены домов во Франции покрылись плакатами и листовками, написанными в стиле, который французам не предлагали ни Сюлли, ни Ришелье, ни Кольбер, ни Шуазель, ни Талейран, ни Шатобриан, ни Казимир Перье, ни Гизо. Тон, в котором высказывались кандидаты в депутаты, был на редкость шутовским. Я чувствую себя обязанным дать читателям образчики

этого стиля, чтобы показать, с какими политиками женщинам, продолжавшим служить орудием судьбы, предстояло впредь иметь дело.

Вот несколько примеров этой эмфатической и претенциозной литературы, которая отныне определяла стиль и наших парламентариев, и наших рекламных агентов:

«Граждане!

Вдохновленный нашими искренними патриотами, я хочу предложить Отечеству свой ум, свое сердце и свою руку! Окажусь ли я достоин ваших голосов? Вам решать.

Но в любом случае знайте, что никогда из моих уст не вырвется ничего, кроме возгласа «Да здравствует Республика!»

Луи Лангоманзино.

Любопытно, какой была бы реакция этого смельчака, если бы ему наступили, например, на ногу. Был бы он и тогда избран…

Все способы годились для привлечения голосов избирателей. Некоторые кандидаты, желая разжалобить их, писали недрогнувшей рукой: «Граждане! Я внебрачный сын Отечества…» Или еще: «Я всей душой предан Революции, моей кормилице!»

Находились среди них и лжесмиренные:

«Я приму покорно и с крайним сомнением в самом себе этот беспокойный и высочайший мандат, которым вы меня удостоите…»

Что и говорить, таких людей ничто не останавливало. Чтобы обеспечить себе голоса верующих, чей республиканизм пока еще не окреп, кое-кто додумался объявить, что Республика 1848 года искупила первородный грех…

Были и такие, что самым необычным, но довольно решительным образом разрешали самые сложные теологические проблемы: «Франция! Будь достойна Парижа, отпусти народ на волю! Так угодно Богу, или Он не существует!..»

Все, кто принимал участие в тех февральских событиях хотя бы в роли зрителей, никогда этого не забудут;

те же, кому не повезло стать кандидатом или не хватило смелости, находили для себя довольно ловкий выход, как, например, Этьен Араго: «Для меня, — писал он, — перо превратилось в оружие, и я выстреливал из него какой-нибудь мыслью, точно из ружья…»

Некто Ж.-Б. Амио писал: «Перед Францией открывается эра свободы. Поприветствуем ее!.. Пусть с чувством благодарности люди склонят свои головы перед Всевышним и возденут к нему руки с готовностью отстоять права страны…»

Эта трудная и утомительная поза должна была явно оттолкнуть избирателей…

Некоторые кандидаты украшали себя довольно странными титулами. Вот первые строки одного избирательного плаката, вывешенного в 14-м округе:

«Жан Теодор Жуле, сын маляра, служившего у покойного императора, парижский домовладелец, сегодня способен продемонстрировать большее, чем когда бы то ни было, мужское превосходство…»

Увы, женщины в 1848 году не участвовали в голосовании, и бедняга скорее всего не был избран в Палату…

Еще один претендент в доказательство своих способностей представлять нацию сообщил, что служил «врачом душевнобольных в Бисетре»!

Его трудно было обвинить в демагогии…

Разумеется, рабочий и крестьянин имели право на особое внимание.

Некто г-н Ортолан «отдал свое сердце труженикам головы и рук»…

А один генерал совершенно серьезно писал: «Сельское хозяйство находится в упадке. И не стыдно ли Франции, что у нее существует департамент Ланд, который давно уже можно было переименовать в департамент Прерии?»

И, наконец, еще один писал: «Голосуйте за меня, земледельцы, овощеводы, виноградари, все, кто не хочет, чтобы началось землетрясение!»

Ну можно ли отказать в голосе человеку, который способен предотвратить землетрясения?

Несколько истых республиканцев не побоялись привести кое-какие устрашающие детали, чтобы раз и навсегда заклеймить старый режим: «Я прочел в Истории Франции, — писал некий жестянщик, выставлявший свою кандидатуру в 6-м округе, — что у одного сеньора на охоте сильно замерзли ноги; вернувшись домой, он захотел их согреть и для этого приказал вспороть живот одному из своих вассалов, куда и сунул потом ноги!..»

Но, несмотря на свой талант рассказчика, жестянщик не был избран в Палату.

Среди множества кандидатов были такие, чья фантазия просто поражала. Один из таких представлял Марсель, и программу его никак нельзя назвать банальной:

«Граждане! При системе Равенства и Братства я совсем недавно убедился, что все мужчины вовсе не равны.

Природа наделила меня благородными чувствами, высоким патриотизмом, большим сердцем, но маленьким ростом.

Я думал, что людей оценивают по их личным достоинствам, а не в сантиметрах роста.

А так как я вовсе не один страдаю от малого роста и изгоев вроде меня в Марселе немало, я предлагаю всем нам собраться в следующее воскресение в 10 часов утра на Плен Сен-Мишель и создать свою компанию. Мы докажем всему миру, что если природа создает маленьких мужчин, то маленькие мужчины способны совершать великие дела.

Республика найдет в нас своих верных защитников…»

Подписант не был избран, хотя в указанный день на встречу явилось огромное количество

невысоких мужчин.

Текст еще одного предвыборного плаката был обращен к двадцати двум тысячам глухонемых Франции:

«Вы нуждаетесь в говорящих друзьях. Если вам нужен голос, защищающий ваши интересы и оповещающий нацию о ваших нуждах, вашим голосом буду я…»

Этому добрейшему человеку не удалось, однако, быть услышанным глухонемыми, которые, если можно так выразиться, отдали свои голоса другим.

Гражданин Мюре, предтеча будущей автоматизации, писал:

«Главное не в том, чтобы организовать работу вообще, а в том, чтобы сделать эту работу легко выполнимой путем применения все большего числа машин. Надо, чтобы рабочих заменили дрессированные собаки и чтобы эти собаки охраняли фабрики».

Наконец, некий гражданин Дювивье так завершил свой длинный и экстравагантный панегирик коммунизму:

«Чтобы внедрить в жизнь наши доктрины и быть готовыми к их последствиям, нужны люди, которым меньше тридцати лет. Нравы тех, кому тридцать и больше, непоправимо испорчены прежним режимом, слишком закоснели, и вряд людям этого возраста удастся избавиться от привычек, ставших для них второй натурой. Всем им следует исчезнуть из общества, чтобы это последнее могло возродиться. Одним словом, следует уничтожить всех, кому тридцать и больше. Все, кому дороги наши принципы и кто всерьез печется об их торжестве, должны поддержать благородную инициативу, добровольно уйдя из жизни, по-философски пожертвовать собой ради возрождения мира и счастья всего человечества».

Нетрудно догадаться, что немногие избиратели отдали ему свои голоса.

Однако вскоре в общественную жизнь вмешались знаменитые Везувианки, само название которых, как мы увидим, свидетельствует об их вулканическом темпераменте…

ПЫЛКИЕ ВЕЗУВИАНКИ ОТОЖДЕСТВЛЯЛИ СЕБЯ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

Для пылкой женщины все поводы хороши…

Марсель Лрево

Все началось 1 марта 1848 года. В этот день ошеломленные парижане смогли прочесть плакат следующего содержания:

«Гражданин Борм-сын, автор многих военных орудий, способных выпускать до трехсот ядер или орудийной картечи в минуту, создатель „греческого огня“ — зажигательной смеси, с помощью которой можно поджечь и пустить ко дну вражеский флот, а также изобретатель средства, благодаря которому две тысячи граждан в состоянии оказать сопротивление пятидесятитысячной вражеской армии, обращается

К ПАРИЖСКИМ ГРАЖДАНКАМ, МОИМ СЕСТРАМ ПО РЕСПУБЛИКЕ

Гражданки, Вам Республика обязана четвертью своего существования, потому что благодаря именно вашим увещеваниям ваши отцы, братья, друзья смогли противостоять картечи 4 февраля.

Вы оказали Отечеству, гражданки, неоценимую услугу, вот почему я обратился к временному правительству с просьбой создать женский полк и назвать его «Везувианским».

Срок службы в нем составит один год. Вступать в этот полк смогут незамужние женщины в возрасте от 15 до 30 лет.

Желающие записаться могут зайти в любой день с полудня до 4 часов дня на улицу Сент-Аполин, где будут записаны ваши фамилия, имя, профессия, возраст и личные просьбы.

Благоденствие и Братство!

Да здравствует, да здравствует и еще раз да здравствует Республика!

Борм-сын».

Г-ну Борму-сыну пришла, как мы видим, глубоко личная идея организовать вечера удовольствий…

Надо ли удивляться, что женщины валом валили на улицу Сент-Аполин, и автору «греческого огня» оставалось лишь выбирать. В конце концов он отобрал из них с полсотни, и они составили не только удалую фалангу, которая должна была

бороться всеми доступными средствами за эмансипацию женщин, но и самый бурный, какой только можно вообразить, гарем.

Вот как современник описывает одно из собраний этого клуба-легиона везувианок:

«Гражданин Борм любит женщин и желает их эмансипации. Это благородная цель, и она уже принесла ему глубокую признательность всех наших сестер по Республике. Каждый вечер этот доблестный эмансипатор приглашает к себе домой молодых женщин, которых усердно наставляет. Его аргументы просты, но очень эффективны:

— Гражданки, — обращается он к ним, — что есть Свобода? Женщина. Что есть Равенство? Женщина. Братство? Женщина. Наконец, кто такая Республика? Тоже женщина. И вам еще хотят помешать участвовать в голосовании, помешать толкать колесницу Нации? Гражданки, временное правительство должно пасть. Да, надо, чтобы оно пало… к вам на колени…

Подобные речи приводили женщин в состояние, близкое к обмороку. На третьем собрании, чувствуя,

что его аудитория созрела, гражданин Борм-сын неожиданно посуровел и добавил:

— Гражданки, чтобы ваши права были признаны, нужно разбить все оковы, которые вас связывают и делают рабынями мужчин. Начните с самого варварского из всех оков рабства: с брака.

При этих словах глаза молодых женщин засверкали.

Откажитесь от пут, привязывающих вас к мужчине и держащих у него в кабале. Пользуйтесь своим телом как свободные люди. Докажите сами себе, что вы существа свободные, и тогда вы получите право называть •себя настоящими республиканками…

При этих словах молодые везувианки пришли в неописуемый экстаз.

— Этот поступок, — продолжал лицемерно г-н Борм-сын, — не должен, конечно, быть запятнан похотью. Речь может идти только о ритуале освобождения, и ни о чем больше…

После чего, опустив глаза, прибавил:

— Этот ритуал, гражданки, я готов выполнить вместе с вами ради Республики единой и неделимой.

И тогда везувианки, вдохновленные чистым порывом республиканских чувств, устремились к г-ну Борму-сыну и попытались сорвать с него одежду.

— Спокойно, спокойно, давайте по очереди, — строго урезонил их гражданин.

— Я! Я! Я! — кричали наперебой везувианки, мечтая улечься

на алтаре Отечества.

Но г-н Борм-сын был методичен и благоразумен:

— По алфавитному порядку, — сказал он. И взяв за руку двух молодых женщин, на которых были помечены их инициалы, он повел их в личные апартаменты. Там, во имя Республики и в силу власти, которую он себе присвоил, он каждой по очереди дал возможность испытать одно из приятнейших ощущений бытия…

Вот так, каждую ночь, благодаря г-ну Борму-сыну, несколько молодых парижанок раскрепощались, не нуждаясь в членах временного правительства…

В ожидании, пока полк будет официально признан, пылкие ученицы гражданина Борма устроили в Бельвиде что-то вроде фаланстера. «Они там жили, питались и к тому же получали по десять франков в месяц», рассказывает Анри д'Альмера. В доказательство равенства полов их одежда, насколько возможно, была приближена к мужской. Большинство из них носило юбку, сюртук с эполетами и маленькое кепи на голове. Некоторые доходили до того, что надевали брюки. Все научились обращаться с оружием. Будучи военнообязанными с пятнадцати до двадцати лет, они сформировали три части: работницы, маркитантки и санитарки.

В один прекрасный день эти молодые гражданки с трехцветным знаменем в руках, на котором они сами вышили золотом «Везувианки», явились к городской ратуше, чтобы изложить свои требования.

А требования их были таковы:

1 — право голоса;

2 — обязательный брак для мужчин в двадцать шесть лет и для женщин в двадцать один год;

3 — обязательное участие мужчин в домашнем хозяйстве.

Представители временного правительства приняли их, иронически улыбаясь. После этого девушки вернулись в свой бельвильский фаланстер, распевая гимн, сочиненный каким-то шансонье.

Надо отметить, что эта акция оказалась их единственной политической манифестацией. Войдя во вкус бурных вечеринок, проходивших ежедневно в обществе г-на Борма-сына, молодые женщины очень скоро превратили свой фаланстер в весьма гостеприимное место, где все влюбленные Республики во имя равенства и братства могли приятно провести время…

Отныне везувианки, которым это название соответствовало все больше и больше, посвящали себя исключительно делу любви. Под предлогом увлечь своими идеями они зазывали к себе

мужчин, которые возвращались от них домой совершенно обессиленными, чего никак нельзя было предположить по напыщенному стилю феминистских манифестов.

Каждый гражданин, приходивший высказаться в их защиту и готовый бороться за эмансипацию, тут же оказывался на огромной кровати и получал вознаграждение от одной или нескольких учениц г-на Борма-сына.

Однажды вечером наши горячие республиканки, устроившие более многочисленное и потому не особенно мирное собрание, куда, разумеется, были приглашены и мужчины, увидели, как один слушатель забрался на эстраду, служившую трибуной, и начал свою речь такими словами:

— Гражданки! Я не смогу быть кратким, предупреждаю сразу, потому что женщина — это такой предмет, о котором приятно говорить долго…

Никогда не знаешь, чем все может кончиться: обрадованные везувианки устроили ему овацию, потом на собственных руках с триумфом внесли в свою спальню, где в конце концов, если верить современнику, «с наслаждением раздели его, уложили на сваленные на пол матрасы, и втроем наградили его чудесным сувениром о первых узаконенных всеобщих выборах…»

К сожалению, те времена ушли в прошлое. В наше время женщины, занимающиеся политикой, не могут похвалиться подобным отношением к тем, кто защищает их права…

КАК Г-Н ЛАМАРТИН БЫЛ ПРИНЯТ ЗА ЖЕНЩИНУ ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Если вы оказываетесь жертвой недоразумения, отнеситесь к этому с улыбкой.

Барон де Мель

26 февраля 1848 года Луи-Наполеон Бонапарт спокойно работал в библиотеке Британского музея. Углубившись в огромный «Трактат по артиллерии», он делал выписки для задуманного им собственного труда «Об искусстве и способе уничтожить как можно больше солдат одним пушечным выстрелом»…

Внезапно какой-то человек, «казавшийся сильно взволнованным», вошел в зал и быстрым шагом направился к принцу. Подойдя, он наклонился к августейшему уху и, забыв произнести приветствие, сказал тихим голосом:

— Луи-Филипп только что отрекся!

В швейцарских колледжах Луи-Наполеон научился думать без спешки. Поначалу он никак не отреагировал. Сидя неподвижно, с полу прикрытыми глазами, он, казалось, повторял про себя услышанную фразу. Через несколько мгновений, однако, что-то в мозгу у него щелкнуло. Он вскочил со стула, взял приятеля под руку и торопливо повлек его к двери, забыв на столе перчатки и зонт.

Через четверть часа принц был на Кинг-стрит. Мисс Говард, только что получившая известия из Франции, ждала его с нетерпением.

— Ваш час настал, Луи, — сказала она. — Кажется, в Париже революционеры разделились. Они не знают пока, какой режим выбрать. Они колеблются, ссорятся и не имеют никакой программы. Их имена неизвестны народу. Они только что создали пустую Республику. Заполнить эту пустоту можете вы. Надо немедленно ехать во Францию!

На лице принца появилось озабоченное выражение. Молодая женщина сразу поняла причину:

— Вы же знаете, что мое состояние в вашем распоряжении.

Обрадованный Луи-Наполеон обнял Херриэт.

— Спасибо, — сказал он. — Благодаря вам меньше чем через год я буду во главе Франции.

После чего, сунув в карман деньги, которые мисс Говард достала из своей шкатулки, он помчался на вокзал, вскочил в поезд и доехал до Фолкстона. Там, вот ведь насмешница-судьба, он поднялся на борт пассажирского парохода, на котором только что в Англию прибыл герцог Немурский, второй сын Луи-Филиппа.

1 марта он был в Париже, где сразу же отправился на улицу Сантье к Вьейару, своему прежнему наставнику в Арененберге. Тот приютил его у себя.

Не теряя времени, принц написал временному правительству письмо:

«Господа, народ Парижа уничтожил последние следы иностранного вторжения, и я спешу встать под знамена Республики».

На другой день, одетый как денди, он нанес визит Ламартину в Министерстве иностранных дел, находившемся на бульваре Капуцинов. Певец Эльвиры принял его с необыкновенной учтивостью, поблагодарил за визит в столь почтительных выражениях, что даже самому раболепному китайцу они показались бы чрезмерными, трогательно поздравил его с тем, что он прибыл послужить Республике, но, однако, позволил себе напомнить принцу, что закон, запрещающий появление на территории Франции членам семейства Бонапарт, не отменен и что, может случиться, какой-нибудь жандарм вскоре явится на улицу Сантье…

Луи-Наполеон, который уже имел опыт семидесяти трех месяцев пребывания в тюрьме, не заставил напоминать себе дважды. Раскланявшись, он оставил костлявого поэта предаваться демократическим грезам, а сам быстро собрал свой багаж и уехал в Лондон.

В течение двух месяцев Луи-Наполеон и мисс Говард внимательно следили по газетам за тем, как разворачиваются события. Они, например, узнали, и это их очень позабавило, что некоторые члены временного правительства, опьяненные властью, уже успели забыть о принципах равенства, которые провозглашали в предвыборных речах, чтобы теперь вовсю насладиться отнюдь не демократическими удовольствиями. Несравненный Ледрю-Роллен раскатывал по городу в королевских каретах, Гарнье-Пажес охотился в Шантильи, Арман Марраст закатывал изысканные обеды в Трианоне, созывая туда весьма галантную компанию, а Фердинанд Флокон переселился в Сен-Клу, где стал владельцем Малого замка.

О г-же Флокон, бывшей гризетке, обронившей знаменитую фразу: «Именно мы являемся принцессами», один журналист

написал в марте 1848-го строки, которыми принц Бонапарт и его подруга особенно наслаждались: «Создается впечатление, что кареты Министерства сельского хозяйства и торговли имеют слишком плохую подвеску, потому что Ее Превосходительство г-жа Флокон отправляет их одну за другой в каретный сарай после одного раза использования. Она заявила, что это не кареты, а какие-то извозчичьи пролетки. Ее Превосходительство в них так сильно трясло, а нервная система у нее такая деликатная, что она теперь в состоянии ездить только в каретах герцогини Орлеанской».

Эта манера подражать прежней знати, изгнанной из страны с оружием в руках, в конце концов вывела из себя народ. Простые люди все чаще задавались вопросом, и не без основания; уж не для этой ли горстки честолюбцев и карьеристов совершалась революция?

Разочарование народа стало еще большим, когда мелкие газетенки стали рассказывать, что новые хозяева Франции ведут себя в частной жизни с той же беззастенчивостью, что и тираны. Подробности их личной жизни стали очень быстро достоянием общественности. Публика узнала, например, что резвая г-жа Флокон была любовницей Ламартина, министра иностранных Дел, и что каждую ночь своими умелыми ласками она отстраняла его от всех дел». Стало также известно, что Ледрю-Роллен, о котором и без того все знали, что он ленивец, чревоугодник и человек чувственный, устраивал в Министерстве внутренних дел приемы, перераставшие в оргии, что умопомрачительные вакханалии происходили и в его особняке, и что в республиканском режиме он ценил лишь «свободу запускать руку под юбки молодых гражданок»…

Так, один журналист писал:

«Гражданин Ледрю-Роллен очень любит женщин. Этот пол и вправду оказал ему большую поддержку. Известно, что он женился на богатой ирландке, соблазненной его исключительно живописно причесанным хохолком, его представительной фигурой и его руладами, а это, в свою очередь, позволило ему во время Июльской монархии субсидировать оппозиционные газеты и тем самым поднять свою популярность.

Но было бы оскорбительным для этого бескомпромиссного республиканца полагать, что его привлекают лишь состоятельные женщины. Не меньшей любовью он любит работниц, чьим единственным богатством оказывается хорошенькая мордашка, упругий бюст и соблазнительные бедра. А всем, кто в этом сомневается, достаточно заглянуть в замочную скважину особняка на улице Гренель…»

Вскоре Ледрю-Роллен прославился во всей Франции как Дон Жуан и распутник, о котором ходили самые невероятные истории. Ему приписывали бесчисленные приключения. Провинциальные газетчики, никогда не слышавшие о певце Эльвиры, умудрились даже поведать, что у министра внутренних дел есть любовница, женщина легкого поведения по прозвищу «Ла Мартина».

Эта выдумка имела такой успех, что во время выборов в местечке Коррез местные жители говорили:

— Мы бы с удовольствием проголосовали за герцога (?) Роллена, но так как он живет с этой потаскухой Мартиной, мы и слышать о нем не хотим…

Все эти сплетни, можно не сомневаться, доставляли огромное удовольствие Луи-Наполеону и мисс Говард, которые чувствовали, что час их приближается хотя и медленно, но неуклонно…

ЛУИ-НАПОЛЕОН ИЗБРАН БЛАГОДАРЯ МИСС ГОВАРД

Всеобщее избирательное право — главный символ демократии.

Анри Барбюс

Согласно некоторым индусским доктринам каждый из нас состоит из множества самых разных личностей, каждая из которых поочередно управляет нашим «поведением».

Поэтому мы, сами того не сознавая, постоянно движимы то нашим «я» карьериста, то льстеца, то безразличного человека, то мистика, то сластолюбца, и т. д.

В апреле 1848 года, когда Франция голосовала, Луи-Наполеон находился во власти своего сверхчувственного «я».

Действительно, принц, зная, что время работает на него, проводил свои послеполуденные часы в комнате на Риджент-стрит в обществе двух мадемуазель, которые среди прочих достоинств обладали обворожительной улыбкой, лукавыми глазками и умелыми ручками, а также широкой кроватью.

Послушаем современника, автора «Лондонского Аргуса»:

«Луи-Наполеон тогда не довольствовался одними, хотя и чрезвычайно волнующими, прелестями мисс Говард. Каждый день после вечернего кофе он покидал Кинг-стрит под предлогом повнимательнее изучить артиллерийские орудия, собранные в лондонском Тауэре, и направлялся в квартиру на Риджент-стрит, где две очень гостеприимные особы встречали его с огромной радостью».

Этим двум особам по имени Элен и Бетси было по восемнадцать лет, и обе они славились в своем деле таким искусством, что заслужили уважение не только представителей высшего лондонского общества, но даже некоторых особ королевского двора. К тому же они называли себя сестрами, что возбуждало у клиентуры повышенный интерес.

Принц познакомился с ними благодаря графу д'Орсе, которому нравился абрис сестер. С первого же дня знакомства принц регулярно навещал их, стремясь с их помощью утолить свое августейшее сексуальное влечение, причиной которого в том году была прекрасная весна.

«Альковные сражения, — сообщает автор нескромной хроники, — происходили в обтянутой небесно-голубой тканью

комнате, на кровати шириной в девять футов (около 2, 75 м), позволявшей осуществление самых смелых затей.

Элен и Бетси рассказывали впоследствии своим друзьям, что во время этих свиданий, происходивших почти ежедневно, Луи-Наполеон продемонстрировал такую мужскую силу, что им не раз приходилось призывать на помощь одну из своих соседок, тоже куртизанку, чтобы он мог полностью утолить потребность в женских ласках…»

После всей этой любовной акробатики принц надевал свои панталоны со штрипками, ботинки, визитку, цилиндр и возвращался вприскочку на своих коротких ножках на улицу Кинг-стрит, где мисс Говард поджидала его, читая французские газеты.

28 апреля он нашел ее в состоянии крайнего возбуждения и сразу подумал, что с континента пришли важные новости.

— У нас есть результаты выборов, — сказала молодая женщина. — Читайте! Читайте! Это невероятно!..

Луи-Наполеон обвел протянутый ему газетный лист потухшим взором и прочел имена, большая часть которых ему была неизвестна. И вдруг принц побледнел: среди избранных находилось немало членов императорской фамилии: принц Наполеон (по прозвищу Плон-Плон), сын короля Жерома, принц Пьер, сын Люсьена, принц Мюрат, внук прежнего Неаполитанского короля…

— На июнь намечены дополнительные выборы, — сказала мисс Говард, — вам следует на них выставить свою кандидатуру. Ваши кузены уже избраны, и нет никаких причин, чтобы вас не избрали…

— Они не являются претендентами на престол, — ответил принц.

— Ну, что ж! Надо создать благоприятное для вас общественное мнение… Повторяю еще раз, мое состояние в вашем распоряжении.

Принц, мисс Говард и верный Персиньи сразу приступили к разработке плана пропаганды. Намечалось нанять журналистов, карикатуристов, авторов песен и договориться с разносчиками, чтобы брошюры с биографией Луи-Наполеона были распространены во всех провинциях. К тому же предполагалось использовать ностальгию по Империи, которую славный Беранже культивировал своими песнями в сознании народа. Все это, разумеется, требовало значительных расходов.

Персиньи подсчитал предстоящие траты. Для финансирования беспрецедентной в истории рекламной кампании требовалось около пятисот тысяч франков .

— Вы получите эти деньги послезавтра, — спокойно сказала мисс Говард.

Но Луи-Наполеон прекрасно знал силу насмешки. Он не сомневался, что, узнай шансонье и карикатуристы об этой финансовой помощи, он станет объектом жесточайших издевательских нападок, от которых ему уже не оправиться. Поэтому было условленно, что для соблюдения приличий молодая англичанка продаст ему в кредит земли, которыми владеет в Римских провинциях, в Чивитавеккья, а он под эти земли возьмет в долг деньги.

Через несколько дней маркиз Палавичино действительно ссудил новому «землевладельцу» шестьдесят тысяч римских экю, то есть триста восемьдесят тысяч франков…

С целью округлить эту сумму мисс Говард продала кое-что из своих драгоценностей, и друзья принца, направляемые энергичным Персиньи, начали предвыборную кампанию. За какие-нибудь несколько недель сотни тысяч гравюр, рассказов, куплетов, напоминавших о победах Великой Армии, тысячи портретов Наполеона и его племянника, тонны лубочных картинок, иллюстрировавших более или менее удачно истории о сером сюртуке, маленькой треуголке, руке, засунутой за жилет, подергивании уха и «Я видел тебя под Ваграмом, ты — смельчак», буквально засыпали французские хижины.

Такая пропаганда не могла не принести плодов, и 4 июня на дополнительных выборах принц был избран сразу в четырех департаментах. Узнав о результатах, толпа, собравшаяся перед городской ратушей, заорала лозунг, подсказанный Персиньи: «Наполеон — мы его изберем!..» И тут вдруг забеспокоились республиканцы. Прудон написал в газете «Народ»: «Еще неделю назад гражданин Бонапарт был лишь черной точкой в раскаленном небе; позавчера он был наполненным дымом воздушным шаром; сегодня это облако, несущее молнию и бурю».

10 июня тысячи людей устремились к Палате депутатов с криками: «Да здравствует Наполеон II», где даже произошла небольшая стычка. Тринадцатого необыкновенно взбудораженное Учредительное собрание собралось на экстренное заседание. Речь шла о том, следует ли признать действительным выбор неудобного принца в депутаты. Ламартин и Ледрю-Роллен самым яростным образом выступали против этого. Зато Жюль Фавр «от имени народа, проголосовавшего за Луи-Наполеона», высказался положительно. Вслед за ним Луи, Блан заявил с пафосом:

— Дайте племяннику императора приблизиться к солнцу нашей Республики, и я уверен, что он исчезнет в его палящих лучах.

Кончилось тем, что депутаты проголосовали за принятие вновь избранного в свои ряды.

Узнав об этих подробностях, Луи-Наполеон, по совету мисс Говард, решил перехитрить всех и использовать самое эффективное в политике оружие — лицемерие. Он обратился к Учредительному собранию с письмом, в котором со смирением заявлял, что коль скоро его избрание служит поводом для достойных сожаления неприятностей, он предпочел бы «ради поддержки мудрой Республики» подать в отставку. Прибавив, однако, при этом, что, если народ возложит на него определенные обязанности, он готов будет их выполнить…

Этот ловкий маневр еще больше увеличил его популярность, потому что простой народ сразу понял, что принц попросил об отставке под нажимом правительства…

Прошло два месяца, и за это время Персиньи с друзьями в полной мере использовал недовольство французов (закрытие Национальных мастерских спровоцировало в июне кровавые столкновения), организовав клубы бонапартистов.

Для финансирования возрождения бонапартистского движения нужны были дополнительные средства. Мисс Говард, испытывавшая все больший прилив чувств к своему великому спутнику, продала свои конюшни, свое серебро и те немногие драгоценности, которые у нее еще оставались.

Все эти жертвы были далеко не бесполезны: 17 сентября, во время вторых дополнительных выборов принц был избран уже в пяти департаментах, в частности в департаменте Сены, где он получил более ста тысяч голосов. Это уже было началом плебисцита…

На сей раз Луи-Наполеон принял свой мандат, выразил желание стать депутатом от департамента Ионна, сел на корабль и отплыл во Францию. В Париже он поселился на Вандомской площади в Рейнском отеле. Уже на следующий день вслед за ним прибыла мисс Говард, которая остановилась в отеле Мюрис на улице Риволи…

26 сентября сын королевы Гортензии впервые появился в Учредительном собрании, а 11 октября закон о высылке, направленный против семейства Бонапарт, был отменен.

Мисс Говард могла гордиться. Это ведь благодаря ей ее любовник, на глазах у изумленных февральских политиков, совершил маленький государственный переворот…

Первое появление принца-депутата на трибуне Палаты было не особенно блестящим. Лишенный дара импровизации, он вынужден был зачитывать свои выступления и делал это с

сильным немецким акцентом, искажая слова, отчего сразу же был расценен членами Учредительного собрания как личность малозначительная.

Г-н Тьер, выпятив грудь, воскликнул:

— Ха, а он не особенно силен, этот принц Бонапарт. Этого кретина нетрудно будет вести за собой…

А Ледрю-Роллен добавил своим важным и поучающим голосом:

— Да, господа, он глуповат. Впрочем, он уже пошел на дно, ..

После чего, довольный найденной окончательной формулой, прошелся немного по коридору, чтобы осчастливить восхищенных депутатов зрелищем своей прекрасной головы.

Все эти кулуарные разговоры, естественно, передавались мисс Говард. Тонкая штучка, она вовсю поздравляла с этим принца:

— Браво, Луи! Нет ничего лучше, чем прослыть у своих противников за человека необидчивого. Так мы вернее достигнем своей цели.

Целью же было стать президентом Республики.

На протяжении трех месяцев, благодаря средствам мисс Говард, которая на этот раз уже продала свою мебель и дом в Лондоне, не считая еще кое-каких драгоценностей, была снова проведена энергичная пропаганда. Были использованы все возможные средства, чтобы заставить французов помышлять только о принце. По совету молодой англичанки, к делу даже привлекли ловких карманных воришек, которым платили за работу золотыми монетами.

Вот что рассказывает Альфред Нейман:

«Эти люди ничего не крадут у вас, а совсем наоборот, делают вам подарки. Вот прохожий, желающий утереть нос, лезет в карман за носовым платком и нащупывает там рукой небольшой твердый предмет. Он сразу забывает высморкаться, потому что ему любопытно, что там лежит. Прохожий достает из кармана жестяной медальон с изображением орла под большой буквой N, снабженный или крючком, или пуговкой.

Человек начинает размышлять. Откуда этот орел мог попасть к нему в карман? Где-нибудь в толпе на площади Бастилии? Прохожий возвращается туда и на этот раз с удивлением открывает глаза: на площади стоит человек, просто одетый, в петлице которого укреплен орел, более того, человек этот идет навстречу:

«Держи, товарищ!» И он протягивает прохожему маленькое трехцветное знамя, увенчанное буквой N и снабженное булавкой.

На обороте флажка можно прочесть: «Да здравствует Луи-Наполеон!» Прохожий продолжает свой путь в раздумье. У дверей церкви Св. Павла продают портреты императора Наполеона. Человек, торгующий портретами, держит их веером, как карты, и все время повторяет, не повышая голоса:

«Одно су! Всего одно су!» К его шляпе также приколото маленькое трехцветное знамя. Прохожий знает, что написано на обороте, и чувствует себя в некоторой степени заговорщиком. Он протягивает монету и получает свою карту. На ней довольно примитивно изображен портрет Наполеона, под которым стоит подпись: «Человек». Улыбнувшись, прохожий возвращает ему карту и берет другую, на которой изображен маленький бородач, а под ним подпись: «Племянник человека» .

Так что, пока друзья Ледрю-Роллена и Тьера посматривали на Луи-Наполеона с ухмылкой, пропагандисты, оплаченные влюбленной женщиной, незаметно подготавливали страну к настоящему плебисциту.

Президентские выборы состоялись 10 декабря. И уже на следующий день, благодаря телеграфу, результаты были сообщены в Учредительное собрание. К ужасу присутствующих оказалось, что из 7 327 345 проголосовавших 5534226 отдали свои голоса принцу Луи-Наполеону. Остальные кандидаты были просто раздавлены. Вот как распределились остальные голоса:

Кавеньяк 1 448 107
Ледрю-Роллен 370119
Распай 36920
Ламартин 17940
Шангарнье 4 790
Кроме того, было 12600 человек, не явившихся голосовать.

Так что любовь опрокинула все хитроумные планы февральских политиканов.

20 декабря Луи-Наполеон был провозглашен президентом Республики. Поклявшись «оставаться верным демократической Республике, единой и неделимой, и исполнять свой долг, предписанный Конституцией», принц отправился в Елисейский дворец, в котором теперь собирался жить.

Он сразу позаботился о том, чтобы приблизить к себе мисс Говард. 22 декабря он снял для нее маленький особняк на Цирковой улице. Его служебные помещения выходили на улицу Мариньи. Чтобы перейти из президентского парка в парк дома своей любимой, Луи-Наполеону достаточно было пересечь этот спокойный и пустынный участок.

С первого же вечера принц-президент, не оповестив охрану,

украдкой выскользнул из Елисейского дворца и явился к Херриэт.

Как об этом с улыбкой рассказывает мемуарист барон де Серикур, «принц заходил поблагодарить ее за все оказанные ему услуги, используя для этого те средства, которыми его наделила природа…».

24 декабря Луи-Наполеон верхом на своей кобыле Лиззи провел смотр войск первой дивизии. Мисс Говард тоже при этом присутствовала, сидя в открытой коляске.

Толпа, конечно, ее приметила, и рядом с графом де Флери, который об этом и рассказал, один парижанин восхищенно воскликнул:

— Кто же это сказал, что у Луи-Наполеона нет ума? Ведь он вывез из Лондона самую красивую в мире женщину и самую лучшую в мире лошадь!

Скоро вся Франция узнала, что у принца-президента есть фаворитка несравненной красоты и что «ум этой молодой англичанки равноценен ее элегантности».

«К сожалению, — продолжает свой рассказ граф де Флери, — ее не устраивала роль пьедестала, подобно лошади; и были все основания опасаться, что очень скоро она станет причиной серьезных беспокойств».

Все это стало заметно на следующий год, когда Луи-Наполеон, совершая путешествия престижа по городам провинции, приказал реквизировать в Туре дом некоего г-на Андре, генерального сборщика налогов, который в тот момент жил на даче в Пиренеях. Принц реквизировал дом, чтобы поселить в нем графа Бачиоки, мисс Говард и одну даму из свиты.

Г-н Андре был убежденным протестантом. Узнав, что любовница президента Республики поселилась у него в доме, он пришел в неописуемую ярость и послал письменный протест председателю Совета Одилону Барро:

«Неужели мы снова вернулись в те времена, когда за любовницами королей по всем городам Франции тянулся шлейф скандалов?» — спрашивал он.

Одилон Барро поручил своему брату Фердинанду, генеральному секретарю президиума, сообщить об этом письме принцу.

Тот взял свое самое лучшее перо и написал не без юмора ответ:

«Месье,

Ваш брат показал мне письмо г-на Андре, на которое я бы не счел нужным ответить, если бы в нем не содержались ложные факты, требующие опровержения.

Одна дама, к которой я питаю живейший интерес, в

сопровождении своей приятельницы и двух особ из моего дома, пожелала взглянуть на карусель в Самюре; оттуда она приехала в Тур; опасаясь, что не найдет, где остановиться, она заранее просила меня об этом позаботиться. Когда я прибыл в Тур, я сказал советнику префектуры, что он доставит мне огромное удовольствие, если подыщет квартиру для графа Бачиоки и для его знакомых дам. Случай и несчастливая звезда привели их, если не ошибаюсь, в дом г-на Андре, где, не знаю, почему, кому-то показалось, что одну из дам зовут Бачиоки.

Дама же никогда не пользовалась этим именем; если ошибка и имела место, то по вине иностранцев, помимо моей воли и воли упомянутой дамы. Теперь я желал бы знать, почему г-н Андре, не потрудившись выяснить правду, хочет сделать меня ответственным и за выбор именно его дома, и за ошибочно приписанное даме имя? Домовладелец, полагающий своей главной заботой копание в прошлой жизни тех, кого принимает, а затем описание всего, что узнал, вряд ли понимает гостеприимство как благородное дело… Сколько женщин в сто раз менее чистых, в сто раз менее преданных, в сто раз менее достойных извинения, чем та, что остановилась у г-на Андре, были бы приняты со всеми возможными почестями тем же г-ном Андре, только потому, что носят имя мужа и прикрывают им свои любовные связи?

Я ненавижу этот педантичный ригоризм, который всегда с трудом скрывает сухую душу, снисходительную к себе и безжалостную к другим. Истинная религия не может быть нетерпимой; истинная религия никогда не станет поднимать бурю в стакане воды, создавать скандал на пустом месте и превращать в преступление простое недоразумение или извинительную ошибку.

Г-н Андре, пуританин, как мне сказали, видно, недостаточно размышлял над тем местом в Евангелии, где Иисус Христос, обращаясь к душам столь же мало милосердным, как и душа г-на Андре, говорит об одной женщине, которую хотели забить каменьями: «Пусть тот бросит…» И пусть г-н Андре воспользуется этой моралью. Что до меня, то сам я никого не обвиняю и признаю себя виновным в том, что искал в незаконных связях любовь, в которой нуждалось мое сердце. А так как до настоящего момента мое положение не позволило мне жениться, так как из-за множества государственных забот у меня нет, к несчастью, в собственной стране, где меня так долго не было, ни близких друзей, ни привязанностей детства, ни родных, где бы я мог почувствовать тепло семейного очага, мне, я полагаю, можно простить привязанность, которая никому не причиняет зла и

которую я не стремлюсь афишировать.

Так что, возвращаясь к г-ну Андре, хочу сказать, что, если он считает свой дом запятнанным пребыванием в нем незамужней женщины, я прошу вас сообщить ему, что со своей стороны крайне сожалею, что женщина столь искренней преданности и столь возвышенного характера случайно попала в дом, где под маской религии царит лишь кичливость показной добродетелью, начисто лишенной христианского милосердия.

Используйте мое письмо так, как сами сочтете нужным».

Одилон Барро не решился переслать это восхитительное письмо г-ну Андре…

ГРИВУАЗНОЕ ЧТИВО ЛУИ-НАПОЛЕОНА

Книгу можно простить, если только она учит чему-нибудь…

Вольтер

Если в буржуазных кругах резко осудили любовную связь принца-президента, то простой народ, напротив, был в восторге от того, что удалось поставить во главе страны человека, способного оценить женские прелести, задрать юбку какой-нибудь мадемуазель и, зажав ее между двух дверей, продемонстрировать свою несравненную мужскую силу…

Луи-Филипп за восемнадцать лет своего правления надоел всем до смерти своей благоразумностью и супружеской верностью.

— Этот король французов отличался тем, что разговаривал с женщинами совсем не как король и даже не как француз!..

Разбитной Луи-Наполеон взбодрил свой народ.

— Ну, этот, — говорили люди, подмигивая друг другу, — этот из наших. Он любит женщин, как настоящий император.

Слова простых людей скрупулезно передавались принцу, который, в свою очередь, поздравлял себя с тем, что в его руках оказались судьбы столь широко мыслящего народа.

Поэтому каждый вечер, нисколько не прячась, а скорее наоборот, он покидал Елисейский дворец и шел навестить мисс Говард в ее очаровательном маленьком особнячке на Цирковой улице. Там, чувствуя себя совершенно раскованно, как рассказывает д-р Эванс американский дантист, пользовавший прекрасную англичанку, «принц-президент проводил свои вечера, пил кофе, выкуривал сигарету, поглаживая лежавшую у ног или сидевшую на коленях свою черную собаку».

Дантист, бывавший у мисс Говард регулярно, добавляет:

«Ему (принцу) доставляла большое удовольствие музыка, звучавшая во время этих вечеров, хотя он и не был большим меломаном, в чем сам признавался. Больше всего он искал в этом доме ощущения, что находится у себя, а также возможности побеседовать с наиболее близкими людьми».

Почтенный д-р Эванс не упомянул главного, а именно, что Луи-Наполеон являлся на Цирковую улицу не для интимных бесед и не для отдыха у камина, а чтобы оказаться в постели мисс

Говард.

Как только прочие гости покидали особняк, принц спешно увлекал Херриэт в спальню и, на ходу задирая ее юбки, начинал проявлять чисто мужскую учтивость. И только потом оба, наконец, полностью раздевались и самыми изысканными способами старались доставить друг другу удовольствие…

Когда им удавалось погасить на несколько часов воодушевлявший их святой огонь, мисс Говард, улыбающаяся и удовлетворенная, засыпала, а президент Республики возвращался в свой дворец.

Сама мисс Херриэт никогда не появлялась в этом дворце. И не потому, что тому препятствовал формальный этикет, а просто потому, что во дворце в качестве хозяйки выступала другая женщина.

Женщиной этой была кузина и экс-невеста принца, принцесса Матильда, ставшая теперь первой «дамой» режима.

Дочь короля Жерома главенствовала на всех приемах и балах; кроме того, она лично занималась библиотекой принца. Зная развращенный нрав Луи-Наполеона, она старалась подыскать ему самое легкое и фривольное чтиво. Одна из книг подобного толка дошла до нас.

Она имела вполне невинное название: «Топографическое, историческое, критическое и новейшее описание страны и окрестностей Черного Леса, расположенного в провинции Мерриленд (весьма свободный перевод с английского)».

Несколько отрывков из этого опуса могут дать представление о литературных вкусах принца-президента:

«Мерриленд, или Земля радости — обширный участок континента, который в верхней своей части, то есть на севере, ограничен невысокой горой, называемой Венерин холм и покрытой нежнейшим мхом.

С первого же моего вступления в эту благоуханную землю я сделал все, что было в моих силах, чтобы как можно лучше узнать местонахождение Мерриленда. Я рассмотрел его с самых разных точек зрения.

Среди множества прочих вещей я постарался узнать долготу и широту этой земли и могу сказать, что мои собственные наблюдения не были отмечены слишком уж большим числом ошибок, поскольку я пользовался самым лучшим из возможных измерительных инструментов.

При моем посещении Мерриленда мой инструмент бывал ничуть не меньше, чем у любого другого. Но несколько лет спустя, когда я снова оказался в знакомом месте и повторил свои опыты, я нашел, что и долгота, и широта увеличились на

множество градусов, хотя я и занял прежнюю точку наблюдения, да и пользовался тем же инструментом, что и в первый раз.

Оставим другим выяснять, в чем истинная причина такого феномена. Сам же я считаю, опираясь на свой постоянный опыт, что такое поразительное увеличение происходит всякий раз после того, как земля плодоносит, таковы уж неизбежные последствия двух или трех Урожаев, после которых вы с трудом узнаете знакомую местность, которую некогда сами обрабатывали. Но самое печальное то, что плодородие земли отнюдь не единственная причина ее последующего расширения; сама многократно повторяемая вспашка земли, пусть даже неблагодарная почва не дает урожая, производит едва ли не тот же эффект.

В общем же, край этот столь приятен, что путешественник, имеющий возможность туда попасть, испытывает невыразимое наслаждение, еще только приближаясь к нему, и наслаждение это растет.

Невозможно рассказать о каждой части Мерриленда в отдельности; лучше ограничиться тем, что в ней есть самого замечательного.

1. В конце большого канала, с приближением к твердой земле вы наталкиваетесь на два форта, именуемых Губными, между которыми необходимо во что бы то ни стало пройти, если вы хотите проникнуть в глубь страны. Укрепления эти, впрочем, представляют не бог весть какую непреодолимую преграду, хотя там есть куртины, оборонительные сооружения, крепостные стены, ну и т. д. Иногда они могут защитить главный вход, но крайне редко или никогда, а уж мощной атаки им ни за что не выдержать.

2. Вблизи фортов находится метрополия, то есть столица, которую называют Клиториполис. Эта часть у женщин самая драгоценная; не будь ее, им незачем было бы беспокоиться об остальной части империи. Они так привязаны к этой столице, что можно подумать, именно там обретается их душа. Истинное удовольствие они испытывают именно в этом блаженном месте. Там местопребывание, престол их высшего счастья.

3. В самом дальнем конце канала, о котором уже упоминалось, находится склад драгоценностей, именуемый Утробия.

В свое время Плавт так охарактеризовал эту область:

Морю подобна она, все, что ни кинь, пожирает. Дайте сверх меры ей даже, скажет она вам: «Еще». Склад этот имеет совершенно особую конструкцию; надо отправиться в Мерриленд, чтобы найти такое. Он так удивительно устроен, что его размеры

всегда зависят от того, что он содержит, иначе говоря, без специальных приспособлений и без какого-либо насилия, он расширяется или сужается более или менее в соответствии с тем, что туда вкладывают.

Всем известно, что Мерриленд обитаем со времен грехопадения Адама и что без него, нашего прародителя, земля эта не стала бы нашей колонией. Древние патриархи очень тщательно обрабатывали эту землю. Давид и Соломон совершали туда частые поездки, да и многие из наших королей почтили сей край своим августейшим присутствием и своим особым покровительством. Франциск I у французов. Карл II у англичан поддерживали тесный союз с Меррилендом, отчего в свое время пользовались особым почетом. Да и их наследники не пренебрегали этой страной. Некоторые испытали там неисчислимые удовольствия, и очень часто успех в делах, обсуждавшихся на Государственном совете, зависел оттого, в каком состоянии находились отношения монархов с самой любимой частью Мерриленда».

Очень скоро принц-президент доказал, что по этой части ему не в чем завидовать Франциску I…

Мисс Говард очень страдала оттого, что не была принята в Елисейском дворце. Ей, которая сделала все возможное, отдала все, что имела, чтобы Луи-Наполеон достиг наивысшего положения в государстве, теперь приходилось довольствоваться лишь отзвуками праздничных вечеров и искрометных вальсов, доносившихся из президентского дворца в ее особнячок.

В иные вечера ей случалось, взобравшись на колени к принцу, с нежностью вопрошать, когда же он позволит ей «перейти улицу»…

Луи-Наполеон напускал на себя смущенный вид и отвечал:

— Я очень опасаюсь, что Матильда устроит вам афронт. Она ужасна. Поскольку у вас есть любовник и ребенок, рожденный вне брака, она будет вас игнорировать и произносить в вашем присутствии оскорбительные слова, которые станут причиной ваших бесконечных мучений. Я не хочу, чтобы вы были унижены…

А между тем принцесса Матильда отнюдь не была недотрогой. Мисс Говард, как и весь Париж, хорошо знали ее прошлое. Когда ей было двадцать лет, отец буквально продал ее графу Анатолю Демидову, богатейшему боярину, жившему в невероятной роскоши во Флоренции. Свадебное путешествие молодожены совершили в Санкт-Петербург. Матильда сразу поняла, что ее муж отличается самым ревнивым и самым свирепым характером, какой только можно вообразить.

Настоящий казак, он хлестал нагайкой прислугу, давал пощечины гостям, разбивал ударом трости столовую посуду, если суп оказывался недосолен.

В 1841 году супруги Демидовы поселились в Париже. Но если французская аристократия горячо принимала племянницу императора, то Анатоля никто принимать не желал. Предместье Сен-Жермен находило его манеры чересчур варварскими. Обозленный этим, он решил вернуться во Флоренцию. Там, к несчастью, его ревность приняла совсем уж чудовищные формы, и он начал поколачивать бедняжку Матильду. На глазах у каменевшей от ужаса челяди разворачивались дикие сцены. Истерзанная пощечинами и ударами сапога, несчастная принцесса могла только плакать, запершись у себя в комнате и не смея никому пожаловаться.

Из Флоренции супруги вновь отбыли в Санкт-Петербург. Вот там-то и разразился скандал. В один из вечеров, когда царь давал бал, Демидов отказался взять с собой Матильду и отправился в Зимний дворец один. Принцесса тотчас же приказала подать сани и везти себя на бал. Увидев ее входящей в зал, Анатоль побледнел от гнева и направился было к ней, чтобы вышвырнуть жену вон. Матильда подбежала к царю, бросилась к его ногам и, уронив с плеч газовый шарф, обнаружила перед всеми покрытую кровоподтеками кожу.

— Кто это сделал? — спросил царь.

— Мой муж… Спасите меня от этого человека!

Николай, оскорбленный подобным обращением со своей кузиной , направился к Демидову и отчитал его. Анатоль поклялся, что исправится, но через несколько недель отхлестал Матильду прямо на балу.

На другой же день молодая женщина явилась к царю, и тот собственным указом расторг брак супругов.

С тех пор Матильда жила в Париже со скульптором, который был — как все-таки судьба любит забавные ситуации — правнуком м-м Пате, фаворитки Людовика XV…

Это вполне официальное сожительство, казалось, должно было сделать Матильду более снисходительной в отношении мисс Говард. Но ничуть не бывало. Совсем напротив, она относилась с пренебрежением и даже презрением к этой «девке с ребенком», не сумевшей упрятать свои проделки за тем, что Сент-Бев называл «занавесом, который женщины приобретают, выходя замуж…».

Вот почему мисс Говард никогда не появлялась в Елисейском дворце.

Но принцессе Матильде было мало мешать Луи-Наполеону принимать Херриэт у себя во дворце, она еще изо всех сил старалась окончательно разлучить влюбленных. Зная пылкий темперамент принца-президента, она побуждала его почаще бывать в Опере, где танцовщицы — она это хорошо знала — в общении с титулованными политиками потеряли уже последний стыд. Следуя советам своей кузины, Луи-Наполеон оказался участником, если верить газетным хроникерам, довольно пикантной истории.

Вот что об этом рассказывает автор «Любовных увлечений Наполеона III»:

«Однажды президент, заметив в Опере очень миленькую танцовщицу, чьи восхитительные ножки заставляли мечтать о прочих, более вожделенных сокровищах, страстно захотел обладать ею. Тогда он поручил своему „поставщику“ Бачиоки предупредить объект своего каприза и сообщить о своем желании. Бачиоки написал девице записку, где сообщал, какое нежданное счастье ей привалило, и послал с нарочным, который должен был привести означенную танцовщицу к принцу. Но по роковой ошибке вестник с запиской все перепутал и вручил письмо сестре танцовщицы, пышнотелой особе, совмещавшей профессию фигурантки с профессией куртизанки, несмотря на то, что ее могучими прелестями клиенты почему-то пренебрегали.

Получив столь счастливое известие, она просто в себя не могла прийти от изумления и оттого самым спешным образом последовала за своим проводником.

По прибытии ей было сказано подождать, но принц недолго медлил и скоро вышел к гостье навстречу; от нетерпения добраться побыстрее до некоторых ее прелестей, о которых он все это время грезил, принц не обратил внимания на лицо своего нового завоевания, а лишь пожирал глазами и руками все остальное и, судя по всему, «остальное» оказалось настолько в его вкусе, что дальнейшее доставило ему громадное удовольствие и заставило его многократно испытать минуты величайшего сладострастия…

…Он было собрался с еще большим жаром повторить испытание и второй, и третий раз, но тут кто-то сильно постучал в дверь его спальни. Это оказался Бачиоки, который неожиданно обнаружил ошибку по сильного и теперь явился с танцовщицей.

— Принц, — сказал он через дверь, — вы оказались жертвой ошибки; мы немножко перепутали… Теперь я привел ту, которая получше: я привел хорошенькую танцовщицу… А та, что у вас сейчас, — всего лишь ее толстуха-сестра!

Но Бачиоки пришел в неподходящий момент и стучал

напрасно: принц находился в состоянии полного блаженства и ничего не слышал.

Наконец после нескольких минут ожидания дверь в спальню открылась. Галантный меркурий стал путаться в извинениях, не зная, как испросить себе прощение.

Луи-Наполеон улыбнулся, затем, отослав молодую особу, которой только что наслаждался, предложил войти вновь прибывшей и в еще не остывшей постели самым очевидным образом выразил ей свою глубочайшую симпатию…»

Эта история мгновенно облетела буквально всех, от дворцов до хижин, и надо сказать, что простой народ после этого проникся еще большим восхищением своим необыкновенно галантным президентом…

РАШЕЛЬ ВЛАСТВУЕТ В ЕЛИСЕЙСКОМ ДВОРЦЕ

Она превратила президентскую постель в маленький театр, где выступала, если можно так выразиться, с поднятой ногой…

Д-р Жан Герино

Маленькие танцовщицы из Оперы послужили лишь закуской для Луи-Наполеона. Однако, возбудив свой аппетит этими легкими закусками, он очень скоро пожелал отведать более пряной пищи и обратил свой потухший взор на великих актрис своей эпохи. Дядя Луи-Наполеона был любовником м-ль Жорж. Сам он пожелал выступить в той же роли при Мадлен Броан.

Знаменитой комедийной актрисе в то время было семнадцать лет. Она была не только прелестна, но обладала еще и искрящимся остроумием. Весь Париж то и дело повторял сказанные ею остроты.

Однажды, когда она сообщила о своей помолвке приятельнице, та, рассчитывая ее задеть, сказала:

— Мне давно известно, что твое будущее — это мое будущее в прошлом.

— О, мадам, — нежно проворковала в ответ Мадлен Броан, — поверьте, я и не надеялась найти мужа, которого вы бы не знали раньше…

Как-то вечером, на улице д'Антен, когда к ней подошел некий весьма предприимчивый господин, который до этого довольно долго следовал за ней, она сказала сухо:

— Вы ошибаетесь, месье, я — честная женщина.

Но потом, кинув взгляд на незнакомца, оказавшегося очень красивым молодым человеком, добавила со вздохом:

— Поверьте, я бесконечно сожалею.

В другой раз, в гостиной, рассказывая собравшимся какую-то историю из собственной жизни, она слишком быстро перешла к другому эпизоду, и тогда друзья запротестовали и стали требовать подробностей. Мадлен упорно отказывалась. Одна дама, несколько уязвленная и к тому же плохо воспитанная, сказала ей:

— Наверное, мадам, это что-то слишком уж гадкое, если вы так упорно скрываете подробности случившегося.

Мадлен Броан ответила, улыбаясь:

— Не думаете ли вы, что я ношу одежду, чтобы скрыть недостатки своего телосложения?

Однажды вечером при выходе из театра кто-то из ее приятельниц сказал с несколько ехидной интонацией:

— Знаете ли вы, моя дорогая, что вы на самом деле куда лучше, чем ваша репутация? Мне говорили, что вы злая…

— О, — ласково ответила Мадлен, — что бы мы делали, если бы пришлось верить всем… Мне, например, говорили, что вы добрая…

Ее острый ум проявлялся буквально в каждом случае. Друг, с которым она жила, заметил ей однажды, что она слишком много тратит, и она пообещала вести тетрадку с записями своих расходов. В тот же вечер она приступила к делу и записала:

Подала бедняку……. 5 фр.

Корм для птичек….. 0 фр. 10

Разное……. 1000 фр.

Принцу-президенту все это было известно. Он также знал, что в Мадлен Броан все было соблазнительно и что в ее глазах, груди, ногах было столько же ума, сколько в голове. Поэтому он подумал, как было бы неплохо заманить к себе в постель эту изысканную девушку, которую каждый вечер желали тысячи приходивших в театр зрителей.

Для начала он послал к ней своего верного Флери. «Главный распорядитель президентских удовольствий» вернулся в Елисейский дворец с мрачным лицом.

— Она отказывается прийти пообедать с вами наедине и швырнула мне в лицо конверт, который вы просили ей передать. Она была просто в ярости и сказала, что не продается .

Принц-президент закурил сигарету и, не говоря ни слова, пошел прогуляться по парку.

Вечером, несмотря на правительственный кризис, длившийся уже шестой день, во дворце Сен-Клу был устроен обед. Виконт де Бомон-Васси, присутствовавший на этом обеде, рассказывает, как переживал свою неудачу Луи-Наполеон:

«Обед прошел невесело; принц был явно озабочен, и правительственный кризис, который мы тогда переживали, вполне объяснял, как мне казалось, эту озабоченность, следы которой явно читались на его бледном лице. Как же я был далек от истинной причины его состояния! Только потом я узнал, что было предметом его размышлений в тот вечер, а главное, что это не имело ничего общего с политикой. Какой же он все-таки странный и непостижимый исторический персонаж! В то время как все думают, что он поглощен важными государственными

делами, принц, оказывается, думал лишь о категорическом отказе этой известной актрисы (факт и впрямь крайне редкий) и о том, что предпринять, чтобы взять блистательный реванш с какой-нибудь другой не менее значительной актрисой .

Этой «другой» предстояло стать маленькой смуглой израильтянке, наделенной, однако, исключительным талантом.

Ее звали Рашель.

Великой трагедийной актрисе было тогда тридцать лет. Принц-президент, не раз аплодировавший ей еще в Лондоне, куда она приезжала в 1845 году, поручил своему неизменному Флери пригласить актрису на обед в Елисейский дворец.

Рашель пришла и покинула дворец только на следующее утро.

Эта легкая победа вернула уверенность Луи-Наполеону. Гордый своей удачей, он стал регулярно приглашать ее во дворец, и очень скоро Рашель без особого труда превратилась в завсегдатая елисейских гостиных. На эту тему есть свидетельство Арсена Уссе. Писатель был приглашен в президентский дворец и встретил там Рашель, чувствовавшую себя вполне свободно. Послушаем его рассказ:

«Когда я приехал в Елисейский дворец, меня ввели в первую гостиную, потом во вторую, потом в третью, где я увидел идущую мне навстречу с улыбкой м-ль Рашель. Было полное впечатление, что она здесь как дома. Впрочем, разве она не везде себя так чувствовала? Но, как оказалось, с некоторых пор она была здесь „хозяйкой дома“.

Принц-президент был человеком ветреным. После Рашель ему захотелось познакомиться с Алисой Ози, обаятельной девушкой, блиставшей в театре «Варьете». Алиса уже была или собиралась стать любовницей Теофиля Готье, Теодора де Банвиля и художника Шассерио, который только что написал с нее картину «Спящая нимфа».

Она была страшно польщена приглашением президента Республики и примчалась в Елисейский дворец вслед за Флери.

После ужина Луи-Наполеон попросил ее предстать перед ним в том виде, в каком она позировала Шассерио. Молодая женщина покорно подчинилась. И тогда принц отнес ее на софу и на некоторое время забыл о достоинстве, которое неотделимо от обязанностей президента Республики…

Алиса Ози больше не вернулась в Елисейский дворец. Через несколько дней после ее посещения Луи-Наполеон нашел на своем письменном столе гравюру довольно фривольного содержания, которая заставила его задуматься. Гравюра

представляла молодую комедиантку, совершенно обнаженную, в галантной компании, при этом обе руки ее заняты. Подпись гласила: «Кутящая Ози с полными руками…»

Принц-президент решил впредь обращать свои взоры только в сторону светских женщин…

Верный Флери, бывший главным устроителем всех забав принца-президента, занялся выискиванием грациозных созданий, главными достоинствами которых должны были быть упругая грудь, приятной округлости ягодицы, темперамент раскаленных угольев и имя, принадлежащее высшему свету.

Но удалой адъютант, к сожалению, с трудом различал свет и полусвет. И потому однажды вечером привел в Елисейский дворец некую м-ль де Б., дочь колбасника с улицы Сен-Виктор, у которого благодаря щедрости некоторых господ была довольно богатая упряжка. Его дочь без малейших колебаний распорядилась прикрепить к своей карете герб. Эта псевдоаристократка тщилась казаться настоящей и напускала на себя важный вид, от которого в частной жизни ей мало что удавалось сохранить.

Встреча с Луи-Наполеоном была приукрашена довольно живописным инцидентом. Вот как об этом рассказала молодая женщина на следующий день в кругу друзей, один из которых записал ее рассказ в своих «Мемуарах».

«Вы все знаете Флери, адъютанта президента Республики. Так вот, господа, этот важный человек вчера похитил меня между одиннадцатью часами и полуночью. Карета похитителя везла меня таинственным путем, пока мы, наконец, не въехали в парк; вскоре я предстала перед самым высокопоставленным и самым могущественным человеком нашего времени. Нам подали совершенно изысканный ужин. Ах, если бы вы только знали, какой любитель выпивки этот высокий и могущественный человек! Я, конечно, сразу поняла, чего он. хочет от меня. Поэтому не стала ломаться и сделала все, что было в моих силах, а так как по части подобных удовольствий он не терпит, как я поняла, никаких ограничений, то и постаралась обеспечить ему столько наслаждения, сколько он мог пожелать. Он у меня дошел до полного изнеможения. Потом мы еще немного выпили, и тут меня неожиданно прихватила маленькая нужда. Да, вот именно, мне безумно захотелось пипи. В такие минуты я обычно не особенно стесняюсь.

— Мой принц, — сказала я ему, — не желаете ли подойти к окну и спеть песенку королевы Гортензии…

Не понимая, почему мне вдруг взбрело в голову послушать песню, сочиненную его матерью, он, однако, подошел к окну и

запел своим довольно красивым басом.

Пока он пел известный вам приятный романс, барабаня пальцами по стеклу, я подошла к ночной тумбочке, всегда стоящей у изголовья, открыла ее и облегчилась. Заметив мою уловку, президент расхохотался так, что минут пятнадцать держался за бока. Когда же успокоился, то открыл свой секретер и сказал мне:

— Возьми, ты такая смешная, что заслуживаешь двойного вознаграждения…

И дал мне десять тысяч франков .

Несмотря на то, что эта неожиданная сцена очень его развеселила, будущий император постарался поточнее объяснить Флери, чего он хочет в будущем, а именно, подлинных светских женщин. Тогда адъютант стал всматриваться взглядом знатока в более избранные круги, а тем временем принц-президент и сам вел свою маленькую охоту. В результате столь мощных усилий в президентскую постель удалось уложить очаровательную маркизу де Бельбеф.

Эта связь длилась несколько месяцев, и Луи-Наполеон в восторге оттого, что может проявить себя с дамой из хорошего общества, не позаботился о том, чтобы скрыть узы, связывающие его с красивой маркизой. Даже напротив того. Вьель-Кастель рассказывает, что 15 августа на балу, проходившем в замке Сен-Клу, многие видели, что президент «хватал за ляжки г-жу де Бельбеф и что та при этом не казалась ни удивленной, ни взволнованной».

Скорее всего она уже привыкла к этому в частной жизни.

По истечении какого-то времени Луи-Наполеон, по-прежнему сохранявший нежные чувства к мисс Говард, без которой все для него сложилось бы совсем не так, как сложилось, оставил маркизу де Бельбеф и стал любовником леди Дуглас «. Ему казалось, что, наслаждаясь с англичанкой, он чуточку меньше обманывает нежную Херриэт. Но все привязанности Луи-Наполеона оказывались кратковременными. У него было такое же ветреное сердце, как и у его матери. В один прекрасный день он прогнал прекрасную леди, и все его помыслы сосредоточились на графине де Гюйон.

Эта молодая женщина отличалась легкой походкой и говорливостью. Любовь и ее окрестности, как любил говорить Виктор Гюго, были для нее поистине навязчивой идеей. А говоря еще точнее, она не могла думать ни о чем, кроме этого. Одна небольшая история, поведанная Ламбером, подтверждает лишь

то, что она окружала себя друзьями, озабоченными теми же проблемами. Как-то раз, когда она совершала прогулку в парке Фонтенбло в обществе г-жи де Персиньи, она заметила осла, щипавшего травку. Рассмотрев в первую очередь совершенно определенную часть тела этого животного, она воскликнула:

— Нет, вы только взгляните, моя дорогая, какое сильное это животное.

— Как, вас это удивляет? Да у моего мужа ничуть не меньше…

— Не может быть!

— Уверяю вас… «Он» не входит в мой браслет…

— Да что вы? Тогда измерьте, и мы сравним, есть ли разница…

И обе дамы немедленно приступили к делу. Графиня ухватила осла за голову, чтобы тот не двигался, а тем временем г-жа де Персиньи, сняв с руки браслет, надела его на ту часть тела животного, которая интересовала обеих дам. Это обстоятельство взволновало осла, чьи чувства сразу пробудились. Испугавшись, г-жа де Персиньи попыталась снять свой браслет. Но не тут-то было. Тогда ей на помощь пришла графиня де Гюйон, и обе женщины принялись изо всех сил стаскивать с. осла свою драгоценность. Осел, славное животное, не ведавший порока, закричал от боли и умчался галопом.

Подруги помчались за ним вдогонку и добежали до соседней фермы, в которой укрылось животное. Женщины объяснили фермеру, что с ними приключилось, а тот, насмеявшись до слез, поспешил вернуть им браслет…

Вьель-Кастель: «Принцесса Матильда уверяла, что леди Дуглас спит с президентом. И, судя по всему, так и есть». Мемуары.

Можно не сомневаться, что графиня де Гюйон подарила Луи-Наполеону волшебные ночи. Но потом принц-президент устал от нее, как от многих других, и остановил свой взгляд на графине Ле Он, жене бельгийского посла, обаятельной молодой женщине, которую в Париже звали «златовласой посольской женой»…

К сожалению, у этой волнующей особы уже был любовник.

Им был г-н де Морни, сводный брат будущего императора…

КОГДА Г-Н МОРНИ ЖИЛ «В КОНУРЕ ДЛЯ ВЕРНОГО ПСА»

Лучшее, что есть в мужчине, это — пес.

Шарле

Всем известно, что г-н де Морни был плодом преступной любви. Его мать, королева Гортензия, зачала его от генерала де Флао, рослого и могучего незаконнорожденного сына г-на Талейрана и г-жи де Флас .

В один прекрасный день Морни подытожил свое положение одной забавной фразой:

Я — сын королевы, внук епископа, брат императора и во всех случаях… незаконнорожденный .

Но начиная с пятнадцати лет юный Огюст подписывался «де Морни».

Когда ему исполнилось двадцать, он сам себе присвоил титул графа и ринулся в жизнь, в которой, по словам мемуариста, «легкомыслие и бесконечные удовольствия предпочитались раздумьям». Красивый мужчина, просвещенный денди, блестящий рассказчик, неотразимый сердцеед, он умел нравиться женщинам и извлекать из этого кое-какие выгоды.

В 1832 году в Тюильри, где он не раз бывал по приглашению своего друга герцога Орлеанского, Морни познакомился с молодой и очаровательной графиней Ле Он, дочерью банкира Моссельмана и женой бельгийского посла. Эта восхитительная блондинка, прозванная впоследствии «златовласой посольской женой», была во цвете своих двадцати лет. По отзывам тех, кто ее видел, она была так красива, «что на придворных балах никогда не носила украшений: ее тончайшая кожа, изящная талия, природное великолепие делали любые драгоценности безвкусными». Морни сразу влюбился в нее и, нимало не заботясь о Филиппе Орлеанском, который в тот момент был любовником прекрасной графини, стал за ней ухаживать, а вскоре, как любят говорить целомудренные романисты, «и сам стал пользоваться ее благосклонностью…».

Очень скоро связь лейтенанта и жены посла стала официальной. Все привыкли видеть вместе эти два элегантных, породистых, умных существа, задававших моду, неистощимых на остроумие, короче, блиставших в буржуазном Париже добряка

Луи-Филиппа каким-то необыкновенным светом.

Посол, бывший на двадцать лет старше жены, в конце концов смирился с этой ситуацией, вполне, возможно, польщенный тем, что своим выбором м-ль Моссельман обнаружил те же вкусы, что и у г-на де Морни…

Эта семейная жизнь втроем тянулась годы, и когда графиня Ле Он в 1839 году родила дочь, парижане стали напевать довольно двусмысленную песенку, которая вряд ли могла понравиться бельгийскому послу.

Связь с хорошенькой графиней ничуть не мешала Морни ухаживать за другими не самыми неприступными дамами и вместе с ними устраивать в высшей степени легкомысленные вечеринки.

Во время одной такой вечеринки у г-жи де Вильплен он познакомился с некоей г-жой Г., которая, заметив его интерес к себе, шепнула ему на ухо:

— Заходите ко мне, я покажу вам свое поле битвы.

Соблазненный приглашением, он навестил ее.

Вот что пишет один из его биографов:

«Поле битвы оказалось на деле широченной кроватью в комнате, все стены которой были в зеркалах самых разных форм, размеров и производства: псише, венецианские, изготовленные Гобеленами. Просто музей зеркал.

— Вы их коллекционируете? — спросил Морни.

— Да. Каждое отличается своими страстями, — ответила она, улыбаясь.

Чуть позже Морни понял, в каком смысле следовало понимать слово «страсть». Г-жа Г. увлекла гостя на поле битвы, где он смог убедиться, что ей буквально нечему было бы учиться у самых опытных куртизанок. Она изощрялась в бесчисленных играх и позах, ошеломляя фантазией».

Но, увы! Через некоторое время молодой граф узнал, что у г-жи Г. среди многочисленных зеркал есть одно зеркало без амальгамы, сквозь которое некоторые господа, за кругленькую сумму, разумеется, точно в театре, смотрели на акробатические номера, исполнявшиеся на «поле битвы». В ярости от того, что оказался невольным актером в «живых картинах» на потребу похотливых стариков, он никогда больше не появлялся у г-жи Г.

Графиня Ле Он знала, конечно, об этом происшествии. Огорченная, она ломала голову над тем, как бы покрепче привязать к себе Морни. А так как она была дочерью банкира, то и сочла, что лучший способ удержать при себе любовника — это предложить ему денежные средства.

Состояние Морни в то время было крайне незначительным. Он жил на карманные деньги, которые давал ему отец, и на маленькую ренту, оставленную королевой Гортензией. Морни был в восторге от предложения любовницы и сразу согласился, не смущаясь возможностью сунуть, по словам одного из его биографов, «в бумажник ложе своей любви»…

Было решено, что графиня Ле Он поможет Морни стать дельцом. Некий нотариус составил финансовый контракт, и вскоре внук г-на де Талейрана стал в местечке Бурдон, что в департаменте Пюи-д-Дом, владельцем небольшого сахарного завода.

Оказавшись сахарозаводчиком, г-н Морни неожиданно обнаружил редкостные деловые качества и в считанные годы сколотил себе состояние. В 1842 году он был избран депутатом, к великой радости г-жи Ле Он, после чего возвратился жить в Париж. Незадолго перед этим графиня выстроила для себя роскошный особняк на Елисейских полях; любовнику она предложила поселиться в небольшом флигеле, построенном при въезде на территорию особняка. Можно было сказать, что Мор ни исполнял роль сторожевого пса, и потому парижане прозвали флигель «конурой верного пса» или «конурой Тото».

Таким образом, в тот самый момент, когда в Лондоне Луи-Наполеона приютила и кормила мисс Говард, В Париже Морни пригрела и обеспечила материально жена бельгийского посла…

И хотя оба этих человека были всего лишь сводными братьями, в них каждый обнаружил бы немало сходного.

После революции 1848 года салон графини Ле Он стал центром орлеанистской оппозиции. Очаровательная хозяйка дома, флиртовавшая с сыновьями короля-гражданина и заигрывавшая с академиком Жаном Бату, побочным сыном Филиппа Эгалите (а значит, сводным братом Луи-Филиппа), всей душой была привязана к представителям Июльской монархии.

Морни, друг герцога Орлеанского, разумеется, разделял политические взгляды своей белокурой подруги. Поэтому Луи-Наполеон не вызвал у него никакого энтузиазма, когда был избран депутатом Второй республики. Этот сводный брат, за жизненными перипетиями которого во время страсбургских и булонских событий он следил с насмешливой жалостью, не внушал ему никакой симпатии. Он встретился с ним однажды, случайно, на улице в Лондоне, но сохранил об этой встрече очень смутное воспоминание. В тот раз Морни шел со своим отцом по Риджент-стрит. Какой-то неизвестный человек раскланялся с ними.

— Кто это? — спросил Морни.

— Принц Луи-Наполеон.

— А-а…

При этом он даже не обернулся.

Но когда этот экстравагантный сводный брат был избран президентом Республики, Морни задумался, нельзя ли использовать эту карту в игре. Озадаченный этой мыслью, он поделился ею с графиней Ле Он, которая, несмотря на свои орлеанистские пристрастия, уговорила друга отправиться в Елисейский дворец.

Морни явился туда. Принц-президент принял его немедленно. Впервые сидя друг против друга, оба какое-то время молчали. Они испытывали глубокое смущение из-за своего невероятного сходства. Взгляд Морни, живой и неумолимый, сразу подсказал ему, что Луи-Наполеон представляет собой лишь карикатуру на него. Это открытие вызвало у него желание улыбнуться. В свою очередь, принц-президент глядел с некоторой горечью на эту, хотя и полысевшую, но значительно более привлекательную версию себя самого. Наконец им удалось завязать разговор.

Много позже Морни запишет: «Мы почти совсем не понравились друг другу, и если бы я прислушивался к своему настроению, я бы туда больше не пошел».

Но г-жа Ле Он была начеку… и Морни стал часто бывать в Елисейском дворце…

Мало-помалу между сводными братьями возникла даже дружба, а может быть, просто чувство общности. С этого момента, не позволяя себе в этом признаться, Морни и Луи-Наполеон почувствовали, что нуждаются друг в друге благодаря единому стремлению разрушить Республику, которую оба одинаково люто ненавидели.

Вполне естественно, г-жа Ле Он стала доверенным лицом своего любовника. Со свойственной ей решительностью она сразу расставила точки над i.

— Луи-Наполеон не сможет вернуть на престол Орлеанскую династию. Он восстановит империю. Но в любом случае эта монархия предпочтительнее Республики посредственностей, которую мы получили в результате Февральской революции. Ну и потом… у вас есть шанс стать в случае успеха министром…

С этого момента Морни входил в круг ближайших сподвижников принца-президента.

В 1851 году Луи-Наполеон, доказывая в который уже раз, сходство во вкусах с его сводным братом, остановил свой взгляд гурмана со стажем на графине Ле Он. Однако его порученец

майор Флери взял на себя нелегкую обязанность растолковать ему, что и без этого слишком много побочных уз связывает его с Морни, чтобы добавлять к ним еще и эту… Со смертной тоской в душе принцу-президенту пришлось отказаться от желания продемонстрировать твердость своих республиканских принципов несравненной жене посла…

Все это происходило в июле 1851 года, когда у Луи-Наполеона были, в сущности, совсем другие заботы. Избранный на четыре года и получавший на представительские расходы суммы, казавшиеся ему смехотворными (два миллиона пятьсот шестьдесят тысяч золотых франков), он мечтал добиться пролонгации своих полномочий и дополнительного кредита в миллион восемьсот тысяч франков в год.

Однако Тьер высказал мнение Учредительного собрания следующими словами:

— Ни единого су! Ни одного лишнего дня! Единственное решение этой проблемы сводилось к предложению реформировать Конституцию. Но, к сожалению, просьба о пересмотре также была отклонена Учредительным собранием. Таким образом, Луи-Наполеон был просто вынужден совершить государственный переворот. Он готов был рискнуть всем, понимая, что грызня между различными политическими партиями только облегчит его задачу.

Послушаем, что рассказывает Максим Дю Кан:

«Расстановка политических сил была такова, что ни одна партия не оказалась достаточно сильной, чтобы добиться провала этого молчаливого и внешне апатичного человека, которым двигала навязчивая идея. К осуществлению этой идеи он шел с упорством маньяка. Он предоставлял досужим ораторам выступать, журналистам писать, народным представителям дискутировать, уволенным генералам поносить его, лидерам парламентских группировок высказывать в его адрес угрозы, сам же оставался в одиночестве, молчаливый и непроницаемый. Противники считали его идиотом и тем успокаивали себя. Запершись в Елисейском дворце, покручивая свой длинный ус, непрерывно дымя сигаретами и прогуливаясь с опущенной головой под сенью вековых деревьев, он выслушивал доходившие до него слухи и продолжал вынашивать свой замысел».

Идиотом, кстати, его считали не только политические противники. Однажды м-ль Жорж (бывшая любовница Наполеона I), которой тогда уже было шестьдесят четыре года, повстречала Виктора Гюго и обратилась к нему со словами, записанными им позже в записной книжке:

«Что касается президента, то он просто дурачок, и я его

терпеть не могу. Ну, во-первых, он уродец. Он, правда, хорошо держится в седле и умеет управлять лошадью. Но и только. Я к нему ходила. Он велел ответить, что не может меня принять. А раньше, когда он был всего лишь жалким принцем Луи, он принимал меня на Вандомской площади по два часа подряд и показывал мне из окна колонну, этот болван. У него есть любовница, англичанка, очень красивая блондинка, которая вовсю наставляет ему рога . Не могу сказать, знает ли он об этом, но всем вокруг это известно. Он выезжает на Елисейские поля в маленькой русской коляске, которой правит сам. Когда-нибудь его опрокинут на землю или собственные лошади, или толпа. Я сказала Жерому: „Я терпеть не могу этого вашего так называемого племянника“. Но Жером поднес ладонь к моему рту и сказал: „Замолчи, безумная!“ А я ему говорю: „Он играет на бирже; Ашиль Фульд каждый день встречается с ним в полдень и раньше других получает от него новости, а потом начинает играть на повышение или на понижение. Именно так и было с последними сделками Пьемонта. Уж я-то знаю“. А Жером мне сказал: „Не говори подобных вещей. Вот из-за таких разговоров мы и лишились Луи-Филиппа!“

— Господин Гюго, а какой мне, собственно, толк от Луи-Филиппа?»

Если подобные разговоры и погубили Луи-Филиппа, то Луи-Наполеона это, похоже, не особенно волновало. Он медленно и обстоятельно подготавливал свой переворот, расставляя на ключевые посты в правительстве и в армии людей, на которых мог положиться.

Эта тайная деятельность вовсе не мешала ему интересоваться дамами. Даже наоборот. Возбуждение, будоражившее его ум, казалось, захватывало все его существо… Может быть, поэтому у него неожиданно возникло желание снова завязать отношения с Рашель, о безумных затеях и о таланте истерички которой он временами сожалел.

И вот знаменитая трагическая актриса снова в Елисейском дворце.

Правда, ненадолго.

Однажды вечером, после слишком обильного обеда, принц-президент немного задремал в кресле. Пробудился он от внезапного шума. Глазам его предстало удручающее зрелище: Рашель, растянувшись прямо на ковре, отдавалась метрдотелю.

Проявив олимпийскую выдержку, принц-президент встал и молча вышел.

Что, впрочем, вовсе не означало, что он не был огорчен…

ЛЮБЯЩАЯ МИСС ГОВАРД ФИНАНСИРУЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Политики зачастую — лишь пешки в руках стоящих в тени умных или макиавеллических женщин.

Жан Жорес

В конце осени 1851 года Луи-Наполеон выказал такую любовную активность, что даже видавший всякое Флери был удивлен. «Принц, — сообщает в своих записках Ламбер, — требовал двух, а иногда и трех женщин в день». Эти юные особы, удостаивавшиеся президентской чести где-нибудь на краешке дивана, сами того не ведая, играли важную роль в деле подготовки государственного переворота.

Луи-Наполеон действительно нуждался в них для того, чтобы прояснить собственные мысли. Создание механизма, призванного опрокинуть Республику за одну ночь, требовало ясности мышления, которая обычно не была свойственна принцу. Разум его, он сам это знал, был постоянно омрачен любовным желанием. Свидание, даже мимолетное, с дамой обходительной и молчаливой (последнее было настоятельным условием) позволяло ему в течение нескольких часов ясно мыслить и четко видеть все препятствия, которые могут перед ним возникнуть. Вот почему по ночам, когда он, молча и втайне от всех, отрабатывал свой план или набрасывал вчерне будущее воззвание, Флери всегда находился поблизости с несколькими со знанием дела отобранными и не слишком застенчивыми молодыми женщинами.

Время от времени, когда у президента возникали затруднения с поисками удачной фразы или эффективного способа избавления от своих противников, он покидал свой кабинет и шел в маленькую гостиную, где его ждал адъютант с компанией своих последних находок.

Луи-Наполеон указывал пальцем на одну из них, уводил ее во вторую гостиную, заваливал на диван, демонстрировал ей свой особый интерес, после чего вежливо прощался. И тогда, чувствуя себя освобожденным, он возвращался в кабинет, чтобы легко порхающим пером дописать эффектный финал своей предстоящей речи или составить список имен, подлежащих

аресту…

Государственный переворот был намечен на 2 декабря, годовщину Аустерлица и коронования Наполеона I. Знали об этом только Морни и мисс Говард.

Пока великолепный Август занимался разложением армии и с помощью тайных агентов подготавливал общественное мнение, мисс Говард снова, в который уже раз, собирала имеющиеся у нее средства, чтобы финансировать намеченную операцию. Она продала лошадей, заложила свои дома в Лондоне и последние драгоценности. Своему другу графу д'Орсе она писала, что «бросила в горнило мебель работы Бернара Палисси …»

Ее вера в Луи-Наполеона, надо сказать, была абсолютной.

— Я знаю, что вы достигнете цели, — говорила она ему. — Вы поистине человек провиденциальный. Именно такого человека ждет Франция…

Мисс Говард по-прежнему была безумно влюблена в своего принца. Да и принц, несмотря на свои многочисленные измены, был все так же нежно привязан к ней. Растратив в течение дня свое драгоценное династическое семя на девиц, ни имени, ни возраста, ни происхождения которых сплошь и рядом не знал, он вечерами отправлялся насладиться атмосферой покоя в маленький особнячок на Цирковой улице.

Херриэт усаживала его у камина, где вовсю пылал огонь, сама опускалась на пол у его ног и на какой-то забавной смеси английского и французского принималась рассказывать все, что ей удалось услышать за день о государственном перевороте.

В один из таких вечеров она рассказала Луи-Наполеону забавную историю;

— Все об этом говорят, — сказала она, — но никто в это не верит. Вчера у г-жи Ле Он я услышала, как г-жа Дон произнесла фразу, свидетельствовавшую, до какой степени далеки ваши политические противники от того, чтобы заподозрить вас в каком-то умысле. Когда генерал Эстанслен высказал некоторые опасения, теща г-на Тьера оборвала его словами: «Господин Эстанслен, не следует говорить подобные вещи… Никто не желает диктатуры, даже если бы это была диктатура моего зятя…»

— Ох уж эта милая г-жа Дон, — сказал, улыбаясь, принц-президент, — любовь слепа…

И все же один момент беспокоил мисс Говард:

— Каким образом накануне решающего дня вы собираетесь скрыть подготовительные мероприятия?

Луи-Наполеон подмигнул ей:

— Успокойтесь, моя милая, я устрою грандиозный прием в

Елисейском дворце, чтобы никто ничего не заподозрил…

И действительно, вечером 1 декабря во всех гостиных президентского дворца танцевали. Не выказав ни малейших признаков беспокойства, принц переходил от одной группы к другой и болтал о женских модах.

Но в какой-то момент он незаметно покинул гостей и вернулся к себе в кабинет, где его ждали Мокар и Персиньи. Совершенно спокойно он достал из кармана ключ, отпер ящик своего письменного стола, вынул оттуда объемистую папку и написал на обложке крупными буквами: «Рубикон». После чего протянул ее Друзьям:

— Все здесь, в этой папке, господа. Передайте тексты воззваний в государственную типографию. Все отпечатанные тексты должны быть расклеены по городу до наступления рассвета. Вас, г-н Мокар, я попрошу распорядиться, чтобы этот циркуляр был переписан начисто и этой же ночью доведен до сведения всех министров. Здесь, во дворце, никто ни о чем не подозревает…

После этого, продолжая улыбаться, он вновь появился в гостиных, где гости продолжали веселиться. Там, перекинувшись шуткой с принцессой Матильдой и доктором Вероном, он подошел к полковнику Виера, начальнику штаба Национальной гвардии, стоявшему в этот момент у камина. Не переставая улыбаться, Луи-Наполеон сказал ему тихо:

— Этой ночью вы должны лечь спать в штабе… Только этой ночью.

Потом, сделав несколько комплиментов двум самозабвенно болтавшим молодым женщинам, он вернулся в свой кабинет. Туда же пришел Морни с г-ми де Мопа, де Сент-Арно и де Бевилем. Принц-президент быстро перечислил те обязанности, которые каждый из них будет выполнять в новом правительстве, и снова вернулся, чтобы закончить вечер вместе с гостями.

К полуночи гости покинули дворец, а Луи-Наполеон возвратился в кабинет.

К этому времени все уже было готово: воззвание к народу, прокламация, обращенная к армии, декрет о.роспуске Учредительного собрания и постановление, объявляющее Париж на осадном положении. Кроме того, было подписано шестьдесят приказов на арест военных и политических деятелей, известных своими антибонапартистскими взглядами.

Теперь оставалось только ждать…

— Пойдемте спать, господа, и пусть меня разбудят в пять утра…

Морни пожал ему руку и с улыбкой сказал:

— Что бы там ни случилось, но утром у вашей двери будет стоять часовой…

Луи-Наполеон ровным шагом отправился к себе в спальню, разделся догола, сделал по обыкновению несколько гимнастических упражнений, стоя перед зеркальным шкафом, потом надел ночную рубашку, ночной колпак, залез в кровать, задул свечу и, зарывшись головой в громадную подушку, заснул сном ребенка.

Пока ему снились волшебные сны, Пале-Бурбон был занят 42-м полком, а полиция приступила к арестам людей, высказывавшихся против диктатуры.

Генерал Кавеньяк, генерал Бедо, генерал Лефло, генерал Шангарнье и человек десять депутатов, взятые прямо дома, находились уже в тюрьме Маза, когда комиссар Юбо-старший явился на площадь Сен-Жорж к Тьеру.

Водевильный арест маленького человечка заслуживает хотя бы короткого рассказа:

Было часов около пяти утра, когда комиссар в сопровождении заспанного слуги вошел в спальню будущего освободителя страны. Он раздвинул полог из пурпурного дамассе, подбитого белым муслином, и тронул за плечо г-на Тьера, мирно спавшего в своем хлопчатом колпаке.

— Г-н Тьер, проснитесь… Я господин Юбо-старший, комиссар полиции.

Депутат открыл один глаз, почувствовал испуг и, дрожа, сел на постели.

— В чем дело?

Комиссар объяснил все предельно доходчиво:

— В том, что вы арестованы, — произнес он учтиво. Тогда, как записано в полицейском отчете, г-на Тьера охватил настоящий ужас. «Его слова были бессвязны». Не делая пауз, он кричал, что не хочет умирать, что он не преступник, клялся, что никогда не будет участвовать в заговорах, что никогда не будет заниматься политикой, и даже уверял, что уедет за границу…

Наконец комиссару удалось вставить слово:

— Успокойтесь, никто не посягает на вашу жизнь… Эти слова как будто немного успокоили г-на Тьера, и он сменил тон. Все еще сидя на постели, он обратился к комиссару так, как если бы находился на трибуне в Палате депутатов:

— Что вы намереваетесь делать, месье? Знаете ли вы, что я народный представитель?

— Я должен выполнить полученный приказ.

— Но ведь именно так совершается государственный переворот. Знаете ли вы, что это может привести вас на эшафот? И вообще, арестован ли кто-нибудь еще?

— Я этого не знаю. Соблаговолите встать, месье, прошу вас.

Г-н Тьер откинул покрывало, спустился с кровати, подошел к камину, в котором горел яркий огонь, и снял ночную рубашку. Изумленным полицейским пришлось лицезреть его совершенно голым. Поворачиваясь к огню то передом, то задом, он произнес еще одну коротенькую политическую речь, обращаясь к комиссару, потом уложил на грудь широкий и плотный кусок фланели, привязав его ленточкой к шее, надел рубашку и кальсоны.

В этом виде, достойном сцены в Пале-Рояле, он вдруг подбежал к шкафчику так, будто собирался выхватить оттуда пистолеты:

— А если я вам сейчас прострелю голову, месье? — крикнул он, вращая неистово глазами.

Комиссар хранил спокойствие:

— О, я полагаю, вы неспособны на подобный поступок, г-н Тьер.

На мгновение растерявшись, маленький марселец снова захорохорился:

— Да знакомы ли вы с законом? Понимаете ли вы, что вы нарушаете Конституцию?

Комиссар улыбнулся:

— Я выполняю полученный мною приказ точно так же, как раньше выполнял ваши распоряжения, когда вы были министром внутренних дел…

На сей раз г-н Тьер умолк. Как только он оделся, г-н Юбо-старший попросил его спуститься вниз. В этот момент г-жа Тьер, г-жа Дон и м-ль Фелиси Дон, встревоженные шумом, появились в дверях, облаченные в элегантные ночные дезабилье. Увидев дорогого их сердцу маленького человека в окружении полицейских агентов, они разрыдались и кинулись к нему в объятия.

— Вы не посмеете его увести, — кричала г-жа Дон г-ну Юбо-старшему. Господин Тьер — депутат, и значит, имеет депутатскую неприкосновенность.

Комиссар показал ей свой мандат:

— У меня приказ, мадам.

Тогда все три женщины, одна за другой, крепко обняли г-на Тьера, после чего тот, надев на голову огромную шляпу, покинул, наконец, свой гарем и последовал за полицейскими в тюрьму Маза…

На рассвете парижан разбудили звуки горнов, цокот лошадиных копыт, грохот перекатываемых ящиков с боеприпасами. Перепуганные горожане повыскакивали из своих жилищ и обнаружили на стенах домов, на деревьях и на фонарных столбах листовки, объявляющие о государственном перевороте. Но так как день был зимний и холодный, мало кому хотелось мерзнуть ради спасения скверно устроенной Республики, и большинство вернулось к своим очагам…

В гостиной на Цирковой улице мисс Говард все утро принимала друзей, которые постоянно сообщали ей о том, как реагировали в столице на происшедшее. В восемь утра ей доложили, что в целом событие воспринято хорошо и что в некоторых кварталах люди из народа даже восклицали:

— Ну и ловко же сработано!

Но к девяти часам Херриэт узнала, что в предместьях столицы формируются группы горожан и что левые депутаты выступают против государственного переворота. В половине одиннадцатого она услышала невероятный шум со стороны Елисейского дворца. Оказалось, что это Луи-Наполеон, облаченный в парадный генеральский мундир, решил совершить верхом небольшой круг по Парижу. Впереди него ехал отряд всадников с пистолетами в руках, а самого принца-президента сопровождали король Жером, принц Мюрат, маршал Экзельман, полковник Флери и еще несколько верных друзей.

Мисс Говард дрожала от страха. Как-то Париж отреагирует на это?

В полдень принц-диктатор вернулся в Елисейский дворец, и Флери сразу же помчался на Цирковую улицу.

Херриэт устремилась ему навстречу.

— Ну, как?

— Все прошло прекрасно. Несколько одержимых выкрикивали «Да здравствует Республика!», но в большинстве своем народ отнесся снисходительно. На площади Согласия генерал Котт крикнул: «Да здравствует император!», и жандармы Национальной гвардии подхватили: «На Тюильри!»… На мгновение нам показалось, что принц собирается двинуться прямо туда, но тут к нему приблизился король Жером. Я был в двух шагах от них и слышал, как Жером крикнул: «Луи, ты слишком торопишься! Послушай меня, не вступай пока в замок!» И тогда принц повернул лошадь и вернулся через Королевский мост, набережную д'Орсе, Пале-Бурбон в Елисейский дворец. На пути следования его встречала рукоплещущая толпа. На Елисейских полях группа мужчин кричала: «Да здравствует Наполеон!»…

У мисс Говард, слушавшей весь этот рассказ затаив дыхание, появились слезы на глазах. Крики неведомых ей парижан глубоко взволновали ее.

— Теперь я уверена, что «мы» победим, — прошептала она.

Действительно, эта первая победа была отчасти и ее победой.

И все-таки трудно отделаться от мысли о лукавстве судьбы, которая, чтобы позволить французам снова выкрикивать «Да здравствует Наполеон!», использовала для этого англичанку.

После полудня к мисс Говард явился д-р Эванс и сообщил, что Париж по-прежнему спокоен. Верно, однако, было и то, что громадная толпа людей, настроенных «идти стенка на стенку, штык на штык», как записал в своем дневнике граф Аппони, заполнила Елисейские поля, набережные, площадь Карусель, площадь перед городской ратушей, улицу Риволи, бульвары, а двести тысяч солдат окружили столицу. Американский дантист сообщил Херриэт, что около сорока депутатов, противников государственного переворота, сумели проникнуть в Пале-Бурбон.

— Они объявили, что президент Республики лишается своих полномочий. Но г-н де Морни, которому сразу сообщили об этом собрании, отдал приказ удалить всех из дворца.

В три часа дня еще один из друзей заехал сообщить мисс Говард, что депутаты были выдворены жандармерией, что некоторые из них так упирались, что их пришлось тащить по земле волоком, короче говоря, Республика 48-го года завершалась балаганным фарсом…

В пять часов вечера на Цирковой улице появился Мокар:

— Флери, во главе отряда всадников объезжавший бульвары, был ранен выстрелом из пистолета в затылок. Его только что привезли в Елисейский дворец. В другом месте группа студентов-республиканцев устроила стычку с вооруженным отрядом муниципальной гвардии. В результате стычки имеется двое убитых и несколько раненых…

За все время событий кровь пролилась впервые, и мисс Говард вдруг перепугалась:

— Лишь бы только это не выродилось в революцию, — прошептала она.

Но в восемь часов вечера д-р Эванс появился еще раз и успокоил:

— День прошел очень хорошо. Нет, конечно, огромная толпа по-прежнему заполняет бульвары, время от времени слышны даже возгласы «Да здравствует Республика!», да кое-кто показывает кулак офицерам, но магазины остаются открытыми, на бирже

зафиксировано очень незначительное понижение, театры в этот вечер работают как обычно.

К полуночи Херриэт узнала, что депутаты, собиравшиеся группами в разных местах, чтобы попытаться создать комитет сопротивления, съехались на набережную Жемап и объединились вокруг Виктора Гюго. Было решено поднять мятеж в предместье Сент-Антуан.

— Неужели они будут воздвигать баррикады? — прошептала мисс Говард.

— Вполне возможно.

Снова придя в волнение и дрожа за своего дорогого принца, она спросила, что говорил Виктор Гюго, чтобы воодушевить противников принца.

— Он сказал: «Чего мы ждем? Ничего! Что мы можем сделать? Все!»

Такое красноречие политического трибуна совершенно успокоило Херриэт…

— Если он говорит именно так, — заметила она с улыбкой, — мы можем спать спокойно…

Мисс Говард была права. В течение двух последующих дней кое-где имели место стычки, слышались ружейные и пистолетные выстрелы, но народ Парижа, ослепленный именем Наполеона, отказался следовать за организаторами восстания.

Власти арестовали 26642 человека, и в городе был восстановлен порядок.

Лишь самые чувствительные души посожалели о несчастном депутате Бодене, который за двадцать пять франков согласился на бессмысленный протест…

Таким образом, государственный переворот свершился.

И тут же, пока г-н Тьер, заключенный на некоторое время в форт Ам, был вывезен в Германию, Луи-Наполеон подготовился к проведению плебисцита. 21 декабря 7430000 «да» против 640000 «нет» переворот был одобрен. Принца избрали президентом Республики на десять лет.

Но фактически, в скрытой форме, была реставрирована Империя.

Тогда мисс Говард, обезумев от радости, подумала, что теперь ставший хозяином Франции принц волен на ней жениться.

Однажды вечером она заговорила с ним об этом. В ответ на это Луи-Наполеон лишь поцеловал ей руку. Наивная, она лелеяла одну, но чрезмерную надежду и уже видела себя императрицей.

У принца же в то время были иные заботы. Разумеется, прежде всего он подготавливал свое будущее царствование, но в этом будущем его почему-то интересовали преимущественно

проблемы, которые можно было бы назвать «душеуспокоительными».

Проблема гарема, например.

Считая, что каждый суверен должен иметь под рукой для морального расслабления стайку недурно сложенных дам, он потребовал от своего нового суперинтенданта по удовольствиям, графа Бачиоки , поискать на Ближнем Востоке хотя бы несколько из тех одалисок, чья красота, опыт и изысканный вкус к наслаждениям так часто воспевались поэтами…

Бедному графу пришлось вернуться из этой экспедиции с любопытным сувениром. Вот что об этом рассказывает Эжен де Миркур.

«Бачиоки получил от Луи-Наполеона поручение восстановить Олений парк . С этой целью он совершил путешествие в Константинополь. Там он собирался раздобыть для своего хозяина восточных красоток, купить для пополнения его сераля черкешенок и гречанок; это постыдное намерение было ловко закамуфлировано под секретную миссию, касающуюся аннексии Туниса в дополнение к нашим прежним африканским колониям. От этой поистине императорской затеи пришлось отказаться по причине вызванного ею скандала и всеобщего осуждения.

Сводники были посрамлены. Теперь им оставалось поставлять на президентское ложе только туземную продукцию, отказавшись от одалисок пророка.

Однако с некоторых пор, из-за многочисленных проверок, которым он лично подвергал предлагавшихся ему на выбор красавиц, постоянное поручение принца перестало быть для Бачиоки только приятным занятием; от одной великолепной африканки, черной, как эбеновое дерево, и лоснившейся, точно бархат, с формами, будто выточенными из черного мрамора, он получил дурную болезнь. Дочь тропиков так глубоко всадила в него свой вирус, что несчастный Меркурий уже через несколько дней начал шататься. Болезнь прогрессировала столь ужасающим образом, что бедный Бачиоки вынужден был срочно вернуться в Париж. Там он, кое-как ковыляя, явился к принцу. Тот очень огорчился, видя жалкое состояние, в каком оказался его преданный поставщик удовольствий, и посоветовал другу обратиться к знаменитому доктору Рикору. Доктор же при виде этой ужасной картины воскликнул: «Несчастный! Где, черт побери, ты подцепил это? Ты наверняка посещал жену какого-нибудь сенатора, потому что только подобные женщины делают своим любовникам такие подарки».

Спешу заметить, что это мнение именно доктора Рикора…

СТЕНДАЛЬ ВЛЮБЛЕН В ЮНУЮ ЕВГЕНИЮ МОНТИХО

Любовь всегда была для меня из всех занятий самым значительным, да пожалуй, и единственным.

Стендаль

В начале 1852 года Луи-Наполеон покинул Елисейский дворец и поселился в Тюильри. Все мгновенно почувствовали в нем монарха. Он приказал отчеканить монеты, у которых на реверсе сохранялась надпись «Французская Республика», зато на аверсе был его профиль и имя «Луи-Наполеон Бонапарт»; кроме того, он торжественно раздавал изображения орлов для укрепления их на древках знамен, а также одел свою личную гвардию в униформу императорской гвардии.

Вполне естественно, такое повышение его статуса несказанно радовало мисс Говард, которая на всякий случай заказала себе точную копию кровати Жозефины Богарне… Каждую ночь, лежа на ней, она предавалась мечтам, теперь уже несколько более определенным. Вот что рассказывает об этом Флери:

«Амбиции любовницы возрастали по мере развития событий. Женщина, подобная ей, самая красивая из всех, любимая, умная, вполне могла претендовать на исключительную судьбу… Одной только преданностью, которую она столько раз подтверждала, она заслужила право надеяться на вознаграждение своего деятельного самоотречения…»

И далее добавляет:

«Хотя отношения с мисс Говард были очень приятными и она по-прежнему никогда не выходила с нами за границы принятой учтивости, поведение ее все же изменилось. Она стала более требовательной в отношении людей, с которыми желала встретиться, и прогулок, которые теперь совершала без прежней сдержанности. Если военные смотры проходили в Версале, она уже не оставалась поодаль, затерявшись в толпе. Ей требовалось специальное место, у всех на виду».

А вскоре стало известно, что, когда принц отправился провести несколько дней в замок Сен-Клу, мисс Говард тайком сопровождала его. Однажды на балу случился даже небольшой скандал. В какой-то момент Луи-Наполеон незаметно покинул гостиную и отправился в дом к Херриэт. Когда же через полчаса

он снова появился в ярком свете люстр, гости с ужасом стали переглядываться: на панталонах принца-президента были отчетливо видны следы его недавней деятельности…

Изменившееся поведение мисс Говард, прежде державшейся совсем незаметно, возмущало окружение Луи-Наполеона. Однажды Вьель-Кастель записал в своем дневнике: «Позавчера в Опере давали большое представление, .на котором присутствовал президент. Овации, кантата, возгласы… Публика, даже самая благожелательная, была удручена, увидев в большой ложе увешанную алмазами г-жу Говард, любовницу президента; это произвело плохое впечатление. Принц Жером был в своей ложе также с любовницей. Мы что-то слишком уж отягощаем свой багаж любовницами; раньше этого не было… Окружение президента отвратительно».

В сентябре мисс Говард, думая, что принц может жениться только на знатной даме, купила неподалеку от Версаля замок Борегар и тут же стала называть себя его именем…

Однако Луи-Наполеон оказался нечувствителен к такой метаморфозе и, хотя по-прежнему появлялся повсюду в Париже со своей любовницей, относительно своих матримониальных намерений продолжал хранить молчание.

Тогда мисс Говард решила немного форсировать события и вынудить своего любовника официально признать ее положение. Она присутствовала на смотрах, она посещала театры, сопровождала принца в замок Сен-Клу, но никогда не появлялась в Тюильри. Теперь она решила явиться туда без приглашения.

В один из торжественных вечеров Луи-Наполеон неожиданно увидел ее, ослепительную и сияющую, входящей в зал под руку с полковником де Бевилем. Принц ничего не сказал, почтительно раскланялся с ней и продолжал улыбаться. Но он никогда не простил ей этой оплошности.

Что же касается окружения принца, то оно было просто шокировано.

Послушаем еще раз Флери:

«Каково же было наше удивление, когда мы увидели мисс Говард под руку с полковником де Бевилем и в сопровождении графа Бачиоки. Все трое следовали за женщиной из ее окружения, игравшей в данных обстоятельствах, по-видимому, роль графини де Беарн .

Изысканный туалет, сияющее лицо, голова античной камеи, высокий рост, осанка герцогини, все это позволяло говорить о несравненной красоте будущей графини де Борегар и де Бешеве. Неизвестная большинству гостей, она, по счастью, была принята

за леди, приехавшую из Лондона, чтобы поприсутствовать на балу у своего друга. Но именно с этого вечера мисс Говард предстала перед нами в истинном свете, а именно куртизанки высокого полета, которая стремится любой ценой добиться своих амбициозных целей… Неприятное впечатление, произведенное появлением любовницы, было мужественно отмечено в докладе полицейского префекта. Это оружие… Обращаться с ним надо умело… Я займусь этим…»

И действительно, однажды Флери взял на себя смелость сказать принцу, что желал бы его видеть освободившимся от некоторых цепей и женившимся на какой-нибудь принцессе.

— Брак, соответствующий вашему титулу, послужил бы укреплению доверия внутри страны и завоеванию авторитета за ее пределами, чтобы со временем взять верх над предубеждениями и развеять опасения, которые не могут не возникнуть с возвращением вашей династии.

Но так как Луи-Наполеон оставался по обыкновению непроницаем, полковник Флери задал ему прямой вопрос:

— Думали ли вы о какой-нибудь принцессе, чей возраст и положение позволяют на ней жениться и чье согласие будет вам обеспечено?

На этот раз принц вышел из состояние немоты:

— Я признаю справедливость ваших рассуждений. Однако мое положение относительно царствующих домов весьма деликатно. Их пугает мое имя, и какие бы услуги я им ни оказывал, восстанавливая власть на ее подлинный фундамент, думаю, что еще не пришел момент стремиться, подобно моему дяде, к великому альянсу…

И после некоторого колебания добавил:

— Тем не менее я уже веду переговоры с моей тетушкой, великой герцогиней Стефанией, по поводу ее внучки, принцессы Каролины Ваза.

Флери успокоился.

Но, к сожалению, через несколько недель принц Ваза ответил, что его дочь «почти» сговорена с наследным принцем Саксонским… Это была пощечина Луи-Наполеону, который в состоянии глубокого разочарования поручил своему кузену Валевски, послу Франции в Лондоне, попросить руки одной из племянниц английской королевы, Аделаиды Гогенлоэ. Валевски вернулся ни с чем: родители Аделаиды были протестантами и потому заявили, что их дочь никогда не выйдет за католика…

После этого отказа ближайшее окружение Луи-Наполеона пришло в отчаяние:

— Теперь он, чего доброго, решит жениться на мисс Говард, — перешептывались в Тюильри, — и нашей императрицей станет англичанка с более чем сомнительным прошлым…

Но Флери и его друзья ошибались: мисс Говард уже числилась по разряду бывших любовниц.

Все дело в том, что в сердце Луи-Наполеона уже начинала зацветать новая любовь, пока еще слабая, но обещавшая вскоре разрастись, так как она была испанкой…

Объектом этой любви было восхитительное создание двадцати семи лет. Она была стройной, утонченной, немного рыжеватой, с лицом цвета чайной розы и голубыми глазами. У нее были самые красивые в мире плечи, высокая грудь, длинные ресницы и рот, в котором знатоки улавливали нечто, предвещавшее волнующую порочность…

Ее звали Евгения Монтихо.

Луи-Наполеон встретил ее впервые у принцессы Матильды и, как пишет один придворный, «сразу почувствовал волнение в августейших членах своей мужской натуры».

Запавшая в голову мысль заставляла его мурлыкать от удовольствия, лежа в постели, и в конце концов захватила его полностью.

Но м-ль Монтихо была не из тех молодых особ, которые вешаются на шею первому встречному. Как рассказывает г-н де Бле в присущем ему живописном стиле, она «опустила глаза, как только похотливый огонек вспыхнул в мутно-голубоватом взоре Луи-Наполеона».

Кто же такая Евгения Монтихо?

Молоденькая испанская аристократка, отец которой, бывший офицер наполеоновской армии, отзывался на звучное имя Сиприано-Гусман-Палафокс-Портокарреро, граф де Теба и де Монтихо, а мать — единственная наследница шотландца Уильяма Киркпатрика и Гревенье, сколотившего себе приличное состояние в Малаге на торговле фруктами и тонкими винами.

Отличавшаяся гордым нравом, эта дама, выданная замуж очень юной и против воли за дона Сиприано, выказывала в отношении мужчин, которые ей нравились, большую свободу в обращении. И в Гренаде шептались, «что она находит удовольствие в том, в чем честные женщины видят повод для осуждения»… Возможно, поэтому ей приписывали множество любовников.

Кое-кто из претендовавших на особую осведомленность, уверял даже, что и Евгения, и ее сестра Пака являются плодами

усердных трудов г-на Проспера Мериме в объятиях графини Мануэлы де Монтихо.

Глупейшие сплетни, разумеется, потому что графиня де Монтихо познакомилась с саркастическим Проспером только в 1830 году, то есть через четыре года после рождения Евгении .

В 1834 году графиня де Монтихо с двумя своими дочерьми переехала в Париж, где вновь встретилась с Мериме. В восторге от того, что опять видит очаровательную Мануэлу, любовником которой он, вероятно, был, автор «Хроники времен Карла IX» решил стать воспитателем двух испанских девочек.

А вскоре еще один знаменитый человек стал завсегдатаем в салоне графини де Монтихо. Это был г-н Бейль, прославивший себя впоследствии под именем Стендаля.

Несмотря на то, что ей тогда было только девять лет, Евгения влюбилась в г-на Бейля, который умел так интересно рассказывать всякие истории. Много лет спустя она призналась Огюстену Филону: «За обедом мы почти не ели (моя сестра и я), так нам не терпелось поскорее его послушать. При каждом звонке мы мчались к входной двери. Наконец, торжествующие, мы вводили его в гостиную и усаживали в предназначенное для него кресло у камина».

Сидя у огня, Стендаль брал обеих девочек к себе на колени и рассказывал о сражениях Наполеона.

«Мы не давали ему времени передохнуть, напоминали ему о победе, о том, что он тогда покинул императора, о котором мы целую неделю думали и потому нетерпеливо ожидали волшебника, в надежде, что тот воскресит его для нас. Его фанатизм передался нам. Мы плакали, мы дрожали, мы сходили с ума…»

Потом Евгения добавила: «Он первым заставил биться мое сердце…»

В течение четырех лет г-н Бейль заходил к донье Мануэле каждый четверг и мало-помалу сам полюбил прекрасную Евгению… Этой чистой любви мы, возможно, обязаны несколькими восхитительными страницами нашей литературы. Многочисленные исследователи творчества Стендаля уверяют, что это для нее он внес в «Пармскую обитель» описание битвы при Ватерлоо. Один из исследователей, Абель Эрман, писал: «Даже самым несведущим бросается в глаза, что эпизод битвы, столь красочно описанной, ничему не служит, что он никак не связан с развитием сюжета, и если бы он был опущен, книга, возможно, только выиграла бы; но все мы при этом много бы потеряли. Впрочем, никому и в голову бы не пришло требовать столь варварской жертвы. Но, читая эти страницы, как не

вспомнить толстого г-на Бейля, сидящего в кресле с двумя своими маленькими подружками на коленях и рассказывающего им каждый четверг о битвах Наполеона?»

Да, Стендаль был влюблен в Евгению, которую называл на свой лад, Эукения. В бесчисленных таинственных пометках, зачастую не поддающихся прочтению, которыми он заполнял поля своих рукописей, это странное имя встречается часто.

17 марта 1839 года обе девочки возвратились в Мадрид, где только что скончался их отец. Стендаль был в отчаянии. Многие месяцы спустя, под впечатлением этой даты он записал на полях одной страницы «Пармской обители»: «17 марта 1839 года. Отъезд Эукении, двор почтово-пассажирской конторы». Чуть ниже можно видеть запись, которую специалисты по криптографии едва расшифровали: «П. и Е. в Оло». Это означает, теперь мы знаем, что Пака и Евгения прибыли в Олорон, откуда будущая императрица Франции отправила писателю очень милое письмо.

Так что имя и инициалы голубоглазой девочки, часто встречавшиеся на полях рукописей Стендаля, свидетельствовали о его нежной и постоянной заботе о ней…

Однажды г-н Бейль, с сердцем, полным любви и, быть может, признательности своей маленькой вдохновительнице, написал совершенно откровенно внизу одной из своих тетрадей: «Я сделал это для Эук…»

Вот так, в свои четырнадцать лет, Евгения Монтихо, рыжеволосая красавица с волнующим взором голубых глаз, помогла, сама того не ведая, одному из величайших романистов всех времен проявить свой гений …

В Мадриде Евгения, у которой было немало чисто мужских склонностей, вела довольно свободную жизнь для девушки своего времени. Рассказывают, что она скакала верхом без седла, плавала брассом и фехтовала, как старый бретер, что невероятно шокировало дам из высшего общества.

Большая фантазерка, увлеченная читательница романов плаща и шпаги, будущая императрица мечтала быть похищенной разбойниками и поучаствовать с ними в каком-нибудь страшном и одновременно чудесном приключении. Иногда она отождествляла себя с героями своих романов вплоть до того, что копировала их поведение. Однажды, когда какой-то английский офицер начал иронизировать над ее манерой ездить верхом, она всадила себе в ладонь перочинный нож…

В шестнадцать лет Евгения превратилась в одну из самых красивых девушек Мадрида. Когда она выезжала верхом на

променад в Прадо, все офицеры пожирали ее глазами голодных волков, а иные не могли удержаться от восхищения ее рыжими волосами. Между тем сама она от этих рыжих волос была просто в отчаянии. Они казались ей сущим наказанием, и она подолгу расчесывала их свинцовым гребнем в надежде, что они хоть немного посветлеют. И надо сказать, этот странный способ за несколько месяцев дал желанный результат: Евгения стала блондинкой…

Отныне все для нее переменилось. Она смотрела на мужчин с вызывающей самоуверенностью и мечтала быть похищенной теперь уже только одним разбойником…

Максим Дю Кам, встретившийся с ней в 1842 году, был поражен ее раскрепощенностью. Вот что он пишет:

«Мы были поглощены игрой в маленькие кегли, не помню сейчас, как она называлась, которые надо было повалить каким-то особым образом, как вдруг в комнату вошла девушка с возгласом: „Ох, как накурено!“ Она пожала руку лорду Хоудену, поздоровалась по-испански с Мериме, и так как все мы в приветствии склонились перед ней, она вскочила на бильярдный стол и принялась танцевать качучу. Покачивая бедрами, выгибая грудь, отщелкивая пальцами ритм, приподнимая юбку и тряся опущенной головой с полу прикрытыми веками, она сбрасывала со стола бильярдные шары и смеялась. Лорд Хоуден ущипнул ее за икру; она легонько шлепнула его ладонью по голове, бросилась к двери и исчезла. Это была Евгения-Мария де Гусман, графиня де Теба…»

Эта новая манера держаться встревожила Меримо, и однажды он написал графине де Монтихо: «Я боюсь за Евгению, вокруг которой вьются лихие гусары, без единого су в кармане, зато с неподражаемыми усами и в ослепительных мундирах. И это заставляет меня всей душой желать, чтобы она поскорее была устроена, во всяком случае, раньше, чем начнется первая глава ее романа».

Первая глава романа, которого так опасался Мериме «для своей маленькой Евгении», оказалась весьма скорбной…

Однажды в 1842 году графине Монтихо нанес визит один из ее кузенов. Это был красивый молодой мужчина двадцати одного года с большими печальными глазами и лицом, обрамленным бакенбардами. Этот баснословно богатый человек был герцогом Альба и испанским грандом в двенадцатом колене.

И Евгения, и ее сестра Пака сразу же влюбились в своего красивого кузена.

В свою очередь, герцог Альба почувствовал сильное влечение к обеим сестрам, но никак не мог остановить свой выбор на

одной из них.

Целыми неделями он прогуливался под руку то с одной, то с другой, и весь Мадрид, забавляясь этим, гадал, какая же из сестер станет герцогиней…

В конце концов весной 1843 года, обстоятельно поразмыслив, герцог объявил г-же Монтихо, что хочет жениться на Евгении.

Графиня, отдававшая явное предпочтение старшей дочери, постаралась скрыть свое недовольство.

— Я должна подумать, — ответила она. Герцог, слегка удивленный этим, удалился. Г-жа Монтихо тут же пришла к Евгении и потребовала, чтобы та отвадила своего воздыхателя.

— Я хочу, чтобы он женился на твоей сестре. Поначалу девушка заупрямилась. Она любила герцога и хотела стать его женой. На протяжении двух недель в доме продолжались бурные сцены со слезами.

В конце концов, исчерпав все аргументы, графиня дошла до того, что публично ударила дочь. Ей удалось навязать свою волю. В один прекрасный день Евгения со слезами на глазах стала расхваливать свою сестру герцогу Альба.

— Вам следует жениться на ней… Она вас любит…

Молодой человек, не слишком твердый в своих чувствах, без труда дал себя уговорить, что привело в отчаяние бедную Евгению.

На следующий день, сделав попытку отравиться серными спичками, она написала ему удивительное, письмо, полное гордости, искренности, величия и жажды героизма:

«16 мая 1843 года. Среда, вечер. Мой бесценный кузен, Тебе покажется смешным, что я пишу такое письмо, но так как всему в этом мире бывает конец, мой тоже теперь не за горами, и мне хочется объяснить тебе все, что у меня на сердце, потому что я не в силах вынести это. У меня сильный характер… Но когда со мной обращаются, как с ослом, когда меня бьют прилюдно, кровь моя закипает, и я не знаю, что могу сделать. Многим кажется, что нет на свете никого счастливее меня, но те, кто так думает, ошибаются. Я несчастна, потому что сама себя сделала такой. Мне надо было родиться веком раньше.

Ты бы сказал, что я романтична и глупа, но ты добрый и простишь бедную девочку, которая потеряла всех, кто ее любил, и на которую все смотрят с безразличием, даже собственная мать, даже сестра и, осмелюсь ли сказать, даже мужчина, которого она любит больше всех и ради которого готова была бы попросить милостыню и согласиться на собственное бесчестие: мужчину этого ты хорошо знаешь. И не говори, что я сошла с ума, прошу тебя, пожалей меня: ты не знаешь, что значит любить человека,

который тобой пренебрегает.

Есть люди, которые рождены для счастья: ты один из этих людей. Господу угодно, чтобы ты был счастлив всегда. Сестра моя добра, она любит тебя, ваш брак не за горами, и тогда ваше счастье будет полным. Если у вас 15удут дети, любите их одинаково: не забывайте, что они оба ваше продолжение, и не задевайте чувства одного, демонстрируя большую любовь к другому. Следуйте моим советам и будьте счастливы. Этого тебе желает Твоя сестра, Евгения.

И не разубеждай меня, это бесполезно. Я кончу свои дни вдали от света и от тех, кого люблю. С Божьей помощью все возможно, и мое решение принято, потому что сердце мое разбито».

Как-то раз после этих событий, когда Евгения, сидя верхом, спускалась по лестнице, она свалилась с лошади и, больно ударившись, скатилась к ногам незнакомой старушки. Незнакомка помогла ей встать и сказала:

— Дай-ка мне твою руку, малышка. Я нагадаю тебе что-нибудь хорошее… О, какие у тебя чудесные линии!.. Ты высоко поднимешься, проживешь сто лет и закончишь свои дни ночью…

Из всего пророчества Евгения запомнила только одно: она проживет до ста лет. И она подумала, что для оплакивания погибшей любви это слишком долгий срок…

ЛУИ-НАПОЛЕОН ВСТРЕЧАЕТ ЕВГЕНИЮ У СВОЕЙ БЫВШЕЙ НЕВЕСТЫ

Бывают странные пересечения…

Голубой путеводитель

Пака де Монтихо вышла замуж за герцога Альба 14 февраля 1844 года.

Ее мать тут же принялась думать о том, как бы выдать свою вторую дочь. С этой целью она стала приглашать в дом всех титулованных молодых людей Мадрида. Вокруг Евгении теперь постоянно кружилась стайка претендентов подобно бабочкам-однодневкам в погожий летний вечер.

Будущая императрица, обожавшая поклонение, постепенно забыла герцога Альбу. К ней вернулись беззаботный смех, кокетство, свободные манеры. Она стала прогуливаться по широким мадридским проспектам под руку то с одним, то с другим из бесчисленных своих поклонников, и очень скоро праздная публика начала шептаться, «что она позволила вонзить в себя бандерилью в Алькасаре…» .

На самом деле все было намного тривиальней: Евгения просто флиртовала. Целомудренная, несмотря на все свои эмансипированные выходки, она тут же била веером по рукам своих воздыхателей, если они позволяли себе малейшие вольности.

Список тех, кому досталось по рукам, был довольно длинным. Назовем их: маркиз д'Альканьисес, будущий герцог де Сестос; виконт д'Агуадо, местный Ротшильд; граф д'Ультремон; Камерата, внук Элизы Бонапарт;

герцог де Дудовиль; писатель Эдуард Делессер; ее кузен Фердинанд де Лессепс и даже герцог Омальский, сын Луи-Филиппа, подумывавший одно время на ней жениться.

Все эти «женихи» вихрем проносились в жизни Евгении. Она шутила и смеялась с ними, отправлялась в их сопровождении на верховые прогулки, танцевала с ними на балах, но упрямо отказывала в своей руке.

Наступил, однако, день, когда она впервые заколебалась. Правда, претендентом на этот раз был человек довольно известный.

Его звали Наполеон.

Он был сыном Жерома Бонапарта, братом принцессы Матильды и племянником императора. К тому же он находился в Мадриде в качестве посла принца-президента Луи-Наполеона.

Евгения, детство которой прошло в атмосфере легенд о наполеоновской эпопее, была в восторге от нового претендента. Она приняла принца Наполеона, которого близкие звали Плон-Плон, с такой нежной теплотой, что привела в изумление г-жу де Монтихо.

«Ну, теперь, — подумала графиня, — моя дочь выйдет замуж. Она станет принцессой!»

Страшно обрадованная, она дала понять принцу, что желаемый им союз будет ею одобрен. Толстяк Плон-Плон тут же написал принцу-президенту, чтобы сообщить ему о своих планах. От письма, полученного в ответ, он похолодел. Без сомнения, письмо это было Продиктовано Луи-Наполеону злодейкой-судьбой. Но тогда еще никто не был в состоянии оценить весь комизм ситуации. В письме содержалась следующая фраза:

«Забудьте думать об этом, мой кузен. М-ль де Монтихо из тех девушек, с которыми спят. но на которых не женятся…»

Принц Наполеон поспешил сразу же прекратить все отношения с Евгенией.

Оскорбленная до глубины души, г-жа де Монтихо решила отправиться в путешествие. Она приехала с дочерью на воды в курортный городок Спа и остановилась в отеле «Фландрия». А вскоре там остановился другой испанец, бывший когда-то любовником графини, а теперь заинтересовавшийся Евгенией. Это был герцог д'Оссума. Не успев появиться, он принялся настойчиво ухаживать за девушкой и, как утверждают некоторые мемуаристы, на сей раз флирт перешел границы светской игры.

Послушаем, что говорит об этом Стелли:

«По вечерам, когда ночные тени медленно опускаются с гор, меж которых струятся воды реки Амблев, припозднившийся любитель прогулок мог видеть в извилистой долине молодого человека и девушку, по-видимому, влюбленных в тишину и таинственность. Судя по тесно сплетенным рукам, по тому, как они обменивались довольными взглядами, по выражению их трепещущих губ, нетрудно было понять, что это отнюдь не естествоиспытатели, изучающие геологический характер известковых отложений или складчатую систему залегания горных пород.

В одну из таких прогулок они дошли до грохочущего водопада Коо. Один художник с высоты скал любовался великолепным зрелищем реки Амблев, воды которой издалека были похожи на цепь озер. В них, точно в зеркало, глядели тихие

звезды серебристого неба. У подножия скалы, на которой он находился, на скамье из сланцевого кварца художник заметил то, что шевалье Сент-Эньян некогда называл «две души, слившиеся в одно», иначе говоря, прекрасного сеньора в обнимку с не менее прекрасной дамой.

Когда художник приблизился к каменной скамье, она была уже пуста, но он успел заметить, как две потревоженные тени удалялись; поспешившему их обогнать нескромному мечтателю показалось, что он узнал в них молодую графиню и молодого герцога, остановившихся в отеле «Фландрия»

Однако на сей раз отношения с поклонником порвала Евгения, и г-жа де Монтихо возвратилась в Париж. Обе женщины сняли квартиру в доме двенадцать на Вандомской площади и скоро стали посещать самые аристократические салоны столицы.

Однажды вечером в одном из парижских салонов Евгения познакомилась с принцем-президентом. Эта первая встреча на самые разные лады была расписана и историками, и мемуаристами. А еще позже кто-то сочинил об этом песню, которая в оппозиционных кругах пользовалась огромным успехом.

События, впрочем, развивались не слишком резво. В первый раз Евгения де Монтихо и Луи-Наполеон встретились в салоне принцессы Матильды, месте в высшей степени чопорном, где гости не имели обыкновения «щупать» дам за мягкие места…

Как известно, принцесса Матильда издавна трепетала при одной только мысли, что Луи-Наполеон может жениться на мисс Говард. Однажды вечером, полная решимости помочь судьбе, она устроила у себя дома на улице Курсель обед в честь принца-президента и пригласила Евгению де Монтихо, с которой сама недавно познакомилась.

Результат оказался сногсшибательным. Едва войдя в гостиную, Луи-Наполеон наклонился к кузине:

— Матильда, кто эта молодая женщина?

— Она здесь впервые, иностранка, из андалузской семьи, м-ль де Монтихо…

Принц удивленно покачал головой:

— Вот как? Неужели? Представьте же меня ей…

Не прошло и десяти минут, как в уголке у камина Луи-Наполеон уже вовсю ухаживал за Евгенией.

Загоревшимся взором гурмана он с волнением смотрел на ее руки, плечи, на хрупкую шейку и соблазнительную грудь прекрасной испанки.

«Он был похож, — писал Стелли, — на ребенка, стоящего перед тортом с кремом…»

Без устали пробуя ее взглядом, принц стал расспрашивать девушку, чем она любит заниматься. Услышав, что ей нравится чтение, он увидел в этом возможность сделать для нее что-то приятное и пообещал прислать свой «Трактат об артиллерии». Труд, конечно, более чем серьезный для юной девицы, но Евгения вежливо ответила, что счастлива будет получить книгу…

На следующий день гвардеец привез ей не только «Трактат», но и приглашение на бал. Очень, очень скоро дамы де Монтихо стали постоянными посетительницами Елисейского дворца.

Однажды принц-президент, видевший в Евгении лишь возможную фаворитку, попытался дать волю рукам, но получил довольно резкий удар веером, напомнивший ему, что он имеет дело не с танцовщицей из Оперы. Однако Луи-Наполеон решил, что добьется своего, и продолжил ухаживания.

Как-то раз он проезжал верхом мимо окон девушки и раскланялся с нею:

— Как можно к вам зайти? Она ответила с улыбкой:

— Через часовню…

Но и на этот раз Луи-Наполеон подумал, что это всего лишь остроумная шутка. Он продолжал свои галантные ухаживания, приглашал Евгению на охоту, позволял ей пользоваться своей ложей в Опере и посылал букеты цветов. Все тщетно. Красавица принимала все, но ничего не позволяла.

31 декабря 1849 года принцесса Матильда устроила у себя новогодний вечер. Вполне естественно, туда были приглашены и принц-президент, и Евгения.

Как только пробило полночь, принцесса Матильда, по просьбе Луи-Наполеона, у которого был свой план, воскликнула:

— Полночь, господа! Все целуются!

Принц сразу устремился к Евгении. Но ее гибкая фигурка мгновенно выскользнула из президентских рук. Она побежала по комнате и спряталась за спинкой кресла.

— Это же такой обычай во Франции, — бормотал Луи-Наполеон, догоняя ее.

Взглянув на него ясными голубыми глазами, Евгения сказала спокойно:

— Но такого обычая нет в моей стране. На сей раз принц, наконец, понял, что дела его пойдут не так скоро, как он надеялся, и что, по выражению Стелли, можно было не спешить согревать грелкой постель.

И тогда он решил завлечь девушку в ловушку. Однажды утром Евгения и ее мать получили приглашение на обед в Сен-

Клу, куда принц переселился на лето.

Они прибыли туда и, к удивлению своему, увидели, что замок пуст. Несколько слуг вышли к ним и объяснили, что принц-президент ждет их в Комблевале, в павильоне, расположенном посреди парка, и что ехать туда надо по дороге на Вильнев-л'Этан.

Дамы отправились туда в карете.

В Комблевале они нашли только Луи-Наполеона и его верного Бачиоки.

— Мы сейчас пообедаем вчетвером, — сказал он и посмотрел на Евгению так, что ей стало не по себе.

Затем он провел приглашенных в столовую, и очень скоро стало ясно, что Бачиоки, как, впрочем, и графиня, присутствуют здесь только в качестве ширмы. «Весь этот обед, — пишет Стелли, — был лишь постепенным приготовлением к ночи, на которую испанская матушка должна будет закрыть глаза». После этого леденящего душу «наедине» при свидетелях принц предложил прогуляться по парку и подал руку Евгении, а Бачиоки взял под руку г-жу де Монтихо.

На этот раз девушка замерла на месте и сухо напомнила Луи-Наполеону о приличиях:

— Монсеньер, здесь находится моя мать.

Принц не стал настаивать, и дамы молча обменялись кавалерами. Можно догадаться, что прогулка была не слишком веселой.

Через час г-жа де Монтихо и ее дочь вернулись в Париж с чувством сильнейшего унижения, одна из-за того, что на нее смотрели как на возможную любовницу, другая из-за предложенной ей роли снисходительной матери…

Чтобы забыть это оскорбление, они выехали на курорт, на берега Рейна.

Принц-президент, со своей стороны, был очень удручен вечером в Комблевале. Однако он не стал искать забвения в путешествиях. Он просто попросил привезти к нему в Сен-Клу маленькую актрисульку из Французского театра, которая преподала ему, как говорят, урок нелегкий, но приятный…

По возвращении из Германии дамы де Монтихо были приглашены на прием в Елисейский дворец.

Луи-Наполеон, которого неудача в Комблевале ничуть не обескуражила, был с Евгенией неподражаемо галантен, и присутствовавшие отметили, «что глаза его впились, точно пиявки, в покатые плечи девушки…».

На другой день принц-президент, готовый испробовать все

возможные способы, чтобы понравиться Евгении, послал ей свою книгу, озаглавленную «Уничтожение пауперизма».

Поначалу молодую испанку покоробило заглавие. Но когда она прочла книгу, Луи-Наполеон предстал перед ней существом мечтательным и немного фантазером, то есть очень похожим на нее. Она была этим тронута.

Настолько тронута, что на другой день после государственного переворота, когда в Париже еще возвышались баррикады, она написала Бачиоки записку, в которой сообщала, что если принц потерпит неудачу в своем предприятии, она готова отдать в его распоряжение все, чем сама владеет.

Конечно, то, чем владела Евгения, было не слишком значительно, но сам жест взволновал Луи-Наполеона. Он читал и перечитывал эту записку — странную для девушки, которую он попытался изнасиловать, — и думал, что женщины всегда проявляли по отношению к нему поразительное благородство…

В течение всего 1852 года принц-президент, не покидая мисс Говард, которая финансировала государственный переворот, ни маленьких танцовщиц из Оперы, продолжал медленное и нелегкое завоевание испанки.

Он постоянно писал ей, точно влюбленный школяр, длиннющие письма, полные цитат из Расина и поэтических образов, позаимствованных из модных в то время песенок.

В свою очередь, Евгения не без помощи Мериме, который безумно веселился, отвечала на эту убогую литературщину целыми страницами, заполненными глубокими размышлениями на тему об искусстве государственного управления или о механизме межгосударственных альянсов со времен Людовика XV.

Осенью дамы де Монтихо, пропутешествовавшие все лето, вернулись в Париж. Луи-Наполеон сразу пригласил их в Фонтенбло, где устраивал псовую охоту. Мать и дочь прибыли туда 12 ноября вместе с остальными гостями, для которых были подготовлены специальные повозки.

В замке гостей довольно скромно разместили в крыле Людовика XV, на третьем этаже, в комнатах, выходящих в английский парк.

Никому тогда и в голову не могло прийти, что через каких-нибудь три месяца Евгения станет французской императрицей…

13 ноября состоялась большая охота. Молодая испанка, получившая лошадь из конюшни принца, показала себя на редкость смелой наездницей. В тот же вечер Луи-Наполеон послал ей охотничий трофей — оленью ногу. Честь, которой она

была удостоена, поразила всех тех, кому двумя неделями позже предстояло составить «двор» будущего императора.

Следующий день после охоты был кануном дня Св. Евгении. Принц распорядился послать цветы м-ль де Монтихо и попросил ее принять от него в подарок лошадь, на которой она ехала накануне. На этот раз гости принялись с ехидством судачить, а принц Наполеон, брат принцессы Матильды, позволил себе вслух высказать несколько неуместных шуток. Оскорбленная Евгения написала графу де Гальве, деверю Паки: «Ты не можешь себе представить, что здесь говорят обо мне с тех пор, как я приняла эту лошадь в подарок от дьявола…»

Она не написала, что Луи-Наполеон под лживым предлогом показать ей статую Карла Великого попытался затащить ее в постель…

Пребывание в Фонтенбло завершилось 18 ноября. А 21 числа 7824189 голосами «за» против 233145 голосов «против» плебисцит легитимизировал восстановление империи, которая и была торжественно провозглашена 1 декабря. На сей раз г-жа де Монтихо поняла, что пора действовать решительно. В минуту нежности и признательности Луи-Наполеон вполне мог вернуться к мисс Говард. Он также мог под давлением Морни и Матильды жениться на какой-нибудь иностранной принцессе. По словам Фийона, графине необходимо было «разжечь в императоре столь сильное желание обладать сладостным телом Евгении, чтобы ничто другое в целом мире не имело для него значения».

Г-жа де Монтихо добилась своей цели блистательно.

Вскоре новоиспеченный суверен уже не мог видеть Евгении без огромного, всем заметного и крайне стеснявшего его волнения. Факт этот был столь очевидным, что завсегдатаи Тюильри толкали друг друга локтями и с тех пор называли Наполеона III не иначе как Его Обширное Величество…

18 декабря Наполеон III пригласил свой двор, а также дам де Монтихо, в Компьень. Он хотел совершить последнюю попытку взять крепость штурмом, прежде чем решиться на брак. По его указанию архитектор Лефуэль проделал потайной вход в стене комнаты, предназначенной для Евгении.

В первую же ночь девушка проснулась от каких-то непонятных прикосновений. От страха она громко закричала. Но голос, который она хорошо знала, прошептал:

— Не пугайтесь, это я.

При свете пылавшего в камине огня она узнала императора.

Внезапно успокоившись, она натянула на себя сдернутое

монархом одеяло и сказала:

— А я думала, что приехала в дом к джентльмену…

Устыженный Наполеон III вышел из комнаты через потайную дверь, «унося, по словам одного мемуариста, свой укоротившийся срам и снедаемый любовью, которая лишила его всякой воли».

На следующий день Евгения приветствовала его слегка иронической улыбкой, но не отказалась от предложенной им прогулки по парку. Утро было чудесное, и император воспользовался прогулкой, чтобы попросить прощения за свою ночную выходку. Послушаем г-на де Мопа, который присутствовал при этой сцене:

«Лужайки были покрыты обильной росой, и солнечные лучи придавали водяным каплям отсвет и прозрачность алмазов. М-ль Евгения де Монтихо, чья натура была глубоко поэтичной, восхищалась капризами и волшебством солнечных бликов. В частности, она обратила наше внимание на листок клевера, отягощенный каплями росы, которые были похожи на драгоценные камни, выпавшие из женского украшения. По окончании прогулки император отвел в сторону графа Бачиоки, и тот через несколько минут отбыл в Париж. На следующий день граф вернулся и привез невероятно красивую драгоценность в форме листка клевера, каждая часть которого была украшена чудным алмазом в виде капли росы. Графу удалось раздобыть изделие, с редким совершенством повторявшее листок, которым накануне восхищалась будущая королева».

Вечером того же дня была устроена лотерея, и случаю было угодно (не без стараний Бачиоки), чтобы именно Евгения выиграла это чудное украшение.

Придворные тут же зашептались, что молодой испанке теперь придется в обмен на это отдать императору «свою маленькую фамильную драгоценность»…

НАПОЛЕОН III ВОЗЛАГАЕТ ВЕНОК ИЗ ФИАЛОК НА ГОЛОВУ ЕВГЕНИИ

Бывают жесты, говорящие о многом…

Поль Клодель

Однажды утром Наполеону III захотелось с кем-нибудь поговорить о своей любви. Он попросил вызвать графа Флери, предложил ему сесть, а сам подошел к окну. Долго в молчании он смотрел на деревья в парке, которые, казалось, спали под зимним небом. Потом обернулся и сказал:

— Флери, я люблю м-ль де Монтихо.

Граф улыбнулся.

— Я понимаю, сир, и вижу, что это не сегодня случилось. Но в таком случае существует только один выход… Женитесь на ней!

Наполеон III опустил глаза.

— Я подумываю об этом всерьез, — сказал он. Он действительно думал об этом уже несколько дней, признавая тем самым правоту принцессы Матильды, которая однажды сказала:

— Луи женится на первой же женщине, если она, конечно, согласится, которая отвергнет его домогательства…

Г-же де Монтихо были известны ее слова. И потому она ежедневно напоминала дочери, чтобы та ни в коем случае не позволила императору затащить себя в постель.

Но Евгения не нуждалась в ее советах. Она прекрасно владела искусством маневра, позволявшего как можно сильнее разжечь желание влюбленного и привести его к намеченной ею цели.

Как-то раз в императорской гостиной играли в «очко». М-ль де Монтихо сидела справа от Наполеона III и всякий раз, испытывая затруднения, обращалась к нему за советом. И вот, как рассказывает граф Флери, снимая с колоды очередные карты, она обнаружила у себя две «костюмных» «картинки». Она показала их императору, спрашивая взглядом, как поступить. На немой вопрос последовал ответ:

— Остановитесь на этом. У вас хорошие карты!

— Нет, — возразила она, — я хочу все или ничего!

И она потребовала у банкомета еще одну карту. Тот сдал ей туза. Она сразу открыла свои карты, и на лице ее появилась улыбка, казалось, говорившая, что воля торжествует над судьбой …

Фраза «я хочу все или ничего» произвела сильнейшее впечатление на весь королевский двор. Придворные молодые женщины, без конца вертевшиеся перед императором в надежде привлечь его внимание, считали, что «малышка Монтихо» совершила большой промах. И весь вечер злорадствовали по этому поводу.

Однако следующий день принес им небывалое разочарование: к концу обеда Наполеон III взял в руки украшавший обеденный стол венок из фиалок и надел его на голову Евгении.

На сей раз побледнели все придворные.

Не собирается ли император сделать вслед за этим какое-нибудь заявление? Не скажет ли он хотя бы несколько слов в оправдание своего экстравагантного поступка? Или, по крайней мере, произнесет нечто шутливое, дабы освободить это увенчание от всякого символического смысла?

Нет! Он встал и, улыбаясь, направился в гостиную, где уже были расставлены ломберные столы.

Вечер прошел под звук смятенных перешептываний.

Хотя к этому моменту Наполеон III уже твердо решил жениться на Евгении, оставался тем не менее еще один вопрос, который его мучил: была ли молодая испанка невинна в свои двадцать семь лет?

Однажды утром, когда он в очередной раз прогуливался с ней в парке, император с лицемерной наивностью задал ей прямой вопрос.

Глядя ему в глаза, м-ль де Монтихо ответила:

— С моей стороны было бы обманом, сир, не признаться, что сердце мое трепетало, и не раз, но при всем том могу вас заверить, что я все еще мадемуазель де Монтихо…

Наполеон вздохнул с облегчением.

Когда они не спеша возвращались в замок, он сорвал веточку вьющегося на дубе плюща, соединил концы и получившуюся корону с нежностью надел на головку Евгении:

— В ожидании другой, — сказал он…

В конце декабря двор возвратился в Париж. Наполеон III сразу отправился к мисс Говард. Ему не терпелось порвать с ней, хотя именно ей он был всем обязан. И еще одна вещь его тревожила. У англичанки хранились все его письма, все записки, и Наполеон опасался, как бы в порыве отчаяния она не отправила их Евгении… Чтобы забрать эти письма или хотя бы выкупить, он и явился на Цирковую улицу.

Мисс Говард знала, что Наполеон III любит м-ль де Монтихо. Она знала и безмерно страдала от этого. Но, конечно, она не могла знать того, что император, упоминая о ней, сказал Евгении:

— Я больше не увижу ее…

Вот почему мисс Говард приняла с нежностью, хотя и грустной, своего обожаемого любовника.

Но с первых слов ей стало понятно, что этот вечер станет вечером их разрыва. Молчаливая, бледная, утонувшая в мягком, широком кресле, она слушала императора, говорившего ей о деньгах, о «возврате писем», о «возмещении убытков», о титулах, о «династической необходимости», о «вознаграждении за понесенный ущерб»… Когда он, наконец, замолчал, она мягко напомнила ему об обещании жениться. Из деликатности она не коснулась тех огромных сумм, которые он был ей должен, но напомнила о трудных временах, которые они пережили вместе. Тогда он закурил сигарету с обиженным видом и кончил тем, что задремал. Когда же проснулся, огонь в камине уже погас, и в комнате никого не было. Измученная Херриэт ушла спать. На другой день, все еще страдая из-за немыслимого свинства императора, она написала одному из своих соотечественников следующее письмо:

«Его Величество пришел вчера вечером ко мне и предложил выходное пособие: да, графство, титул с правом передачи его по наследству, замок, да еще приличного мужа-француза в придачу… О, как все это ужасно! Доза опиума мне сейчас была бы куда полезнее… Всемогущественный сеньор провел в разговорах со мной два часа… Потом он задремал на моей красной софе и храпел, пока я плакала…

31 декабря Наполеон III дал прием в Тюильри. Дамы де Монтихо, разумеется, тоже были приглашены. В какой-то момент, когда Евгения одна шла через зал Маршалов, ее грубо толкнула г-жа Фортуль, жена министра внутренних дел, сказав при этом ядовитым голосом:

— Я никогда не уступаю дорогу авантюристке!

Побледневшая Евгения посторонилась и сказала:

— Проходите, мадам!

После этого она прошла в зал и села за столом императора рядом с матерью. Наполеон сразу заметил, что на глазах у девушки выступили слезы. Он наклонился к ней:

— Что случилось?

— Случилось, сир, что меня в этот вечер оскорбили, а чтобы не стать оскорбленной во второй раз… Завтра я покидаю Париж…

Тогда Наполеон ласково и нежно накрыл ладонью руку Евгении и сказал:

— Не уезжайте… Завтра вас уже никто не оскорбит…

После обеда г-жа де Монтихо уехала спать с головой, полной радостных предчувствий.

На следующий день, 1 января 1853 года, г-жа де Монтихо подумала, что император приедет к ним инкогнито с новогодними пожеланиями и, воспользовавшись этим, попросит руки Евгении. Крайне взволнованная, она распорядилась расставить по всему дому вазы с цветами, надела шелковое платье цвета морской волны и в ожидании подошла к окну.

В течение всего дня множество карет останавливалось на Вандомской площади у дома 12, но г-жа де Монтихо так и не дождалась, чтобы из одной из них показался громадный нос, который она так желала увидеть.

2 января графиня еще ждала с некоторой надеждой. 3 января ее ожидание сопровождалось тревогой, четвертого — гневом, а пятого — уже ненавистью. Наконец шестого она пригласила к себе своего кузена Фердинанда де Лессепса, своего бывшего любовника Проспера Мериме и графа де Гальве — своего зятя, брата герцога Альбы.

— Что мне делать? — спросила она их. Будущий археолог и историк древних памятников был категоричен:

— Надо уехать, покинуть Париж, вообще Францию и тем самым преподать урок Наполеону III. Евгения была того же мнения.

— Мы должны уехать немедленно. Никаких слов и прощаний.

Потом она призналась, что начала складывать чемодан еще вчера, и вдруг разразилась рыданиями. Тут уж и г-жа де Монтихо взорвалась:

— Я не хочу, чтобы ты страдала! Едем в Рим, и пусть наш отъезд будет пощечиной императору. Этот человек просто плут. Он всю жизнь только и делает, что обманывает!

Но тут снова вмешался Мериме:

— Нет! Не уезжайте. Иначе все подумают, что вы сбежали. Весь двор начнет потешаться… 12 января в Тюильри будет большой бал. Вас туда пригласят. Появитесь на балу и объявите сами императору о своем решении…

При мысли о том, что двор может смеяться над ними, г-жа де Монтихо побледнела:

— Вы правы. Надо остаться. Будем сильнее их.

Но пока г-жа де Монтихо готовилась дать последнее сражение, Наполеона III брали приступом члены его семейства и близкие друзья.

Все стремились доказать ему, что именно для подтверждения того, что Вторая империя родилась, он должен заключить союз с какой-нибудь принцессой королевской крови, а не с некоей «м-ль де Монтихо».

Всем им он отвечал только одно:

— Я люблю ее…

Тогда Плон-Плон начал стучать кулаками по столу, принцесса Матильда кричала, что брак этот погубит империю, а Персиньи, ухватив императора за пуговицу сюртука, завопил:

— Неужели надо было, рискуя всем, совершать государственный переворот при нашей поддержке, чтобы потом жениться на лоретке…

Наполеон III, оставаясь бесстрастным, снова и снова повторял:

— Возможно, но я люблю ее…

Наконец экс-король Жером положил руку ему на плечо:

— Поступай по-своему… Раз ты ее любишь, женись на ней. По крайней мере, у тебя будет красивая девушка в постели…

12 января дамы де Монтихо прибыли в Тюильри, где весь двор смотрел на них с иронией и презрением. Но после одного инцидента улыбки буквально застыли на лицах…

Послушаем рассказ свидетеля, графа де Хюбнера, посла Австрии:

«М-ль де Монтихо появилась под руку с Джеймсом Ротшильдом, по обыкновению очаровывая своим обликом молодой андалузки. Один из сыновей Ротшильда вел г-жу де Монтихо. Отец и сын собирались усадить своих дам на банкетку, где уже сидели жены министров. Одна из них (г-жа Друэн дс Люис), яростная противница предполагаемого брака, сухо заметила м-ль де Монтихо, что эти места предназначены для жен министров. Император заметил это, поспешил на помощь двум попавшим в беду испанским дамам и указал им на стулья рядом с членами семьи. Велико же было смущение строгой блюстительницы правил этикета, слишком поздно заметившей свою оплошность. Еще большим было удивление всех присутствовавших при этой почти бурлескной сцене, которая обнаружила матримониальные намерения императора. Пожалуй, можно считать, что на этом балу состоялось объявление о браке»

Несмотря на честь, которая ей была оказана, Евгения по-прежнему собиралась покинуть Париж.

Во время второй кадрили ее пригласил на танец император. Оба очень смущенные, они долго танцевали молча. Наконец Наполеон III заговорил:

— Что с вами? Вы выглядите усталой? И все же я хотел бы

вам сказать…

— Я тоже, сир. Я должна с вами попрощаться.

— Как?

— Я уезжаю завтра.

Император побледнел.

— Пойдемте!

На глазах у остолбеневших гостей он повел девушку в свой кабинет. Они вышли оттуда через полчаса, оба улыбающиеся и даже насмешливые. Весь двор немедленно решил, что в кабинете разыгралась какая-то важная сцена.

Но какая?

Никто не мог даже предположить, что император всех французов только что — почти под диктовку Евгении — написал письмо, адресованное другой женщине.

И женщиной этой была г-жа де Монтихо.

А что касается самого письма, то вот его содержание:

«Г-жа графиня,

Я давно уже люблю мадемуазель вашу дочь и желаю сделать ее своей женой. Поэтому сегодня я прошу у вас ее руки, так как никто, кроме нее, не может составить моего счастья и никто более нее не достоин носить корону. Прошу вас, если вы согласны, не предавать огласке мое предложение, пока мы не уладим все наши дела.

Соблаговолите, госпожа графиня, принять уверение в моей самой искренней дружбе.

Наполеон».

Г-жа де Монтихо вполне могла бы снова расставить в своей гостиной вазы с цветами…

Граф де Хюбнер. Воспоминания о девятилетнем пребывании посла Австрии в Париже при Второй империи.

Когда мать прочла письмо императора, Евгения обняла ее и ушла в свою комнату и спокойно написала победный отчет герцогине Альба:

«Моя дорогая и добрая сестра,

Я хочу первой сообщить тебе, что выхожу замуж за императора. Он был со мной так благороден и проявил ко мне такую нежную привязанность, что я и теперь еще взволнована. Он боролся и победил…»

В своем письме к г-же де Монтихо Наполеон III просил не предавать огласке свое намерение. Он не знал, что слуги во дворце, всегда все знающие, позаботились о том, чтобы распространить эту новость.

И действительно, 16 января весь Париж уже был в курсе и

пребывал в растерянности. Вот что рассказывает Орас де Вьель-Кастель:

«Брак этот вызвал дьявольский переполох. Вчера на бирже курс упал на два франка. Прежние политические партии проснулись, завопили о скандале, о скомпрометированной национальной чести и принялись распространять клеветнические слухи о м-ль де Монтихо. Предместье Сен-Жермен сочло себя оскорбленным, император молчал и продолжал готовиться к осуществлению своего намерения. Тьер без конца повторял всем, кто готов был слушать, что „никогда не надо бояться людей слегка подвыпивших, но следует опасаться момента, когда они совсем опьянеют“.

Были, конечно, и такие, кто одобрял этот брак из соображений здоровья. Г-н Дюпин, к примеру, заявил:

— Император правильно делает, что женится на той, которая ему нравится, и не дает себя провести всем этим золотушным немецким принцессам, у которых ноги шире моих. По крайней мере, если император будет… свою жену, так сделает это для собственного удовольствия, а не из чувства долга…

Но что же делал Наполеон III, пока Евгения наслаждалась своим триумфом, а весь Париж бурно обсуждал сообщение об августейшей свадьбе?

Он готовился к первой брачной ночи.

Каждый день после полудня император принимал в тайной гостиной Тюильрийского дворца юную танцовщицу из Оперы, известную своим искусством в делах любви. «Эта девица по имени Адель, по словам Стелли, развила свои таланты, поработав несколько лет у одной куртизанки с улицы Антен, где перебывало все, что было самого порочного в Париже. Адель были известны все позы, которым обучают китайцы, да она и сама изобрела одну фигуру, которую, не мудрствуя лукаво, назвала „штопор“, хотя некоторые очень важные придворные особы отзывались об этом новшестве с уважением».

Еще раньше эта блестящая партнерша обучила графа Флери всем тонкостям маленькой любовной игры, которая описана в учебниках по эротике под выразительным названием «кузнечики-лакомки»…

Надо полагать, в обществе Адель император совершенствовался в своем умении с весьма похвальной целью очаровать Евгению де Монтихо в королевскую брачную ночь…

МИСС ГОВАРД СТАНОВИТСЯ ЗНАТНОЙ ДАМОЙ

Бывают странные совпадения…

Луи Повель

21 января Наполеон III, попросив руки Евгении, получил на это согласие и неожиданно оказался в очень затруднительном положении.

Как объявить мисс Говард о своем обручении?

После долгого размышления монарх решил, что проще всего вообще ничего не говорить, удалить от себя англичанку и сделать так, чтобы она узнала обо всем из газет.

Придя к такому решению, он успокоился и с довольной улыбкой явился на Цирковую улицу.

Херриэт обрадовалась его приходу, бросилась на шею, потянула слегка за усы и потащила на софу.

Наполеон III, хорошо знавший женщин, подумал, что небольшое проявление учтивости приведет мисс Говард в хорошее расположение духа и она спокойно выслушает его. Поэтому он скинул свой сюртук, аккуратно разложил его на кресле, потом развязал галстук и расстегнул ворот рубашки, так как, по словам Леона Пено, был подвержен «распуханию шеи во время любовных усилий».

Через несколько секунд мисс Говард, «этот красивейший английский фрегат, уже плыла, подняв все паруса, по бурному морю любви».

Кончив резвиться, довольные собой любовники подсели к камину, и император заговорил:

— Моя дорогая Херриэт, — начал он, — я решил послать вас с официальной миссией.

Такое доверие заставило мисс Говард просто покраснеть от удовольствия. Она с нежностью обняла Наполеона III, который объяснил ей, что некий английский шантажист грозит ему скандалом.

— Вы поедете в Лондон, — сказал он. — Вам надо будет изучить обстоятельства дела и негласно повидаться с людьми, указанными в этом списке. В вашем путешествии вас будет сопровождать г-н Жан Мокар. Вы выезжаете завтра.

Вне себя от радости, что может оказать услугу своему

драгоценному любовнику, Херриэт мгновенно собрала вещи. На рассвете следующего дня, в сопровождении главы правительственного кабинета, она уселась в коляску и покатила в Гавр, где, как было условленно, ей надо было сесть на корабль и отплыть в Англию.

Через несколько часов после того как молодая женщина и г-н Мокар выехали в Нормандию, император обратился к приглашенному в тронный зал дипломатическому корпусу. Уверенный в том, что навсегда избавился от несчастной Херриэт, он в каком-то игривом тоне заговорил о своей женитьбе:

— Брак, в который я собираюсь вступить, нарушает традиции старой политики.

Но именно в этом его преимущество.

Когда на глазах у дряхлеющей Европы вас, силой нового порядка, возносит до уровня древних династий, то надо понимать, что происходит это не по причине искусственного превращения вашего герба в старинный и попытки любой ценой приобщиться к семье существующих королей, а скорее потому, что вы постоянно помните о своем происхождении и перед всей Европой легко соглашаетесь носить звание выскочки, звание, между прочим, весьма славное, если вы «приобретаете» его в результате голосования большинства народа. И вот теперь я хочу сказать Франции: я предпочитаю женщину, которую люблю и уважаю, женщине мне незнакомой, брак с которой может обернуться не только преимуществами, но и жертвами…

После этого он заговорил о Евгении с волнением и нежностью:

— Моя избранница — женщина высокого происхождения. Француженка сердцем, она, будучи испанкой, имеет то преимущество, что во Франции у нее нет семьи, членам которой надо было бы раздавать почести и звания. Глубоко верующая католичка, она будет возносить Всевышнему те же молитвы, что и я — молитвы о счастье Франции. Грациозная и добрая, она, в своей новой роли, возродит добродетели императрицы Жозефины .

В тот же день дамы де Монтихо поселились в Елисейском дворце. Евгения немедленно написала сестре свое знаменитое письмо:

«Сестра моя.

В настоящий момент я перебираюсь в Елисейский дворец и у меня нет ни минутки времени, чтобы передать тебе мое волнение. Все это очень грустно. Я простилась с моей семьей, моей страной, чтобы всю себя посвятить одному человеку, который полюбил меня так, что возвысил до трона. Я люблю его, и это самая

большая гарантия нашего счастья. Он благороден сердцем и предан мне. Надо хорошо знать его в частной жизни, чтобы понять, какого уважения он достоин. Его речь произвела магическое действие, потому что он обращался к народу и к сердцу каждого, а это во Франции никогда не было делом бесполезным. Сегодня я пока еще с ужасом думаю об ответственности, которая ляжет на меня, но все-таки я выполню предначертанное мне судьбой. Я Дрожу, нет, не от страха перед убийцами, а.от того, что могу оказаться менее значительной в Истории, чем Бланка Кастильская и Анна Австрийская. Посылаю тебе речь Луи-Наполеона и уверена, что она тебе понравится.

Прощай. Сегодня в первый раз кричали: «Да здравствует императрица!» Дай Бог, чтобы так было всегда, но в случае несчастий я буду тверда и мужественна еще больше, чем при полном благоденствии.

Любящая тебя сестра

Евгения».

Объявив о своем браке. Наполеон III вернулся в свои покои, пообедал и с легким сердцем улегся спать.

Он и подумать не мог, что капризы погоды могут опрокинуть все его планы. А между тем сильный шторм, разыгравшийся на Ла-Манше, стал причиной того, что мисс Говард и г-н Мокар застряли в порту и вынуждены были провести ночь в портовой гостинице…

Утром 23-го, в тот час, когда император с ощущением наступившей свободы поднялся, напевая, с постели, Херриэт, поджидавшая судно из Саутгемптона, купила газету и, кинув на нее рассеянный взгляд, побледнела: шапка, набранная крупными буквами на первой странице, гласила:

«Его Величество Император объявил о своей помолвке с м-ль Монтихо».

Мисс Говард залилась слезами:

— Так вот почему он отправил меня в Англию!

Но она быстро овладела собой и заявила:

— Мы возвращаемся в Париж!

Через полчаса молодая женщина и чувствовавший себя очень неловко г-н Мокар снова сели в коляску и во весь опор помчались в столицу.

Вечером, несмотря на то, что лопнувшая ось задержала их в пути на шесть часов, мисс Говард прибыла на Цирковую улицу.

— Скажите императору, что я нахожусь у себя, — сказала она главе кабинета, — а также добавьте, что он еще вспомнит обо мне…

После чего она вошла в свой дом.

Глазам ее предстало ужасающее зрелище. Вся мебель была перевернута, выпотрошена, кресла и диваны вспороты. Из комодов, секретеров, буфетов оказались вытащены все ящики, а их содержимое в полном беспорядке валялось на ковре.

В полном отчаянии Херриэт поднялась на второй этаж; увы, та же картина: весь гардероб был перевернут, меха искромсаны, кружева порваны, белье изрезано в лохмотья, и все это разбросано по всему полу.

Тогда она ринулась в свой будуар: там замки всех ящичков были взломаны, и зияющий пустотой секретер, по словам г-жи Симоны Андре-Моруа, напоминал глубокую раку после святотатства…»

Дрожа от предчувствия, Херриэт подошла поближе и увидела, что потайной ящик выворочен. Она лихорадочно порылась в тайнике, достала несколько ларчиков, из которых не пропал «ни один кулон, ни одна серьгам, но тщетно рука ее искала письма, полученные некогда от „ее дорогого императора“…

Теперь мисс Говард поняла все: то был не грабеж, а настоящий обыск.

Накануне своего бракосочетания Наполеон III принял чудовищное решение использовать полицию для изъятия его любовных писем…

Мисс Говард недолго проливала слезы. Гнев ее был так велик, что возобладал над горем, которое ее охватило. Смахнув нервным жестом гору предметов, вываленных на столик секретера, она написала императору записку.

Сухо, в нескольких словах, она потребовала скорейшей аудиенции, «отложив все дела». Одна из ее горничных понесла записку в Тюильри. В тот же вечер Наполеон III, сильно сконфуженный, явился на Цирковую улицу.

Мисс Говард попросила его сесть. Потом протянула ему газету, купленную в Гавре, и спокойно сказала:

— Обычно о своих планах вы сообщали мне сами…

Император опустил свой большой нос. Тогда она указала на развал, все еще царивший в комнате, и притворно ласковым тоном сказала:

— Благодарю вас за то, что вы прислали ко мне своих друзей. С присущей вам деликатностью вы поняли, что это единственный способ заполучить ваши письма… Я имела слабость дорожить ими больше, чем собственной жизнью, и вы, конечно, знали, что я скорее дам себя убить, чем верну их вам…

Наполеон, покрасневший до ушей, молча смотрел на огонь, пылавший в камине.

Мисс Говард продолжала:

— Но я попросила вас о встрече для того, чтобы говорить не о прошлом, а… о будущем… Мы когда-то вместе уже обсуждали возможность нашего разрыва. И вы неоднократно выражали желание видеть меня замужем за государственным чиновником, вдовцом пенсионного возраста. Но так как взгляды наши на этот счет сильно расходятся, я составила небольшой список моих пожеланий. Вот он. Я надеюсь, вы не откажетесь с ним ознакомиться и дать мне завтра ответ. Речь не идет о тех суммах, которые я неоднократно вам одалживала. Но тут я все еще рассчитываю на вашу деликатность…

Наполеон III встал. Неловким шагом он приблизился к Херриэт и попытался обнять ее. Молодая женщина резко вырвалась из его объятий.

— Я жду вашего ответа завтра вечером…

Император поклонился, молча вышел из комнаты и вернулся в Тюильри. Там он внимательно изучил документ, врученный ему мисс Говард, и увидел, что в нем содержится четыре пункта, которые в пересказе г-жи Симоны Андре-Моруа сводятся к следующему:

«1. Коль скоро Его Величество этого требует, мисс Говард обещает выйти замуж, но она хотела бы иметь право выбрать сама своего будущего спутника. „Почетной партии“, которую ей предлагают (чиновника-вдовца, достигшего пенсионного возраста), она бы предпочла „любого англичанина“.

2. Ни разу не нарушив общественного порядка и не совершив ни одного правонарушения, она не хотела бы оказаться высланной за сто верст от Парижа. Желательно, чтобы император ограничился высылкой своей жертвы в пределах департамента Сена-и-Уаза! С сентября 1852 года, опасаясь самого худшего, она подготовила там себе убежище. Отдавая предпочтение оседлой жизни, она приобрела себе поместье с участком в 184 гектара, замком Борегар, фермой Бешеве и конезаводом Бель-Эба. И если согласно этикету прежней монархии мисс Говард должна быть куда-то отослана для принудительного поселения, пусть, по крайней мере, это будут ее собственные владения.

3. Если владелица замка станет после этого графиней де Борегар, то какое имя будет носить ее сын? Этот момент ее беспокоит. В интересах своего сына Мартена-Константена мисс Говард настаивает на праве передачи титула по наследству.

4. Столь же важно для нее сохранить опеку над «ее горячо любимыми приемными сыновьями» Луи и Эженом (незаконнорожденные дети императора от м-ль Вержо, маленькой прачки из форта Ам)».

Своим мелким почерком Наполеон III тут же составил ответ, которого так ждала Херриэт. На другой день офицер охраны доставил его на Цирковую улицу. Вот вкратце его содержание (сразу бросается в глаза, что император добавил и пятый пункт):

«I. Мисс Говард разрешается выйти замуж за англичанина. Свобода выбора распространяется на всех британцев, независимо от того, холостяки они, вдовцы или разведенные.

2. Экс-фаворитка станет графиней де Борегар и де Бешеве после возведения этих земель в майорат. И подобно Агнессе Сорель, превращенной в даму де Боте, Херриэт Говард станет дамой де Бель-Эба.

3. Мартен-Константен, ее законный наследник, сможет унаследовать ее привилегии, титулы и земельные владения. Учитывая его французскую национальность, император предлагает этому молодому человеку возможность сделать дипломатическую карьеру.

4. Эжен и Луи не будут разлучены с их воспитательницей. За все время их учебы в средней школе они будут жить в тех же условиях, что и Мартен-Константен, пока не решат для себя, кем им быть, или не выявят какие-нибудь склонности. Александрии Вержо, их мать, не должна этому препятствовать (она на это охотно согласилась, тем более что у нее уже был третий ребенок, родившийся 12 августа 1850 года в результате ее связи с Пьером Бюром, главным казначеем короны, и окрещенный Пьером-Александром).

5. В своих апартаментах во дворце Сен-Клу, к обстановке, являющейся национальным достоянием, мисс Говард добавила множество принадлежащих ей лично портретов, бронзовых изделий из фарфора. Император подумал, что ей будет приятно самой — проследить за упаковкой и отправкой этих предметов искусства и личных вещей, и потому ей разрешается приехать в замок и находиться там».

Спустя несколько дней, когда парижане уже начали вывешивать на своих домах флаги по случаю императорского бракосочетания, мисс Говард упаковала свой багаж на Цирковой улице и уехала в Сен-Клу.

Она оставалась там еще и 30 января, когда пушечный залп и звон колоколов возвестили о том, что Евгения де Монтихо стала императрицей всех французов .

Херриэт была рада, что находится вдали от столицы; однако вечером, узнав, что новобрачные собираются провести первую брачную ночь в замке Вильнев-л'Этан, стоящем на окраине парка Сен-Клу, она разрыдалась и решила вернуться на Цирковую улицу .

В то время как мисс Говард плакала, в Париже толпы горожан в безумном восторге громко славили своих монархов.

На этот раз Евгения, пережившая столько обид, почувствовала наконец, что окончательно выиграла партию и что титул императрицы всех французов заставит замолчать ее противников.

Но она ошибалась.

В тот же вечер редакторы юмористической газеты «Тромбиноскоп» писали:

«В 1851 году м-ль де Монтихо появилась на празднествах в Елисейском дворце, которые в конце концов привели ее к вершине власти. Она сразу обратила на себя внимание своей грацией и своим талантом обходиться минимумом одежды. Однажды Наполеон III вальсировал с ней; она была в сильно декольтированном платье. На следующий день император сделал предложение Евгении де Монтихо. Ей тогда было двадцать семь лет. Выслушав подобное предложение, она должна была бы, как того требуют приличия, покраснеть и опустить глаза. Ей это удалось только после того, как она вспомнила о своем самом нежном детстве. Когда императору стало невтерпеж, она сказала, что должна посоветоваться с матерью. Хроника утверждает, что ей хватило выдержки отказать императору даже в самом маленьком свидетельстве своего расположения, о котором он так просил ее. Его венчание состоялось в соборе Парижской богоматери. Мессу отслужили в главном алтаре, поскольку часовня Пресвятой Девы находилась в ремонте…»

Статья эта была далеко не единственной диссонирующей нотой. Наполеон III и Евгения еще только прощались с приглашенными на церемонию бракосочетания, собираясь отправиться в замок Вильнев-л'Этан чтобы, наконец, насладиться покоем, а уж парижам вовсю распевали насмешливые куплеты. В одних авторы ограничивались намеками на легкомысленную молодость м-ль де Монтихо, в других откровенно сомневались в ее целомудрии.

Короче говоря, царствование Евгении начиналось весьма необычно…

1853 год. Жизнь Второй империи, чье появление было бы невозможно без мисс Говард, все семнадцать лет проходила в сплошных балах. В ритме бодрящей музыки Оффенбаха Наполеон III, с нафабренными усами и обтянутыми шелковыми чулками икрами, носился по паркету, без устали менял своих партнерш, и так продолжалось до того дня, пока пылкие дамы вконец не

обессилели, а сам он неожиданно не оказался единственным кавалеристом под Седаном…

И вот тогда несколько прелестных созданий, весьма, кстати, упитанных, что в те времена особенно нравилось и что делало их похожими на соблазнительные пуховые перины, перехваченные посередине, становятся любовницами очень представительных бородачей в цилиндре и визитке, чтобы помочь им в создании Третьей республики, разумеется, единой, неделимой и, главное, наследственно жизнелюбивой…